

ТЕСС ГЕРРИТСЕН

ДОЧЕНИК

Она авторка бестселлера

ЖИРУРГ»

В лучших традициях
«модельных женствен-
ных» женского фэнтези.

Annotation

Детектив Джейн Риццоли еле выжила после столкновения с Джеком-Потрошителем XXI века — садистом и убийцей Уорреном Хойтом по кличке «Хирург». Хойт сидит в тюрьме, однако на улицах Бостона появляется новый таинственный потрошитель, получивший у полицейских прозвище «Властелин». Получается, что «Хирург» обрел ученика, но затем и сам Хойт неожиданно оказывается на свободе. Убийц уже двое, гибнут все новые женщины, и над жизнью Джейн Риццоли, а также других героинь цикла — кардиолога Кэтрин Корделл, патолога-анатома красавицы Мауры Айлз — опять нависает угроза...

- [Тесс Герритсен](#)

- [Пролог](#)
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
-

Тесс Герритсен

Ученик

Посвящается Террине и Майку

Благодарности:

На протяжении работы над книгой меня окружала замечательная команда единомышленников, которые подбадривали меня, помогали советами, подпитывали эмоциями, а иначе я не могла бы двигаться вперед. Большое спасибо моему агенту, подруге и путеводной звезде Мег Рули, а также Джейн Берки, Дону Клири и всему необыкновенному коллективу Агентства Джейн Ротрозен. Я в высшей степени признательна моему превосходному редактору Линде Марроу; Джине Сентрелло за ее неиссякаемый энтузиазм; Луису Мендесу, который посвящал меня в тонкости дела; Джилли Хейлпарн и Мари Кулман, которые поддержали меня в те мрачные дни после 11 сентября и помогли благополучно вернуться домой. Спасибо Питеру Марсу за информацию о работе бостонского управления полиции и Селине Уокер за моральную поддержку.

Особую благодарность я выражаю своему мужу Джекобу, который не понаслышке знает, как трудно жить с писательницей, — но все равно мы вместе.

Пролог

Сегодня я наблюдал, как умирает человек.

Этого никто не ожидал, и мне до сих пор не верится, что такая драма произошла у меня на глазах. Так много в жизни волнующих моментов, предугадать которые мы не в силах, а потому нужно учиться сmakовать их, ценить, ведь они вносят разнообразие в наше монотонное существование. А мои дни тянутся особенно медленно — здесь, в этом мире за высокими стенами, где люди пронумерованы и различаются не по именам, не по Богоманным талантам, а исключительно по статьям совершенных преступлений. Мы одинаково одеты, едим одинаковую пищу, читаем одни и те же потрепанные книги из тюремной библиотеки. И дни похожи друг на друга. Пока вдруг какое-нибудь происшествие не напомнит о том, что жизнь непредсказуема.

Именно это и произошло сегодня, второго августа, которое выдалось невыносимо жарким и солнечным — как раз как я люблю. Пока другие потеют и шаркают по тюремному двору, словно полусонное стадо, я стою посреди спортивной площадки, подставив лицо солнцу, как ящерица, млеющая от жары. Мои глаза закрыты, так что мне не видно, как вонзается в тело нож и как жертва, пошатнувшись, падает. Но я слышу гул взволнованных голосов и открываю глаза.

В углу тюремного двора истекает кровью человек. Остальные разбредаются по сторонам, привычно нацепляя маску равнодушия: «Ничего не вижу, ничего не знаю».

Я один подхожу к лежащему человеку.

Какое-то мгновение я просто стою и смотрю на него сверху вниз. Его глаза открыты и пока видят — хотя бы мой черный силуэт на фоне сияющего неба. Он молод, у него совсем светлые волосы, а бородка едва ли гуще пушки. Он открывает рот, и наружу вырываются пузырьки розовой пены. Кровавое пятно растекается на его груди.

Я опускаюсь на колени возле него, разрываю на нем рубаху, оголяя рану чуть левее грудины. Лезвие ножа прошло прямо между ребер и явно задело легкое, а может, и предсердие. Рана смертельная, и он это знает. Он пытается заговорить со мной, его губы беззвучно шевелятся, глаза пытаются поймать фокус. Он хочет, чтобы я наклонился ближе — возможно, чтобы услышать какое-нибудь предсмертное признание, но меня совершенно не интересует то, что он хочет сказать.

Гораздо больше меня занимает его рана. Его кровь.

Я хорошо знаю, что такое кровь. Я знаю ее вплоть до мельчайших элементов. Через мои руки прошло бесчисленное количество пробирок с кровью, я имел возможность любоваться всеми оттенками ее красного цвета. Я гонял ее по центрифугам, сортируя по двухцветным пакетикам клетки, отделяя желтоватую сыворотку. Мне знаком ее блеск, ее шелковистая текстура. Я видел, как атласным потоком струится она из свежего надреза на коже.

Кровь сочится из его груди словно божественная вода из святого источника. Я прижимаю ладонь к ране, окуная ее в теплую жижу, и кровь покрывает мою руку словно алая перчатка. Он думает, что я пытаюсь помочь ему, и в его глазах вспыхивает искорка благодарности. Скорее всего в короткой жизни парня было совсем мало доброты; какая ирония судьбы — меня вдруг ошибочно приняли за благодетеля.

У меня за спиной раздается шарканье сапог, и слышится грубый окрик: «Назад! Всем назад!»

Кто-то хватает меня за рубашку и оттаскивает назад, прочь от умирающего. Во дворе пыль столбом, воздух наполнен криками и бранью — наше стадо загоняют в угол. Орудие убийства — нож — остается валяться на земле. Охрана требует ответов, но никто ничего не видел, никто ничего не знает.

Как всегда.

Я держусь чуть в стороне от остальных; меня здесь побаиваются. Поднимаю руку, с которой все еще капает кровь умершего, и вдыхаю ее сладковатый, с примесью металла запах. По одному только запаху я могу определить, что это молодая кровь, вытекшая из молодой плоти.

Заключенные таращат на меня глаза, и пропасть между нами становится еще шире. Они знают, что я другой; они всегда это чувствовали. Даже эти отъявленные злодеи поглядывают на меня с опаской, потому что понимают, кто я такой и на что способен. Я вглядываюсь в их лица, пытаясь отыскать среди них кровного брата, под стать мне. И не нахожу его даже здесь, в этом скопище монстров.

Но он существует. Я знаю, что не одинок на этой земле.

Где-то есть единомышленник. И он ждет меня.

1

Уже слетались мухи. За четыре часа на жаркой мостовой южного Бостона растерзанная плоть успела поджариться и теперь источала особые запахи, которые, словно гонг к обеду, созывали насекомых. Хотя то, что осталось от тела, было накрыто простыней, стервятникам еще было чем поживиться. В радиусе тридцати футов были разбросаны ошметки мозга и прочие останки. Кусок скальпа застрял на втором этаже дома, зацепившись за цветочный ящик, а лохмотья кожи приклеились к припаркованным автомобилям.

Детектив Джейн Риццоли никогда не жаловалась на желудок, но даже ей пришлось остановиться; закрыв глаза и скав кулаки, она злилась на себя за минутную слабость. Держись. Держись. Она была единственной женщиной-детективом в отделе убийств бостонского полицейского управления и знала, что постоянно находится под безжалостным прицелом критики со стороны коллег. Любой ее промах, как и триумф, неизменно привлекал всеобщее внимание. Ее партнер Барри Фрост уже успел умыть свой завтрак и теперь сидел в прохладном салоне автомобиля, уронив голову на колени и ожидая, пока уляжется буря в животе. Но она не могла себе позволить поддаться тошноте. Она была единственным представителем власти на месте происшествия, и толпа, собравшаяся по ту сторону ленты полицейского оцепления, внимательно наблюдала за ней, отмечая каждый ее шаг, каждую мелочь в ее внешнем облике. Она знала, что выглядит моложе своих тридцати четырех лет, и старалась держаться строго и официально. Недостаток роста она компенсировала прямым взглядом, а широкие плечи добавляли ей солидности. Она уже научилась доминировать на месте расследования, и не в последнюю очередь благодаря своей дотошности.

Но эта жара явно подрывала ее решительный настрой. Дежурство она начала в своем обычном блейзере и узких брюках, с тщательно уложенной прической. Теперь же блейзер был снят, блузка помялась, а влажный воздух превратил ее темные волосы в копну непослушных кудряшек. Она чувствовала себя словно в западне, зажатая запахами, мухами и палящим солнцем. Сосредоточиться было невозможно. Тем более что на нее были устремлены сотни глаз.

Ее внимание привлекли громкие голоса. Мужчина в рубашке и галстуке пытался пробиться через оцепление и спорил с полицейским.

— Послушайте, мне надо попасть на конференцию, вы понимаете? Я уже и так на час опоздал. Вы оцепили мою машину этой чертовой лентой и теперь заявляете, что мне нельзя ехать. Это моя собственность, черт возьми!

— Здесь место преступления, сэр.

— Но это же несчастный случай!

— Мы еще этого не установили.

— Вам что, целый день для этого нужен? — кипятился мужчина. — Почему вы нас не слушаете? Вся округа слышала, как это произошло!

Риццоли подошла к мужчине, который уже обливался потом. Была половина двенадцатого, и солнце, приближаясь к зениту, просто неистовствовало.

— Что именно вы слышали, сэр? — спросила она.

Мужчина фыркнул:

— То же самое, что и все остальные.

— Громкий удар?

— Да. Примерно в половине восьмого. Я как раз выходил из душа. Выглянул в окно, а он там лежит, на тротуаре. Вы сами видите, здесь опасный поворот. Эти сумасшедшие водители вылетают из-за угла словно летучие мыши из преисподней. Его, должно быть, сбил грузовик.

— Вы видели грузовик? — оживилась Риццоли.

— Нет.

— Может, слышали?

— Нет.

— И легковую машину тоже не видели?

— Легковушка, грузовик, какая разница? — Он пожал плечами. — Все равно это наезд.

Ничего нового она не узнала: то же самое повторяли и десяток его соседей. Где-то между четвертью и половиной восьмого утра на улице раздался громкий удар. Самого столкновения никто не видел. Люди просто слышали шум, а потом обнаружили тело мужчины. Риццоли уже обдумала и отвергла версию о прыжке с крыши. Все дома в округе были двухэтажными, и такая высота никак не могла объяснить столь катастрофическиеувечья. Точно так же она не обнаружила и следов взрыва, который мог бы порвать тело в клочья.

— Послушайте, теперь я могу забрать свою машину? — не унимался мужчина. — Вон тот зеленый «Форд».

— Тот, у которого кузов обляпан мозгами?

— Да.

— А вы сами-то как думаете? — резко бросила Риццоли и отошла в сторону, присоединившись к судмедэксперту, который, сидя на корточках, обследовал асфальт. — Люди здесь какие-то чудные, — сказала она. — Всем наплевать на убитого. И, похоже, никто его не знает.

Доктор Эшфорд Тирни даже не поднял на нее глаз, продолжая осматривать дорогу. Сквозь редкие седые пряди блестел его взмокший от пота череп. Никогда еще она не видела доктора Тирни таким старым и уставшим. Пытаясь встать, он в молчаливом призывае о помощи протянул ей руку. Она взяла его за руку и почувствовала, как скрипят его усталые кости и пораженные артритом суставы. Этот пожилой джентльмен, южанин, родом из Джорджии, никогда не симпатизировал грубоватым бостонским манерам Риццоли, а она, в свою очередь, недолюбливала его за формализм. Пожалуй, их связывали только трупы, которые проходили через руки доктора Тирни. Но сейчас, помогая ему подняться, она вдруг поймала себя на мысли, что тронута его немощью, и почему-то сразу вспомнила своего деда, у которого была любимой внучкой — возможно, потому, что он узнавал в ней себя, такого же гордого и хваткого. Она помнила, как помогала ему вставать с инвалидного кресла, как безвольно лежала у нее на плече его парализованная после инсульта рука. Даже такие могучие мужчины, как Альдо Риццоли, бессильны против времени, которое безжалостно калечит их кости и суставы. То же самое происходило и с доктором Тирни.

— Таким «висяком» только карьеру завершать, — сказал он, достав из кармана носовой платок и утирая пот со лба. — Придете на вечеринку по случаю моего ухода на пенсию, детектив?

— Э-э... какую еще вечеринку? — спросила Риццоли.

— Ту самую, которую вы все готовите для меня в качестве сюрприза.

Она вздохнула. И призналась:

— Конечно, приду.

— Ха. Я всегда знал, что от вас можно получить прямой ответ. Так она состоится на следующей неделе?

— Через две недели. И я вам ничего не говорила, идет?

— Я рад, что вы сказали. — Он опустил взгляд. — Честно говоря, не очень-то люблю сюрпризы.

— Ну и что же мы здесь имеем, док? Наезд?

— Похоже, удар произошел на этом месте.

Риццоли посмотрела на большую лужу крови. После чего перевела взгляд на покрытое простыней тело, которое лежало на тротуаре на расстоянии в добрых двенадцать футов.

— Вы хотите сказать, что сначала он ударился о землю здесь, а потом отскочил туда? — спросила она.

— Похоже на то.

— Тогда это должен быть огромный грузовик, судя по разбросу останков.

— Не грузовик, — загадочно произнес Тирни. Он двинулся вдоль тротуара, не отрывая взгляда от асфальта.

Риццоли следовала за ним, отмахиваясь от назойливых мух. Тирни остановился шагах в тридцати и указал на сероватый ком у обочины.

— Еще фрагменты мозга, — заметил он.

— Так это не мог быть грузовик?

— Нет. И вообще не автомобиль.

— А как же следы шин на рубашке жертвы?

Тирни выпрямился и обвел глазами улицу, тротуары, здания.

— Вы не находите ничего удивительного в этом месте, детектив?

— Нет, кроме того, что здесь лежит мертвый парень, у которого вышибло мозги.

— Посмотрите на место столкновения. — Тирни жестом указал на тот участок дороги, который недавно осматривал. — Видите, как беспорядочно разбросаны части тела?

— Да. Его разнесло по всей округе. Место столкновения в самом центре.

— Правильно.

— Это оживленная улица, — сказала Риццоли. — Автомобили действительно вылетают из-за угла на высокой скорости. Кроме того, на рубашке жертвы видны следы протектора.

— Давайте-ка еще разок посмотрим на эти отметины.

Пока они шли к трупу, к ним присоединился Барри Фрост, который наконец вылез из машины. Вид у него был неважный.

— Боже, о боже, — стонал он.

— С тобой все в порядке? — участливо спросила Риццоли.

— Думаешь, я мог подцепить что-то вроде желудочного гриппа?

— Или того хуже. — Ей нравился Фрост, всегда жизнерадостный и безропотный, но видеть его таким нытиком было невыносимо. Она похлопала его по плечу и по-матерински улыбнулась, Фросту, казалось, было приятно такое нежное участие, пусть даже со стороны Риццоли, которая никак не годилась на роль матери. — В следующий раз я прихвачу для тебя пакет, чтобы ты мог блевать спокойно, — пообещала она.

— Знаешь, — продолжал он, семеня за ней, — мне все-таки кажется,

что это грипп...

Они подошли к трупу. Тирни, преодолевая сопротивление суставов, присел на корточки и откинул простыню. Фрост побелел и отпрянул назад. Риццоли с трудом поборола инстинктивное желание сделать то же самое.

Туловище было разорвано на две части, примерно на уровне пупка. Верхняя половина в бежевой рубашке из хлопка растянулась с востока на запад. Нижняя часть — в голубых джинсах — лежала в направлении с севера на юг. Половинки соединялись обрывками кожи и мышц. Внутренние органы валялись рядом мягкой бесформенной массой. В черепе, расколотшемся от удара, зияла огромная дыра, из которой и вытек мозг.

— Молодой мужчина, упитанный, предположительно латиноамериканского или средиземноморского происхождения, возраст от двадцати до тридцати лет, — произнес Тирни. — Очевидны повреждения грудного отдела позвоночника, ребер, ключиц и черепа.

— Так это все-таки мог быть грузовик? — продолжала допытываться Риццоли.

— Конечно, нельзя исключать вероятность того, что грузовик мог нанести столь многочисленные и тяжелые травмы. — Тирни пристально посмотрел на детектива. — Но такой грузовик еще поискать надо. Или вы видели нечто подобное?

— К сожалению, нет, — призналась она.

Фросту наконец удалось выдавить из себя комментарий:

— Знаете, мне кажется, что это не следы шин.

Риццоли взгляделась в темные потеки на рубашке жертвы и, коснувшись пальцем одного из пятен, стала изучать его отпечаток на латексе перчатки. Какое-то время она молчала, переваривая новую информацию.

— Ты прав, — сказала она. — Это не след шины. Это смазка.

Она выпрямилась и оглядела дорогу. На асфальте не было следов торможения, как не было ни битого стекла, ни обломков пластика, которые неизбежно должны были остаться после такого столкновения.

На какое-то мгновение все замолчали. И многозначительно переглянулись, когда единственное возможное объяснение осенило всех одновременно. Словно в подтверждение внезапной догадки над головами с ревом пролетел самолет. Риццоли покосилась вслед «Боингу-747», шедшему на посадку в международный аэропорт Логан, в пяти милях к северо-востоку.

— О боже, — вздохнул Фрост, щурясь от солнца. — Какая жуткая

смерть. Скажите, что он был уже мертв, когда падал.

— Не исключено, — успокоил его Тирни и добавил: — Я бы предположил, что он сорвался, когда самолет выпустил шасси. Если, конечно, это был прибывающий самолет.

— Ну да, — согласилась Риццоли. — Сколько нелегалов пытаются любым способом выбраться из страны. — Она посмотрела на смуглое лицо жертвы. — Итак, предположим, он выпал из самолета, летевшего из Южной Америки...

— Самолет летел на высоте не менее тридцати тысяч футов, — уточнил Тирни. — Ниши колес шасси не герметизируются. Этот парень, должно быть, пострадал от декомпрессии. Да плюс еще мороз. Даже в разгар лета температуры на такой высоте чрезвычайно низкие. Несколько часов в таких условиях — и наступает гипотермия, от недостатка кислорода человек теряет сознание. А может, его раздавило еще в тот момент, когда убрали шасси после взлета. Во всяком случае путешествие в нише шасси ни к чему хорошему привести не могло.

Писк пейджера Риццоли прервал лекцию судмедэксперта. Монолог действительно грозил перерасти в лекцию, поскольку Тирни оседлал своего конька. Риццоли взглянула на выставившийся номер абонента, но не узнала его. Разве что бросился в глаза междугородный код Ньютона. Она достала сотовый телефон и набрала номер.

— Детектив Корсак слушает, — ответил мужской голос.

— Это Риццоли. Вы звонили мне на пейджер?

— Вы сейчас на сотовом, детектив?

— Да.

— Можете перезвонить с городского телефона?

— В данный момент — нет. — Она понятия не имела, кто такой детектив Корсак, и ей не терпелось свернуть разговор. — Может, скажете, в чем дело?

Последовала пауза. В трубке слышались чьи-то отдаленные голоса и треск полицейской радио.

— Я здесь на месте преступления, в Ньютоне, — произнес наконец Корсак. — Думаю, вам стоит приехать и посмотреть.

— Вам требуется помочь бостонской полиции? Я могла бы порекомендовать вам кого-то из сотрудников нашего отдела.

— Я пытался связаться с детективом Муром, но мне сказали, что он в отпуске. Поэтому я звоню вам. — Он опять сделал паузу, а потом добавил со значением: — Речь идет о том деле, которое вы вели с Муром прошлым летом. Понимаете, о чем я?

Теперь паузу взяла она. Риццоли было предельно ясно, что он имеет в виду. Воспоминания о том расследовании до сих пор являлись ей в ночных кошмарах.

— Продолжайте, — тихо произнесла она.

— Запишете адрес? — спросил он.

Она достала свой блокнот.

Уже через мгновение она вновь внимательно слушала доктора Тирни.

— Я видел подобные травмы у парашютистов, которые погибали из-за нераскрывшихся парашютов, — сказал он. — С такой высоты тело падает с предельной скоростью, примерно шестьдесят метров в секунду. Этого достаточно, чтобы вызвать расчленение. Что мы здесь и наблюдаем.

— Чертовски дорогая плата за то, чтобы попасть в эту страну, — заметил Фрост.

В небе опять раздался рев самолета, и его тень пронеслась над ними, словно гигантская птица.

Риццоли устремила взгляд в небо. Представила, как падает тело с трехсотметровой высоты, как обжигает ледяной воздух, а потом становится теплее, и стремительно приближается земля.

Она посмотрела на укрытые простыней останки человека, который дерзнул мечтать об ином мире, о счастливом будущем.

Добро пожаловать в Америку.

* * *

Ньютонский полицейский, стоявший в оцеплении перед домом, явно был новичком и Риццоли не узнал. Он остановил ее возле заграждения и обратился к ней грубоватым тоном, вполне соответствовавшим его новенькой форме. На именной бирке значилось: РИДЖ.

— Это место преступления, мэм.

— Я детектив Риццоли, Бостонское полицейское управление. Мне нужен детектив Корсак.

— Ваше удостоверение, пожалуйста.

Она не ожидала такой просьбы — пришлось долго копаться в сумке в поисках удостоверения. В Бостоне едва ли не каждый постовой знал, кто она. И вот, стоило ей выехать за пределы своей территории, как она вынуждена подвергнуться унизительной процедуре предъявления документа. Отыскав корочку, Риццоли ткнула ею чуть ли не в нос дотошному полицейскому.

Едва взглянув на удостоверение, он тут же залился краской.

— Извините, мэм. Понимаете, тут есть одна назойливая репортерша, которая только что все-таки проскочила мимо меня. Я решил, что больше не допущу такого.

— Корсак там?

— Да, мэм.

Она обратила внимание на скопление служебных автомобилей, среди которых выделялся белый минивэн с надписью: ШТАТ МАССАЧУСЕТС, СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА.

— Сколько трупов? — спросила она.

— Один. Его сейчас вынесут.

Полицейский приподнял ленту заграждения, пропуская ее во двор. Щебетали птицы, в воздухе пахло свежескошенной травой. «Здесь тебе не южный Бостон», — подумала она. Пейзаж и в самом деле был безупречным: за аккуратно подстриженной живой изгородью открывался ухоженный палисадник и лужайка с ярко-зеленым газоном. Она замедлила шаг, заглядевшись на крышу дома с налетом архитектурного стиля эпохи Тюдоров. «Прямо-таки владелец английского поместья», — мелькнуло в голове. Да уж, о таком доме, да в столь престижном месте честному полицейскому и мечтать было непозволительно.

— Нехилая норка, да? — крикнул ей Ридж.

— Чем этот парень зарабатывал на жизнь?

— Я слышал, он был кем-то вроде хирурга.

Хирург. Для нее это слово имело особый смысл, от него веяло ледяным холодом, пробиравшим до костей даже в такую жару. Риццоли посмотрела на входную дверь и заметила, что ручка двери обработана порошком для снятия отпечатков пальцев. Набрав в грудь побольше воздуха, она надела латексные перчатки, а на ноги — бумажные бахилы.

В доме ее воображение поразили натертые до блеска дубовые полы и лестница, уходившая под самый купол, от высоты которого захватывало дух. Витражное окно пропускало цветные полоски света.

Зашуршали бумажные бахилы, и в холле возникла массивная фигура старшего офицера. Его деловой костюм с аккуратно завязанным галстуком безнадежно портили обширные пятна пота под мышками. Из закатанных рукавов рубашки торчали мясистые руки, поросшие темными волосами.

— Риццоли? — спросил он.

— Она самая.

Он подошел к ней для рукопожатия, но вдруг вспомнил, что уже надел перчатки, и опустил руку.

— Винс Корсак. Извините, что не мог сказать больше по телефону — но сегодня у всех есть «жучки». К нам и так уже прорвалась одна репортерша. Сука.

— Я в курсе.

— Послушайте, я понимаю, вы наверняка мучаетесь вопросом, какого черта вас сюда вызвали. Но я следил за вашей работой в последний год. Ну, знаете, эта серия убийств по делу Хирурга. И решил, что вам будет интересно посмотреть на это.

Она почувствовала, как пересохло в горле.

— Что у вас здесь?

— Жертва в гостиной. Доктор Ричард Йигер, тридцати шести лет. Хирург-ортопед. Это его дом.

Она бросила взгляд на витражное окно.

— Я смотрю, у вас тут в Ньютоне и убийства крутые.

— Я бы с радостью отдал их все бостонской полиции. Здесь такого по определению быть не должно. А уж подобного кошмара — тем более.

Корсак провел ее через холл в гостиную. Риццоли буквально ослепил яркий солнечный свет, заливавший комнату сквозь стеклянную стену высотой в два этажа. Несмотря на присутствие криминалистов, которые до сих пор копошились на месте преступления, комната казалась просторной и пустой. Белые стены, блестящий деревянный пол.

И кровь. Как бы часто ни приходилось ей бывать на месте преступления, к виду крови она никак не могла привыкнуть. Вот и сейчас детективу казалось, будто кровавый хвост кометы отпечатался на стене, разбросав вокруг багровые брызги. А источник этого фонтана, доктор Ричард Йигер, сидел, привалившись к стене, со связанными за спиной руками. На нем были только боксерские трусы, ноги вытянуты вперед и обмотаны вокруг щиколоток скотчем. Голова безжизненно свесилась на грудь, заслоняя собой рану, которая и вызвала такую фатальную кровопотерю. Впрочем, Риццоли и без того было ясно, что ранение глубокое, задело и сонную артерию, и трахею. Она слишком хорошо знала последствия таких ранений и могла без труда составить картину последних мгновений жизни жертвы: вот лопается артерия, легкие наполняются кровью, бедняга пытается дышать через поврежденную трахею. И захлебывается собственной кровью. Пузырьки трахейной жидкости уже высохли на его голой груди. Судя по широким плечам и крепкой мускулатуре, мужчина был в хорошей физической форме и, разумеется, мог отразить любое нападение. И все же он умер со склоненной головой, в позе, выражавшей полное смирение и покорность.

Двое санитаров морга уже подготовили носилки и теперь стояли возле трупа, примеряясь, как лучше взяться за окоченевшее тело.

— Когда медэксперт осмотрела его в десять утра, — сказал Корсак, — было зафиксировано изменение цвета кожи и полное трупное окоченение. На основании этого она сделала вывод, что смерть наступила между полуночью и тремя часами утра.

— Кто его нашел?

— Его медсестра. Когда сегодня утром он не явился в клинику и при этом не отвечал на телефонные звонки, она приехала сюда, чтобы проверить, не случилось ли что. Это было около девяти утра. Следов присутствия жены не обнаружено.

Риццоли вопросительно взглянула на Корсака:

— Жены?

— Да, Гейл Йигер, тридцати одного года. Она исчезла.

Озnob, который ощущала Риццоли на пороге дома Йигера, вновь дал о себе знать.

— Похищение?

— Я просто сказал, что она исчезла.

Риццоли уставилась на Ричарда Йигера. Его мускулистое тело никак не вязалось со смертью.

— Расскажите мне об этих людях, об их браке.

— Счастливая пара. Так все говорят.

— Как всегда, — усмехнулась Риццоли.

— В данном случае, похоже, это правда. Они поженились всего два года назад. В прошлом году купили этот дом. Она работает операционной сестрой в его клинике, так что у них общий круг друзей, общие интересы.

— Слишком много общего.

— Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Я бы рехнулся, если б моя жена торчала рядом целый день. Но они, кажется, прекрасно ладили. В прошлом месяце он взял отпуск на две недели, просто чтобы побывать с ней дома после кончины ее матери. Сколько, по-вашему, заколачивает хирург-ортопед за две недели, а? Пятнадцать, двадцать тысяч баксов? Дороговато за утешение супруги.

— Должно быть, она в этом нуждалась.

Корсак пожал плечами.

— Все равно.

— Выходит, вы не видите причин, почему она могла уйти от него.

— И уж тем более прикончить его, — добавил он.

Риццоли еще раз посмотрела на высокие окна гостиной. Деревья и

кустарники плотной стеной окружали дом, полностью загораживая его от соседских взглядов.

— Вы сказали, что смерть наступила между полуночью и тремя утра.

— Да.

— Соседи что-нибудь слышали?

— Соседи слева — в Париже. О-ля-ля. Соседи справа крепко спали всю ночь.

— Есть следы вторжения?

— Да, через кухонное окно. Сетка вырезана. В цветнике следы подошв одиннадцатого размера. Эти же отпечатки, но уже в крови, в гостиной. — Он достал из кармана носовой платок и промокнул влажный лоб. Корсак был одним из тех несчастных, кому дезодоранты были слабыми помощниками. Всего за несколько минут, пока они разговаривали, круги у него под мышками стали еще заметнее.

— Ладно, давай отдирать его от стенки, — сказал один из санитаров. — Завалим его сначала на простыню.

— Осторожнее голову! Она отваливается!

— О боже!

Риццоли и Корсак молча наблюдали за тем, как доктора Йигера укладывают на одноразовую простыню. Труп окоченел, застыв в позе под прямым углом, и санитары долго спорили, как разместить его на носилках.

Риццоли вдруг заметила обрывок чего-то белого, валявшийся на полу — там, где только что находился труп. Она присела на корточки и подняла заинтересовавший ее предмет, оказавшийся осколком фарфора.

— Разбитая чашка, — сказал Корсак.

— Что?

— Рядом с жертвой были чашка и молочник. Похоже, упали у него с коленей или что-то в этом роде. Мы их уже упаковали, чтобы исследовать на предмет отпечатков. — Он заметил ее недоуменный взгляд и пожал плечами. — Не спрашивайте меня.

— Символический артефакт?

— Да. Ритуальное чаепитие для мертвца.

Риццоли смотрела на крохотный осколок фарфора, который лежал у нее на ладони, и размышляла о том, что бы все это могло значить. Она чувствовала, как растет в груди тяжелый ком. И всплывает ощущение чего-то до боли знакомого. Перерезанное горло. Связанные скотчем конечности. Ночное вторжение через окно. Сонная жертва или жертвы, застигнутые врасплох.

И пропавшая женщина.

— Где спальня? — спросила она. Ей совсем не хотелось видеть спальню. Она боялась увидеть ее.

— Отлично. Я как раз хотел, чтобы вы ее посмотрели.

Коридор, который вел к спальне, был увешан черно-белыми фотографиями. Но это были не привычные портреты улыбающихся супружов. На снимках застыли обнаженные женские тела, а лица их обладательниц оставались в тени или прятались от объектива. Вот женщина обнимает дерево, и ее гладкая кожа трется о шершавую кору. Женщина сидит, наклонившись вперед, и ее длинные волосы каскадом падают на голые бедра. Женщина простирает руки к небу, ее тело блестит от пота после интенсивной тренировки. Риццоли остановилась перед одной из фотографий:

— А ведь это одна и та же женщина.

— Да, это она.

— Миссис Йигер?

— Похоже, они тут всякими извращениями занимались, не находите?

Риццоли уставилась на безупречное тело Гейл Йигер.

— Никаких извращений я тут не вижу. По-моему, красивые фотографии.

— Да уж, ничего не скажешь... Спальня здесь. — Корсак жестом указал на дверь.

Она остановилась на пороге спальни. Королевских размеров кровать была в полном беспорядке, как будто супругов спешно выдернули из постели. На ворсистом розовом ковре отпечатались две дорожки, которые тянулись от кровати к двери.

— Их обоих волокли от кровати, — тихо произнесла Риццоли.

Корсак кивнул:

— Преступник нападает на них, спящих. Каким-то образом подавляет их сопротивление. Связывает по рукам и ногам. Волочит по ковру в коридор, а там уже тащит по деревянному полу.

Поведение убийцы сбивало ее с толку. Она представила, что он стоит там, где она сейчас, и смотрит на спящую пару. Сквозь незашторенное окно в спальню проникало достаточно света, так что он без труда мог определить, где мужчина, а где женщина. Сначала он подошел к доктору Йигеру. Логично было бы в первую очередь нейтрализовать мужчину, оставив женщину на потом. До этого момента Риццоли было все ясно. Как убийца подбирался к жертве, как нападал. Но что она не понимала — так это его дальнейшие действия.

— Зачем было их тащить? — недоумевала она. — Почему он не убил

доктора Йигера прямо здесь? К чему было убирать их из спальни?

— Я не знаю. — Корсак жестом пригласил ее пройти внутрь. — Здесь все уже сфотографировано. Можно заходить.

Она неохотно вошла в комнату и, стараясь не ступать на темные отметины на ковре, приблизилась к кровати. Ни на простынях, ни на одеяле крови не было. На подушке остался длинный светлый волос — должно быть, это подушка миссис Йигер, подумала она. Фотография супружеской пары, стоявшая в рамке на тумбочке, подтвердила ее предположение о том, что Гейл Йигер была блондинкой. И весьма миловидной, с голубыми глазами и веснушками на загорелом лице. Доктор Йигер обнимал ее за плечи и излучал уверенность мужчины, сознающего свою физическую привлекательность. Глядя на него, никак нельзя было предположить, что он встретит свою смерть в исподнем, со связанными конечностями.

— Это на стуле, — произнес Корсак.

— Что?

— Посмотрите сами.

Риццоли посмотрела в угол комнаты, где стоял антикварный стул с высокой спинкой. На сиденье была аккуратно сложена ночная сорочка. Подойдя ближе, она увидела ярко-красные брызги на кремовом шелке.

Холодок пробежал у нее по коже, и на мгновение перехватило дыхание.

Она протянула руку и приподняла уголок сорочки. Внутри тоже оказались пятна крови.

— Мы не знаем, чья это кровь, — сказал Корсак. — Может быть, самого доктора Йигера, а может, и его жены.

— Сорочка уже была в крови, когда он ее складывал.

— Но здесь, в спальне, никаких пятен не обнаружено. Значит, она была испачкана в другой комнате. А потом он принес ее сюда, аккуратно сложил на стуле словно подарок. — Корсак выдержал паузу. — Вам это что-нибудь напоминает?

Риццоли с трудом проглотила слюну.

— Вы сами знаете ответ.

— Этот убийца копирует почерк вашего старого знакомого.

— Нет, здесь все по-другому. Хирург никогда не нападал на пары.

— Аккуратно сложенная пижама. Скотч. Нападение во сне.

— Уоррен Хойт выбирал одиноких женщин, жертв, с которыми можно было легко справиться.

— Но посмотрите, как много совпадений! Я вам говорю, это скопированное убийство. Какой-то псих начитался про Хирурга.

Риццоли все смотрела на ночную сорочку, и в памяти всплывали другие спальни, другие сцены убийств. Стояло такое же невыносимо жаркое лето, женщины спали с открытыми окнами, и человек по имени Уоррен Хойт пробирался в их дома. Он приносил с собой свои мрачные фантазии и с помощью скальпеля исполнял кровавые ритуалы, при этом полусонные жертвы видели и чувствовали каждое движение зловещего лезвия. Она смотрела на сорочку, а перед глазами вставало ничем не примечательное лицо Хойта — лицо, которое до сих пор являлось ей в ночных кошмарах.

Но это не его работа. Уоррен Хойт надежно заперт, оттуда не сбежать. Я это знаю, потому что сама упекла его за решетку.

— «Бостон Глоуб» прямо-таки в красках расписал все его подвиги, — сказал Корсак. — Вашему герою удалось даже в «Нью-Йорк Таймс» засветиться. И вот теперь у него появился двойник.

— Нет, ваш киллер делает то, чего никогда не делал Хойт. Он тащит супругов из спальни в другую комнату, усаживает мужчину у стены, а потом перерезает ему горло. Это больше похоже на некий ритуал. И потом ведь остается женщина. Он убивает мужа, но что он делает с женой? — Риццоли запнулась, вспомнив вдруг про осколок фарфора. Разбитая чашка. Тайный смысл, открывшийся ей, пронзил ледяным холодом.

Не говоря ни слова, она вышла из спальни и вернулась в гостиную. Посмотрела на стену, у которой еще недавно сидел доктор Йигер, и принялась изучать брызги крови на деревянном полу.

— Риццоли! — обратился к ней Корсак.

Она повернулась к окнам и сощурилась от яркого солнечного света.

— Здесь слишком светло. И чересчур много стекла. Мы не сможем занавесить стену. Придется вернуться вечером.

— Вы хотите исследовать пятна?

— Да. Нам понадобится ультрафиолетовый свет.

— Но что вы хотите увидеть?

Она опять повернулась к стене.

— Доктор Йигер сидел здесь в момент своей смерти. Убийца выволок его из спальни, притащил сюда, усадил спиной к стене, так, чтобы он мог видеть центр комнаты.

— Допустим.

— Зачем он поместил жертву сюда? К чему все эти сложности, тем более что мужчина был еще жив? Должна быть какая-то причина.

— Какая еще причина?

— Его усадили сюда, чтобы он мог на что-то смотреть. Быть

свидетелем происходившего в этой комнате.

По мере того как до Корсака доходил смысл сказанного, на лице его проступал дикий ужас. Он уставился на стену, у которой сидел доктор Йигер, единственный зритель в театре кошмара.

— О боже, — прошептал он. — Миссис Йигер...

2

Риццоли принесла домой пиццу, купленную в гастрономе за углом, извлекла из холодильника древний кочан салата. Ей пришлось долго обдирать бурые листья, чтобы добраться до съедобной сердцевины. Салат получился бледный и неаппетитный, и ела она его без удовольствия. Впрочем, на удовольствия у нее не было времени; ей просто нужно было подкрепиться на предстоящую ночь — ночь, которой она ждала тоже без удовольствия.

Проглотив несколько кусков пиццы, она отставила тарелку и уставилась на кроваво-красные разводы томатного соуса. «Ночные кошмары не отпускают тебя, — думала она. — Ты считаешь себя сильной, невозмутимой, тебе кажется, что ты можешь жить с этим. Ты даже научилась играть свою роль. Но эти лица, они остаются с тобой. Глаза мертвых... от них не спрятаться».

Неужели теперь к ним добавилась и Гейл Йигер?

Она посмотрела на свои ладони, где, словно следы от распятия, красовались шрамы. В сырую и холодную погоду руки начинали ныть, напоминая о том, что с ней сделал Уоррен Хойт год назад. В тот день, когда он кромсал ее своим смертоносным лезвием, она мысленно прощалась с жизнью. Старые раны и сейчас болели, но она знала, что это не от погоды. Виной тому было увиденное сегодня в Ньютоне: аккуратно сложенная ночная сорочка, брызги крови на стене... Джейн ходила по комнате, воздух которой был пропитан ужасом, и ощущала незримое присутствие Уоррена Хойта.

Это невозможно. Хойт находится в тюрьме, где ему и место. И все равно она дрожала, вспоминая дом в Ньютоне, пробудивший в ней давно забытый страх.

Ей очень хотелось позвонить Томасу Муре, с которым они вместе работали по делу Хойта. Он не хуже нее знал, как цепко держит в своих тисках страх, насаждаемый Уорреном Хойтом. Но с тех пор как Мур женился, их пути разошлись. Казалось, обретенное им счастье сделало их чужими. Счастливые люди живут в своем обособленном мирке; они как будто дышат другим воздухом, подчиняются иным законам гравитации. Возможно, Мур и не догадывался о том, что в их отношениях произошли перемены, но Риццоли чувствовала это и остро переживала потерю друга, хотя и корила себя за то, что завидует чужому счастью. Ей было стыдно и

за чувство ревности, которое она испытывала к женщине, завладевшей сердцем Мура. На днях она получила открытку из Лондона, где Томас и Кэтрин проводили отпуск. Всего несколько слов, нацарапанных на обороте сувенирной открытки с видом музея Скотланд-Ярда, — лишенное напоминание Риццоли о том, что у молодых все хорошо. Вспоминая сейчас эту открытку, Риццоли понимала, что не вправе тревожить коллегу; и еще ей очень не хотелось, чтобы тень Уоррена Хойта вновь нависла над ними.

Она сидела, прислушиваясь к звукам улицы, что шумела внизу, и на этом фоне тишина в ее собственной квартире казалась оглушительной. Она окинула взглядом полупустую гостиную, белые стены, которые она так и не удосужилась оживить хотя бы одной картиной. Единственным украшением, если это можно было так назвать, служила карта города, прикрепленная над обеденным столом. Год назад она пестрела разноцветными булавками, которыми был отмечен кровавый след Хирурга. Тогда она жаждала признания со стороны коллег, стремилась доказать, что она с ними одной крови, что так же, как и они, одержима охотой на злодея.

Теперь булавки были сняты, но карта осталась, ожидая новых узоров, которые сплетет очередной преступник. Она вдруг подумала о том, какое жалкое впечатление производит со стороны, если даже после двух лет жизни в этой квартире единственным украшением интерьера служит карта Бостона.

«Мой крест, — подвела она итог. — Мой мир».

В резиденции Йигера было темно, когда в начале десятого вечера Риццоли подъехала к воротам. Она прибыла первой и, поскольку не имела доступа в дом, ожидала в машине, пока подъедут остальные. Дом стоял в тихом тупике, в окнах у соседей тоже было темно. Это облегчало задачу на сегодняшний вечер, поскольку внешний свет помешал бы поискам. Впрочем, сейчас, в одиночестве созерцая место, где произошло жуткое убийство, она бы предпочла яркое освещение и шумную компанию. Окна дома Йигера уставились на нее словно остекленевшие глаза трупа. Тени вокруг принимали загадочные формы, все больше зловещие. Риццоли достала пистолет, сняла с предохранителя и положила на колени. Только тогда она немного успокоилась.

В зеркале заднего вида отразились лучи фар. Обернувшись, она с облегчением увидела подъехавший полицейский фургон. Она убрала пистолет в сумку.

Молодой широкоплечий мужчина вышел из фургона и направился к ее машине. Когда он нагнулся и заглянул к ней в окно, она заметила

блеснувшую у него в ухе золотую серьгу.

— Привет, Риццоли, — поздоровался он.

— Привет, Мик. Спасибо, что приехал.

— Прелестное местечко.

— Это ты еще дом не видел.

В тупике блеснули фары автомобиля: приехал Корсак.

— Все в сборе, — сказала она. — За работу?

Корсак и Мик не были знакомы. Риццоли представила их друг другу и заметила, что Корсак, покосившись на серьгу в ухе криминалиста, не без колебаний пожал руку Мика. Она даже представила себе, какие мысли крутятся в голове у Корсака. Серьга. Накачанный. Не иначе голубой.

Мик начал выгружать оборудование.

— Я захватил новый прибор «Мини-Краймскоуп 400». У него дуговая лампа в четыре сотни ватт. В три раза ярче, чем старая трехсотпятидесятка. Мы с таким интенсивным светом еще не работали. Эта штука даже ярче, чем ксеноновая лампа в пятьсот ватт, — Он бросил взгляд на Корсака. — Не поможете мне доставить?

Прежде чем Корсак успел ответить, Мик всучил ему алюминиевый чемоданчик, а сам полез в фургон за остальным оборудованием. Корсак так и застыл на месте с выражением крайнего недоумения на лице. Потом все-таки направился к дому.

К тому времени, как Риццоли с Миком, нагруженные сумками с инструментом, шнурами и защитными очками, добрались до входной двери, Корсак уже зажег в доме свет. Они надели бахилы и прошли внутрь.

Так же, как утром Риццоли, Мик замер в холле, устремив изумленный взгляд под сводчатую крышу.

— Там, наверху, витражи, — сказала Риццоли. — Ты бы видел, как играют они на солнце.

Из гостиной донесся недовольный голос Корсака:

— Мы здесь по делу или как?

Мик метнул на Риццоли взгляд, в котором явственно читалось: «Что за придурок?», но она лишь пожала плечами. Они прошли в гостиную.

— Вот эта комната, — деловито произнес Корсак. Сейчас на нем была другая рубашка, но и она уже успела пропитаться потом. Он стоял, широко расставив ноги, словно капитан на палубе своего корабля. — А вот участок пола, который нужно будет осмотреть.

Вид крови по-прежнему вызывал содрогание. Пока Мик устанавливал аппаратуру, Риццоли неотрывно смотрела на стену, думая о том, что, сколько бы ни скоблили эти пятна, все равно не удастся окончательно

стереть следы зверства: молекулы крови намертво въелись в узорчатый рельеф штукатурки.

Но сегодня они искали не кровь. То, что их интересовало, было гораздо труднее увидеть, вот почему понадобился сверхмощный источник света, который только и мог обнаружить след, не видимый обычному глазу.

Риццоли знала, что свет — это всего лишь электромагнитная энергия, которая движется волнами. Видимый свет, улавливаемый человеческим глазом, представляет собой волны длиной от четырехсот до семисот нанометров. Волны ультрафиолетового диапазона короче, а потому невидимы. Но, когда ультрафиолетовый свет падает на природные и искусственные субстанции, он возбуждает электроны и вызывает свечение, называемое флуоресценцией. Ультрафиолетовый свет может выявить органическую жидкость, фрагменты костей, волосы, волокна тканей. Вот почему она попросила доставить сюда «Мини-Краймскоуп». В лучах ультрафиолетовой лампы можно обнаружить целый арсенал новых улик.

— У меня практически все готово, — сказал Мик. — Теперь нужно сделать так, чтобы в комнате было максимально темно. — Он посмотрел на Корсака. — Может, начнете гасить лампы в холле, детектив Корсак?

— Постойте. А как же защитные очки? — спросил Корсак. — Ведь ультрафиолет вреден для глаз, разве не так?

— На тех волнах, что я использую, он не так уж и вреден.

— Все равно, дайте мне очки.

— Они в том чемоданчике. Достаньте для всех.

— Я выключу свет в холле, — сказала Риццоли и, выйдя из гостиной, принялась щелкать выключателями. Когда она вернулась, Корсак и Мик по-прежнему стояли в разных углах комнаты, словно боялись подцепить друг от друга какую-нибудь заразу.

— Ну, с чего начнем? — спросил Мик.

— Давай с того угла, где был обнаружен труп, — предложила Риццоли. — А оттуда двинемся уже по всей комнате.

Мик огляделся по сторонам.

— Вон там лежит бежевый ковер. Он обязательно будет флуоресцировать. И тот белый диван тоже. Просто предупреждаю вас, что на тех предметах мы точно ничего не сможем обнаружить. — Он взглянул на Корсака, который уже нацепил очки и выглядел молодящимся модником. — Погасите свет, — попросил Мик. — Проверим, насколько здесь темно.

Корсак щелкнул выключателем, и комната погрузилась в темноту. В огромные незашторенные окна заглядывали звезды, но луны на небе не

было, а густые заросли деревьев загораживали свет из окон соседских домов.

— Неплохо, — сказал Мик. — Можно работать. А то бывает, что приходится накрываться одеялом, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Знаете, сейчас разрабатывают такие системы, которые функционируют и при дневном свете. Придет время, когда нам не придется спотыкаться в потьмах.

— Может, хватит болтать, начнем работать? — огрызнулся Корсак.

— Я просто подумал, что вам интересны некоторые технические подробности.

— Как-нибудь в другой раз, ладно?

— Как скажете, — невозмутимо произнес Мик.

Риццоли надела темные очки, как только заструился голубоватый свет прибора. Причудливые флуоресцирующие тени казались привидениями, а ковер и диван, как и предсказывал Мик, отражали свет и выделялись яркими пятнами. Голубой свет упал на то место, где еще недавно сидел доктор Йигер, и на стене искорками вспыхнули тончайшие полоски.

— Красиво, правда? — сказал Мик.

— Что это? — спросил Корсак.

— Волоски, присохшие к крови.

— Да. Действительно, красиво.

— Посвети-ка на пол, — попросила Риццоли. — Это должно быть там.

Мик направил пучок света вниз, и на полу обозначилась целая вселенная из микроскопических волосков и волокон. Улики, ускользнувшие от невооруженного глаза криминалиста при первоначальном осмотре.

— Чем мощнее источник света, тем интенсивнее флуоресценция, — объяснял Мик, осматривая пол. — Вот чем замечательна эта установка. При четырех сотнях ватт можно рассмотреть что угодно. ФБР закупило семьдесят одну штуку. Эта малышка такая компактная, что ее можно возить с собой в самолете как ручную кладь.

— Вы что, помешаны на технике? — спросил Корсак.

— Обожаю всякие прибамбасы. Я ведь инженер по профессии.

— В самом деле?

— А что вас так удивляет?

— Мне казалось, что такие, как вы, не по этой части.

— Такие, как я?

— Ну, я имею в виду серьгу в ухе и все такое. Сами знаете.

— Даешь палец, откусит руку, — вздохнула Риццоли.

— Что? — возмутился Корсак. — Я вовсе не хочу никого обидеть.

Просто я замечал, что такие ребята не идут в инженеры. Их больше тянет в

театральную среду, в искусство. Я хочу сказать, что это же хорошо. Нам нужны люди творческие.

— Вообще-то я окончил университет. — Мик явно не желал сдаваться. Продолжая дискуссию, он не отвлекался от осмотра пола. — По специальности инженер-электрик.

— Послушайте, ведь электрики хорошие деньги заколачивают.

— Ну, это где-нибудь в другом месте.

Они продолжали описывать крути по полу, и ультрафиолетовый луч выхватывал все новые волоски, волокна и другие неопознанные частицы. Внезапно они ступили в особенно яркий круг света.

— Ковер, — сказал Мик. — Не знаю, из каких волокон его делают, но они флуоресцируют как бешеные. На таком фоне вряд ли что разглядишь.

— Все равно посвети, — попросила Риццоли.

— У меня на пути кофейный столик. Можете его отодвинуть?

Риццоли потянулась к тени, которая выделялась правильной геометрической формой на ослепительно-белом фоне.

— Корсак, беритесь с другого конца, — сказала она.

Когда кофейный столик отодвинули, площадь, которую занимал ковер, предстала овальным бассейном голубовато-белого свечения.

— Разве мы здесь что-нибудь увидим? — спросил Корсак. — Это все равно что пытаться разглядеть плавающее в воде стекло.

— Стекло не плавает, — парировал Мик.

— Ах да, совсем забыл, вы же инженер. А Мик — это сокращенное от какого имени? Микки?

— Давайте осматривать диван, — прервала их перепалку Риццоли.

Мик изменил направление линз. Обивка дивана тоже вспыхнула белым свечением, но более мягким, как если бы снег светился под луной. Медленно луч скользил сначала по подлокотникам, потом по подушкам, но ничего подозрительного не обнаружилось, разве что длинные светлые волосы и частички пыли.

— А здесь чистюли жили, — заметил Мик. — Никаких тебе пятен, даже пыли мало. Держу пари, этот диван совсем новый, последняя модель.

Корсак хмыкнул:

— Красиво жили. Я последний раз покупал диван, когда женился.

— Смотрите, за диваном еще есть свободное пространство. Надо заглянуть туда.

Риццоли почувствовала, как на нее наткнулся Корсак, и в нос ей ударил острый запах пота. Дышал он тяжело и шумно, словно у него были проблемы с носоглоткой. Она в раздражении отпрянула от него и ударила

голенюю о кофейный столик.

— Черт!

— Эй, смотрите под ноги, — сказал Корсак.

Риццоли с трудом подавила в себе желание огрызнуться; обстановка в комнате и без того была напряженной. Она наклонилась, чтобы растереть ушибленное место. Темнота и резкий наклон вызвали приступ головокружения. Ей пришлось присесть на корточки, чтобы не упасть. Она надеялась только, что Корсак не споткнется и не завалится, иначе такая туша могла бы запросто расплещь ее. Было слышно, что мужчины топчутся где-то рядом.

— Шнур запутался, — произнес Мик. Пока он возился с аппаратом, луч света сместился в сторону и упал на ковер, как раз туда, где сидела на корточках Риццоли. Она напряглась. Обрамленное флуоресцирующим контуром коврового ворса, прямо перед ней темнело пятнышко неопределенной формы.

— Мик! — позвала она.

— Ты не могла бы приподнять тот угол столика? Мне кажется, шнур зацепился за ножку.

— Мик!

— Что?

— Неси аппарат сюда. Возьми в фокус ковер. То место, где я сижу.

Мик подошел к ней, Корсак тоже; она слышала, как приближалось его затрудненное дыхание.

— Следи за моей рукой, — сказала она. — Я буду указывать пальцем на пятно.

Голубоватый свет лег на ковер, и черный силуэт ее руки выделился на флуоресцирующем фоне.

— Вот, — указала она. — Что это?

Мик присел на корточки рядом.

— Какое-то пятно. Мне нужно его сфотографировать.

— Но это темное пятно, — сказал Корсак. — Я думал, мы ищем то, что будет светиться.

— На сильно флуоресцирующем фоне — вот как эти волокна ковра — объекты могут выглядеть темными, поскольку они светятся не так ярко. Это пятно может быть чем угодно. Во всяком случае лабораторный анализ даст нам ответ.

— И что же, прикажете вырезать кусок этого роскошного ковра, поскольку на нем обнаружилось пятнышко кофе или что-то в этом роде?

Мик сделал паузу.

— Можно попробовать сделать по-другому.

— Как?

— Я изменю длину волн на приборе. Сокращу до ультрафиолета.

— Ну и что это нам даст?

— Если только мне удастся, это будет фантастика.

Мик отрегулировал линзы и направил луч света на поверхность ковра, где темнело пятно.

— Смотрите, — сказал он и щелкнул аппаратом.

Комната утонула во мраке. Лишь ярко светилось пятнышко у их ног.

— И что это, черт возьми? — воскликнул Корсак.

У Риццоли возникло ощущение, будто начались галлюцинации. Она уставилась на загадочное пятно, которое вдруг, как ей показалось, вспыхнуло ярко-зеленым огнем. И постепенно стало бледнеть. Уже через несколько секунд они оказались в кромешной темноте.

— Фосфоресценция, — объяснил Мик. — Это, как бы вам сказать, запаздывающее свечение. Оно происходит, когда ультрафиолетовый свет приводит в движение электроны в определенных субстанциях. Электронам требуется дополнительное время, чтобы вернуться в свое первоначальное энергетическое состояние. В этот промежуток времени они и высвобождают фотоны света. Именно это явление мы сейчас наблюдали. Под ультрафиолетовым лучом наше пятно фосфоресцирует ярко-зеленым светом. Тут есть над чем подумать. — Он поднялся и включил в комнате свет.

В ярком свете ламп ковер, который только что вызывал у них такое изумление, выглядел совершенно обычным. Но Риццоли все равно не могла смотреть на него без содрогания, поскольку уже знала, что здесь произошло: бежевые волокна хранили следы страшного испытания, которое пришлось пережить Гейл Йигер.

— Это сперма, — сказала она.

— Вполне возможно, — согласился Мик и, установив камеру на штатив, подготовился к ультрафиолетовой съемке. — Как только я сделаю снимок, мы вырежем этот кусок ковра и передадим в лабораторию для окончательного анализа.

Но Риццоли и без того все было предельно ясно. Она повернулась к забрызганной кровью стене. Она хорошо помнила положение тела доктора Йигера, помнила чашку, которая упала с его колена и разбилась о деревянный пол. Фосфоресцирующее зеленое пятнышко на ковре подтвердило ее худшие опасения. Перед глазами со всей отчетливостью встала жуткая сцена, разыгравшаяся здесь совсем недавно.

Ты выволок их из спальни в эту комнату, на деревянный пол. Связал доктора за запястья и щиколотки, заклеил ему рот скотчем, чтобы он не отвлекал тебя своим криком. Ты посадил его здесь, прислонив к стене, превратив в немого зрителя твоего спектакля. Ричард Йигер, еще живой, прекрасно сознает, что ты намерен делать. Но он не может помешать тебе. Не может защитить свою жену. И ты намеренно ставишь ему на колени чашку и молочник, чтобы вовремя услышать, не шевельнулся ли он. Посуда непременно разобьется об пол, стоит доктору попытаться встать на ноги. Предаваясь своим грязным утехам, ты не можешь одновременно следить за доктором Йигером, но и не хочешь, чтобы он тебе мешал.

Тебе нужно, чтобы он только наблюдал.

Она уставилась на пятно, которое только что полыхало ярко-зеленым светом. Если бы они не отодвинули кофейный столик в поисках специфических улик, это пятно так и осталось бы незамеченным.

Ты насиловал ее здесь, на этом ковре. Овладел ею на глазах у мужа, который был бессилен спасти не только ее, но и самого себя. И когда все было кончено, когда ты утолил свой голод, одна капля спермы упала на ковер, обернувшись невидимой пленкой.

Было ли убийство мужа частью наслаждения? Склонился ли он над своей жертвой, сжав нож, смакуя удовольствие момента? Чувствовал ли он что-то, хватая Ричарда Йигера за волосы, или равнодушно полоснул по горлу лезвием?

Свет в комнате погасили. Камера Мика защелкала, выхватывая из темноты фосфоресцирующее пятно.

И когда задача выполнена и кровь доктора Йигера стекает по стене, ты исполняешь ритуал, позаимствованный у другого убийцы. Ты аккуратно складываешь на стуле забрызганную кровью ночную сорочку миссис Йигер — точно так же, как это когда-то делал Уоррен Хойт.

Но это еще не все. Это был только первый акт. Ты — в предвкушении новых удовольствий, еще более страшных.

И для этого ты забираешь женщину.

В гостиной зажегся свет, и его яркая вспышка отозвалась резью в глазах. Ошеломленная, дрожащая от ужаса, Риццоли чувствовала, что к ней возвращается давно забытый страх. И унижительно было сознавать, что двое мужчин видят это по ее белому как полотно лицу, трясущимся рукам. Ей вдруг стало трудно дышать.

Она вышла из комнаты, потом из дома. И уже на улице стала жадно глотать воздух. Она слышала, что за ней тянутся чьи-то шаги, но не

обернулась посмотреть, кто это. Только когда за спиной раздался мужской голос, она поняла, что за ней шел Корсак.

— Вы в порядке, Риццоли?

— Да, в полном.

— Глядя на вас, этого не скажешь.

— Просто у меня немного закружилась голова.

— Вспомнилось дело Хойта, не так ли? Представляю, какое это потрясение для вас.

— Откуда вам знать?

Последовала пауза. После чего он буркнул:

— Да, вы правы. Откуда мне знать, черт возьми? — И направился обратно в дом.

Она обернулась и окликнула его:

— Корсак!

— Что?

На мгновение они уставились друг на друга. Ночной воздух, пропитанный запахом травы, приятно освежал. И все равно ужас, сковавший ее, вызывал тошноту.

— Я знаю, каково ей сейчас, — тихо произнесла она. — Знаю, что она чувствует.

— Миссис Йигер?

— Вы должны найти ее. Сделать все возможное.

— Ее лицо мелькает во всех выпусках новостей. Мы отслеживаем каждый звонок, каждый сигнал. — Корсак вздохнул и покачал головой. — Но, знаете, лично у меня сейчас большие сомнения в том, что он оставил ее в живых.

— Оставил. Я знаю.

— Откуда у вас такая уверенность?

Она обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, и бросила взгляд на дом.

— Так поступил бы Уоррен Хойт.

3

Визиты в неприметное кирпичное здание на Элбани-стрит Риццоли считала самым неприятным моментом в работе детектива отдела по расследованию убийств. Хотя она и подозревала, что коллеги-мужчины впечатлительны в не меньшей степени, ей никак нельзя было показывать свою слабость. Мужчины слишком хорошо умели угадывать болевые точки и тут же устремляли в них едкие стрелы своих колкостей и шуточек. Она научилась с ледяным спокойствием взирать на самое худшее, что мог предложить секционный стол морга. Никто и не догадывался, чего ей стоило с такой невозмутимостью переступить порог этого здания. Она знала, что коллеги считают ее бесстрашной Джейн Риццоли, стервой со стальными нервами. Правда, сейчас, находясь в своей машине на стоянке возле морга, она не чувствовала себя ни бесстрашной, ни стальной.

Прошлой ночью она неважно спала. Впервые за последние несколько недель Уоррен Хойт вновь ворвался в ее сны, и она проснулась в холодном поту, чувствуя, как ломит руки от старых ран.

Она посмотрела на свои изуродованные шрамами ладони, и ее вдруг охватило желание немедленно завести двигатель и уехать прочь, только чтобы избежать процедуры, которая ожидала ее в этом здании. В конце концов, она не обязана находиться здесь, ведь речь шла о преступлении, совершенном в Ньютоне, и это была не ее епархия. Но Джейн Риццоли никогда не была трусливой и гордилась этим.

Она вышла из машины, сильно хлопнула дверцей и направилась в морг.

Она прибыла последней, в лаборатории вскрытия ее уже ожидали трое коллег, которые приветствовали ее кивком. Корсак был одет в безразмерный операционный халат и пышный бумажный колпак. Со стороны он был похож на тучную домохозяйку с сеткой на голове.

— Что я пропустила? — спросила Риццоли, тоже надевая халат, призванный защитить ее одежду от любых неожиданностей.

— Не так уж много. Мы только поговорили про скотч, которым были связаны конечности.

Вскрытие проводила доктор Маура Айлз. «Королева мертвых» — так окрестили ее в отделе по расследованию убийств, когда год назад она заступила на должность патологоанатома судебно-медицинской службы штата Массачусетс. Сам доктор Тирни переманил ее в Бостон из Сан-

Франциско, где она с успехом преподавала в медицинской школе. А вскоре и местная пресса радостно подхватила это прозвище. На свое первое судебное слушание в Бостоне, где она выступала со стороны службы патологоанатомов, Маура явилась в глухом черном платье. Телекамеры с удовольствием следили за ее по-королевски величавой фигурой, когда она стремительно поднималась по ступенькам здания суда — женщина с поразительно бледным лицом, на котором выделялись тронутые красной помадой губы, с иссиня-черными волосами до плеч и прямой челкой. Выступая перед судом, она была на редкость невозмутима. Когда адвокат, исчерпав свой резерв обаяния и лести, опустился до откровенной пошлости, доктор Айлз продолжала отвечать на его вопросы с железной логикой, с неизменной улыбкой Моны Лизы на устах. Пресса любила ее. Адвокаты до смерти боялись. А копы из отдела убийств одновременно и робели, и испытывали восхищение перед этой женщиной, которая решила провести остаток дней своих рядом со смертью.

Доктор Айлз руководила вскрытием с присущей ей бесстрастностью. Ее ассистент Йошима, с виду тоже невозмутимый, аккуратно разложил инструменты и установил свет. Оба врача смотрели на тело Ричарда Йигера отстраненным взглядом ученых.

Трупное окоченение уже не было так ярко выражено, как вчера, и сейчас доктор Йигер лежал расслабленно. Скотч сняли, трусы тоже, и кровь в основном была смыта с тела. Его руки безвольно свисали по бокам, опухшие и багровые, в трупных пятнах. Но сейчас всеобщее внимание было приковано к глубокой ране на шее.

— Завершающий смертельный удар, — констатировала Айлз и линейкой измерила рану. — Четырнадцать сантиметров.

— Странно, что она не кажется такой длинной, — сказал Корсак.

— Это потому, что лезвие прошло по линиям Лангера, то есть как раз в зоне максимальной растяжимости кожи. Затем кожа сократилась, и отверстие зрительно уменьшилось. На самом деле рана длиннее, чем кажется.

— Шпатель для отдавливания языка? — спросил Йошима.

— Спасибо. — Айлз взяла из рук ассистента шпатель и аккуратно просунула закругленный деревянный кончик в рану, бормоча себе под нос: — Скажи а-а-а.

— Какого черта? — недоуменно произнес Корсак.

— Я измеряю глубину раны. Почти пять сантиметров.

После этого Айлз поднесла к ране лупу и взгляделась в развороченную полость.

— Перерезаны одновременно левая сонная артерия и левая яремная вена. Задета и трахея. Уровень трахеального проникновения, чуть ниже щитовидного хряща, заставляет меня сделать вывод, что перед нанесением удара шея была растянута. — Она взглянула на детективов. — Ваш неизвестный убийца оттянул голову жертвы назад, а потом уже совершил намеренный удар.

— Экзекуцию, — уточнил Корсак.

Риццоли вспомнила, как в лучах ультрафиолета светились волоски, приклеившиеся к забрызганной кровью стене. Это были волосы доктора Йигера, вырванные в тот момент, когда лезвие вонзилось в кожу.

— Что это было за лезвие? — спросила она.

Айлз не сразу ответила на вопрос. Вместо этого она повернулась к Йошиме и попросила:

— Клейкую ленту.

— У меня все готово.

— Я стяну края раны, а ты наложишь ленту.

Корсак хмыкнул, догадавшись, что они собираются делать.

— Вы опять хотите заклеить его?

Айлз бросила на него насмешливый взгляд.

— Вы предпочитаете суперклей?

— Лентой вы закрепите его голову, я правильно понял?

— Да бросьте, детектив. Скотчем голову не приклейте. — Она вновь посмотрела сквозь лупу и кивнула. — Отлично, Йошима. Теперь я вижу.

— Видите что?

— Чудеса, которые творит скотч. Детектив Риццоли, вы, кажется, интересовались лезвием?

— Умоляю, только не говорите, что это был скальпель.

— Нет, это не скальпель. Взгляните.

Риццоли взяла лупу и взгляделась в рану. Под прозрачным скотчем явственно просматривались параллельные бороздки, которые тянулись вдоль одного края раны.

— Зубчатое лезвие, — сказала она.

— На первый взгляд, похоже.

Риццоли оторвалась от лупы и встретила спокойный взгляд Айлз.

— Но на самом деле это не так?

— Резец не имел зазубрин, поскольку другой край раны абсолютно гладкий. Вы заметили, что параллельные бороздки появляются только на одной трети разреза? Они не тянутся по всей длине. Так вот эти следы остались там, где лезвие вытаскивали. Убийца вонзил лезвие под левой

челюстью, потом вел его к кадыку, а остановился на краю трахеального кольца. Бороздки появляются в том месте, где он закончил надрез и слегка повернул лезвие, чтобы его вытащить.

— Так откуда эти борозды?

— На орудии убийства зазубрины имеются лишь на обратной стороне, и именно они оставляют параллельные борозды. — Айлз снова посмотрела на Риццоли. — Мы имеем дело с типичным охотничим ножом.

Охотник. Риццоли взглянула на широкие мускулистые плечи Ричарда Иигера и подумала: «Это не тот мужчина, который согласится на роль добычи».

— Так, позвольте мне выяснить один вопрос, — вмешался Корсак. — Выходит, жертва, этот доктор Тяжелоатлет, спокойно наблюдает, как наш злодей достает огромный охотничий нож, и позволяет полоснуть им по своему горлу?

— Не забывайте, что он связан по рукам и ногам, — заметила Айлз.

— Плевать, пусть даже он был бы связан как Тутанхамон. Любой нормальный мужик сражался бы, как зверь.

— Пожалуй, он прав, — согласилась Риццоли. — Даже со связанными конечностями можно сопротивляться. Можно брыкаться, наносить удары головой. А он мирно сидел, привалившись к стене.

Доктор Айлз выпрямилась. На какое-то время она замерла и в своем хирургическом халате стала похожа на настоятельницу монастыря. Потом, обернувшись к Йошиме, произнесла:

— Дай мне мокрое полотенце. И посвети-ка сюда. Давай протрем его как следует и осмотрим кожу. Каждый сантиметр.

— Что мы ищем? — спросил Корсак.

— Я вам скажу, когда увижу.

Буквально через какие-то мгновения, подняв правую руку мертвца, Айлз разглядела отметины на боку. Под лупой явственно обозначились две розоватые шишки. Она провела по ним пальцем.

— Волдыри. Тройная реакция Льюиса.

— Льюиса что? — спросила Риццоли.

— Тройная реакция Льюиса. Это особая реакция кожи. Сначала наблюдается эритема — красные пятнышки, а потом воспалительная гиперемия, вызванная расширением артерий. И, наконец, на финальной стадии, появляются волдыри как следствие повышенной сосудистой проницаемости.

— Мне это очень напоминает след от электрошокера, — сказала Риццоли.

Айлз кивнула.

— Точно. Это классическая реакция кожи на удар током. Именно этим он и вывел его из строя. Одного разряда достаточно, чтобы человек полностью утратил нервно-мышечный контроль. За это время можно успеть связать его по рукам и ногам.

— И как долго держатся эти волдыри?

— На живом теле они обычно пропадают через пару часов.

— А на мертвом?

— Смерть останавливает процессы в коже. Поэтому мы до сих пор и видим их. Хотя они еле различимы.

— Выходит, он умер в течение двух часов после получения удара током?

— Совершенно верно.

— Но ведь электрошокер вырубает человека всего на несколько минут, — возразил Корсак. — На пять, ну на десять максимум. Чтобы вывести жертву из строя, убийца должен был повторно ударить его током.

— Поэтому будем искать другие следы, — согласилась Айлз. Она направила луч лампы ниже вдоль тела.

Яркий свет безжалостно скользнул по гениталиям Ричарда Йигера. До сих пор Риццоли избегала смотреть на эти анатомические детали. Ей всегда казалось, что разглядывание половых органов трупа есть не что иное, как очередное надругательство над жертвой. Сейчас, когда пучок света сосредоточился на вялом пенисе и мошонке, Ричард Йигер выглядел особенно беспомощным.

— Еще волдыри, — сказала Айлз, стирая кровь с кожи. — Вот здесь, в нижней части брюшины.

— И на бедре, — тихо произнесла Риццоли.

Айлз подняла взгляд.

— Где?

Риццоли указала на еле различимые отметины слева от мошонки жертвы. Вот они, последние трагические моменты жизни Ричарда Йигера, подумала Джейн. Он в полном сознании, но не может шевельнуться. Не может защитить себя. Накачанные мышцы, долгие часы тренировок в спортзале — все напрасно, потому что тело ему больше не подчиняется. Мускулы парализованы электрическим разрядом, который пронзил нервную систему. Его тащат из спальни словно тупую корову на бойню. А потом сажают к стене, чтобы он мог наблюдать за тем, что будет происходить дальше.

Но эффект от электрошокера кратковременный. Вскоре его мышцы

вновь наливаются силой, пальцы сжимаются в кулаки. Он видит, как насилуют его жену, и ярость наполняет его тело адреналином. На этот раз он двигается, мышцы подчиняются ему. Он пытается подняться, но звон разбившейся чашки, упавшей с колен, выдает его.

Следует очередной удар электрошокером, и он опять валится как мешок.

Она смотрела на лицо Ричарда Йигера, в его открытые глаза и пыталась представить, какие зрительные образы запечатлев ег о мозг в последние минуты жизни. Собственные ноги, беспомощно вытянутые вперед. Жена, распластанная на бежевом ковре. И нож, зажатый в руке охотника, замахнувшегося для смертельного удара.

* * *

В комнате отдыха шумно. Со стороны мы похожи на зверей, запертых в клетке. Орет телевизор, а металлические ступени лестницы, ведущие к верхнему ярусу камер, клацают от каждого шага. С нас не спускают глаз. Камеры видеонаблюдения повсюду — в душе, даже в туалете. Сверху, из окон сторожевой будки, охранники смотрят, как мы копошимся в этом колодце. Они видят каждое наше движение. Тюрьма «Союза-Барановски» представляет собой шестиуровневое здание; это новейшее исправительное учреждение Массачусетса, чудо техники. Замки не имеют ключей и открываются с компьютерного терминала в сторожевой башне. Команды подаются обезличенными голосами по селектору. Двери в камеры открывают пультом дистанционного управления, при этом охранников мы не видим. Иногда я задаюсь вопросом: а живые ли это существа, или нас сторожат роботы, чьи силуэты мы можем разглядеть за стеклом? Впрочем, мне безразлично, кто следит за мной — человек или машина, ведь все равно им не проникнуть в мои мысли; не пробраться в мир моих мрачных фантазий. Этот мир принадлежит только мне.

Вот и сейчас, когда я сижу перед телевизором и смотрю шестичасовой выпуск новостей, я вновь погружаюсь в свой мир. С экрана улыбается женщина-диктор, и она сопровождает меня в моих фантазиях. Я вижу облако ее черных волос на подушке. Вижу, как блестит от пота ее кожа. Но в моем мире она не улыбается; о нет, ее глаза широко раскрыты, огромные зрачки кажутся бездонными, а губы искашены гримасой ужаса. Все это я представляю себе, глядя на хорошенькую

дикторшу в изумрудно-зеленом костюме. Я вижу ее улыбку, слышу ее хорошо поставленный голос, и мне интересно, как будут звучать ее вопли.

Но вот на экране появляется новая картинка, и мысли о дикторше испаряются. Репортер стоит перед домом доктора Ричарда Йигера в Ньютоне. Мрачным голосом он извещает о том, что спустя двое суток после убийства доктора и похищения его жены никто не задержан. Я уже слышал об этом деле. И вот я придвигаюсь ближе, пристально вглядываюсь в экран, жду, когда мелькнет знакомое лицо.

Наконец я вижу ее.

Камера показывает ее лицо крупным планом, когда она выходит из дома. Следом за ней выплывает какой-то громила. Они останавливаются во дворе, беседуют о чем-то, не догадываясь о том, что все это время за ними наблюдает телекамера. Мужчина выглядит грубым и неопрятным, с обвисшими щеками и зачесанными на лысину прядями волос. Рядом с ним она кажется маленькой и хрупкой. Как давно я ее не видел, и с тех пор она очень изменилась. Хотя ее волосы — все та же непослушная копна черных кудрей, и одета она в очередной брючный костюм темно-синего цвета. Пиджак смотрится чуть великоватым, но это и неудивительно на такой худышке.

Но вот в лице что-то изменилось. Когда-то в его прямых чертах сквозила уверенность, оно было не то чтобы красивым, но привлекало внимание — возможно, потому, что в глазах светился незаурядный ум. Сейчас она выглядит усталой и встревоженной. Она явно похудела. Это видно по ее лицу, по впалым щекам.

Она вдруг замечает телекамеру и устремляет взгляд прямо на меня, ее глаза видят меня так же, как и мои ее, как будто мы стоим друг против друга. У нас общая история, интимный опыт общения, и мы навеки связаны, словно любовники.

Я поднимаюсь с дивана и подхожу к телевизору. Прижимаю ладонь к экрану. Я не слушаю, что говорит репортер, мое внимание сосредоточено только на ее лице. Моя маленькая Джесени. Как твои ручки, все еще беспокоят тебя? Ты все еще чешешь ладони, как тогда, в зале суда? Тебе эти шрамы так же дороги, как и мне? Ты тоже воспринимаешь их как отметины любви? Как напоминание о моих чувствах к тебе?

«Отойди от экрана, черт тебя дери! Ничего не видно!» — раздается чей-то вопль.

Я не двигаюсь. Я стою перед экраном, касаюсь ее лица, вспоминаю, с каким смирением смотрели на меня эти черные, как уголь, глаза. Вспоминаю ее шелковистую кожу. Безупречная кожа, не обезображенная

макияжем.

«Уйди, придурак!»

Она вдруг исчезает с экрана. Вместо нее опять появляется дикторша в изумрудно-зеленом костюме. Еще минуту назад я был готов впустить в свой мир эту напомаженную пресную куклу. Теперь она для меня не более чем очередное хорошенъкое лицико, еще одна нежная шейка. Один мимолетный взгляд на Джейн Риццоли напомнил мне о том, что такое по-настоящему стоящая добыча.

Я возвращаюсь на диван и вместе со всеми смотрю рекламный репортаж про автомобили «Лексус». Но мысли мои не о передаче. Я вспоминаю, каково быть на свободе. Бродить по улицам города, вдыхая запахи проходящих мимо женщин. Не цветочные ароматы из флаконов, а настоящий запах женского пота, женских волос, нагретых солнцем. В летние дни я любил втираться в толпу горожан, собравшуюся у перехода в ожидании зеленого сигнала светофора. В толпе кто заметит, что мужчина, стоящий сзади, с наслаждением вдыхает запах ваших волос? Кто заметит, что мужчина, оказавшийся рядом, не сводит глаз с вашей шеи, наблюдая, как бьется жилка, которая как раз и источает самый сладкий запах?

Нет, они ничего не замечают. Светофор зажигается зеленым. Толпа начинает движение. И женщина тоже, даже не догадываясь о том, что охотник уже учудил ее запах.

* * *

— Сложенная ночная сорочка еще не означает, что убийца копирует почерк Хойта, — сказал доктор Лоуренс Цукер. — Это всего лишь демонстрация силы. Убийца как бы подчеркивает свою власть над жертвой. Над ситуацией.

— Так же, как это делал Уоррен Хойт, — возразила Риццоли.

— И не только он, но и другие. Не могу сказать, что это уникальный почерк Хирурга.

Доктор Цукер смотрел на нее каким-то странным, почти неживым взглядом. Он был психологом-криминалистом Северо-восточного университета и часто консультировал Бостонское полицейское управление. Год назад он помогал отделу убийств в работе по делу Хирурга, и портрет преступника, который он нарисовал, оказался удивительно точным. Иногда Риццоли задавалась вопросом, насколько нормальна психика самого

Цукера. Только человек, близко знакомый с пороком и злом, мог глубоко проникнуть в мысли такого человека, как Уоррен Хойт. Ей всегда было неуютно в присутствии Цукера, а его вкрадчивый голос, почти шепот, и пристальные взгляды вызывали ощущение полной незащищенности. Но он был одним из тех немногих, кто по-настоящему понимал Хойта; возможно, он мог бы понять и его двойника.

— Дело не только в сложенной сорочке, — продолжала настаивать Риццоли. — Есть и другие схожие детали. Жертву связали скотчем.

— Ну, это тоже не новость. Вы когда-нибудь видели телевизионное шоу «Макгайвер»? Он демонстрирует тысячу и один способ применения клейкой ленты.

— Ночное вторжение через окно. Жертвы, застигнутые врасплох в постели...

— Да, ночью люди особенно уязвимы. Логично нападать именно в это время.

— И перерезанное одним взмахом лезвия горло.

Цукер пожал плечами:

— Тихий и эффективный способ убийства.

— Но если сложить все вместе... Ночная сорочка. Скотч. Способ вторжения. Смертельный удар...

— И в итоге получается неизвестный субъект, который использует довольно стандартные методы. Даже чашка на колене жертвы — это вариация на старую тему, которая была в ходу у серийных насильников. Они ставили тарелку или другую посуду на ноги мужу. Стоило ему шевельнуться, и маньяк получал сигнал тревоги. Это весьма распространенная практика, поскольку она эффективна.

В раздражении Риццоли достала фотографии с места преступления в Ньютоне и выложила их на стол.

— Мы пытаемся найти пропавшую женщину, доктор Цукер. Пока у нас нет никаких зацепок. Я даже думать не хочу о том, что ей сейчас приходится выносить — если она еще жива. Так что будьте любезны, посмотрите внимательно на эти снимки. Расскажите мне все, что можете, об этом ублюдке. Скажите, как найти его. Как найти ее.

Доктор Цукер нацепил очки и взял со стола первую фотографию. Ни слова не говоря, он какое-то время разглядывал ее, потом потянулся за следующей. Слышны были лишь скрип его кожаного кресла и неразборчивое бормотание. Из окон его кабинета просматривался пустынnyй в этот летний день кампус Северо-восточного университета. Лишь несколько студентов валялись на траве, разложив вокруг свои сумки

и учебники. Риццоли с завистью смотрела на них, таких беспечных и невинных. Она завидовала их слепой вере в будущее. Их счастливым снам, не омраченным кошмарами.

— Вы сказали, что обнаружили сперму, — прервал ее размышления доктор Цукер.

Она неохотно отвлеклась от созерцания безмятежных студентов и повернулась к нему.

— Да. Вот на этом овальном ковре. Лабораторный анализ подтверждает, что группа крови носителя отличается от группы крови мужа. Код ДНК ввели в базу данных.

— Я почему-то сомневаюсь в том, что наш неизвестный настолько беспечен, чтобы засветиться в базе данных ДНК. — Цукер оторвал взгляд от фотографии. — Готов спорить, что он и отпечатков пальцев не оставил.

— Во всяком случае, в нашей картотеке ничего не обнаружено. К сожалению, в доме Йигеров побывало человек пятьдесят приглашенных на похороны матери миссис Йигер. Представляете, сколько неидентифицированных отпечатков мы имеем?

Цукер уставился на фотографию, запечатлевшую доктора Йигера на фоне забрызганной кровью стены.

— Это убийство произошло в Ньютоне?

— Да.

— Но это ведь не ваш округ. Почему привлекли именно вас? — Он пристально уставился на нее, и от его взгляда Риццоли опять стало не по себе.

— Меня попросил детектив Корсак...

— ...которому поручено расследование. Я прав?

— Да, но...

— Вам что, в Бостоне не хватает убийств, детектив? Зачем вы ввязываетесь в это дело?

У нее возникло ощущение, будто Цукер прокрался к ней в душу и шарит там, пытаясь нащупать болевые точки.

— Я уже сказала вам, — произнесла она, глядя ему в глаза. — Женщина, возможно, еще жива.

— И вы хотите спасти ее.

— А вы нет? — выпалила она.

— Мне вот что интересно, детектив, — сказал Цукер, который пропустил мимо ушей ее колкость. — Вы с кем-нибудь беседовали о деле Хойта? Я имею в виду, о том, что оно коснулось лично вас?

— Что-то я не пойму, куда вы клоните.

— Вы получали какие-нибудь советы?

— Вы хотите знать, не посещала ли я психиатра?

— То, что вам довелось пережить, — страшное испытание. Уоррен Хойт проделывал с вами такое, что не всякий коп выдержал бы. Он нанес вам травму — не только физическую, но и душевную. Для многих такое потрясение могло бы отозваться тяжелыми последствиями. Воспоминания. Ночные кошмары. Депрессия.

— Да, воспоминания не из приятных. Но я вполне с ними справляюсь.

— Это всегда было вам свойственно, не так ли? Выстоять любой ценой. И никогда не жаловаться.

— Ну почему же? Я, как и все, подвержена слабости.

— Но никогда не показываете виду. И уж конечно скрываете свою ранимость.

— Терпеть не могу нытиков. И не хочу быть одной из них.

— Я не об этом. Я говорю, что нужно быть до конца честным с собой, чтобы признать существование определенных проблем.

— Каких проблем?

— Не мне вам рассказывать, детектив.

— Нет уж, расскажите. Раз вы считаете, что я свихнулась.

— Я этого не говорил.

— Но так думаете.

— Вы первая произнесли слово «свихнулась». Вы действительно ощущаете это состояние?

— Послушайте, я пришла сюда по этому поводу. — И она ткнула в фотографии с места убийства Йигера. — Почему мы вдруг стали говорить обо мне?

— Потому что, когда вы смотрите на эти фотографии, вы видите только Уоррена Хайта. И мне просто интересно, почему.

— То дело уже закрыто. И я вычеркнула его из памяти.

— В самом деле? Это правда?

Его вопрос она оставила без ответа. Ей были ненавистны его попытки проникнуть к ней в душу. Ненавистны прежде всего потому, что он знал правду, в которой она не смела признаться. Да, Уоррен Хойт оставил шрамы. Ей достаточно было взглянуть на свои ладони, чтобы лишний раз убедиться в этом. Но самой тяжелой была не физическая боль. В то лето она, заточенная в темном подвале, утратила ощущение собственной непобедимости, чувство уверенности в себе. Уоррен Хойт убедительно продемонстрировал ей, насколько она, в сущности, уязвима.

— Я не собираюсь сейчас обсуждать дело Уоррена Хайта, — сказала

она.

— Но ведь именно из-за него вы здесь.

— Нет. Я здесь потому, что вижу параллели между этими двумя убийцами. И, кстати, не я одна. Так же думает и детектив Корсак. И давайте наконец перейдем к делу.

— Хорошо, — мягко улыбнулся он.

— Ну, так что скажете об этом убийце? — Она опять ткнула пальцем в снимки.

И в очередной раз Цукер уставился на фото доктора Йигера.

— Ваш неизвестный явно человек организованный. Но вы это уже знаете. Он пришел на место преступления в полной боевой готовности. У него был алмаз для резки стекла, электрошокер, скотч. Ему так быстро удалось вывести из строя обоих супругов, что остается только удивляться... — Он взглянул на нее. — Вы исключаете, что у него был сообщник?

— У нас только один комплект отпечатков подошв.

— Выходит, ваш убийца очень ловкий. И хитрый.

— Но он оставил сперму на ковре. То есть дал нам ключ к установлению его личности. Это же чудовищная ошибка.

— Да, верно. И он наверняка это знает.

— Тогда зачем он стал насиловать ее прямо в доме? Почему бы не сделать это позже, в безопасном месте? Если уж он такой организованный и ему удалось проникнуть в дом, сломить сопротивление мужа...

— Может, в том и состоял его замысел.

— В чем?

— Подумайте сами. Доктор Йигер сидит, связанный и беспомощный. Вынужденный наблюдать за тем, как другой мужчина овладевает его собственностью.

— Собственностью... — повторила она.

— Да, в сознании нашего неизвестного женщина является олицетворением собственности. Причем собственности другого мужчины. Большинство сексуальных маньяков не рискуют нападать на пары. Они предпочитают охотиться за одинокими женщинами, это легче. Присутствие мужчины опасно. И все-таки наш убийца выбирает именно такой вариант. И заранее готовится нейтрализовать мужчину. Может быть, это часть игры? И присутствие зрителей — еще один источник возбуждения?

Зрителя в единственном числе. Она перевела взгляд на снимок доктора Йигера, замершего у стены. Да, она тоже подумала именно об этом, когда впервые вошла в гостиную.

Взгляд Цукера устремился в окно. Повисла пауза. Когда он вновь заговорил, голос его был тихим и сонным, словно он находился под гипнозом.

— Все это связано с темой силы. И власти. Господства над другим человеком. Не только над женщиной, но и над мужчиной. Возможно, на самом деле его больше возбуждает именно мужчина. Наш неизвестный понимает, что рискует, но устоять не может. Он находится в плену своих фантазий, которые властвуют над ним, а он, в свою очередь, властвует над жертвами. Он — всемогущий. Победитель. Враг обезоружен, беспомощен и жалок, и наш герой поступает так, как всегда поступали армии-победительницы. Он захватывает свой трофей. И насилиет женщину. Удовольствие усиливается сознанием того, что доктор Йигер сломлен. Атака, предпринимаемая нашим неизвестным, — это больше чем сексуальная агрессия; это демонстрация мужской силы и власти. Победа одного мужчины над другим. Завоеватель предъявляет свои права.

Студенты на лужайке стали подниматься, стряхивая траву с одежды. Последнее солнце окрасило пейзаж в теплые золотистые тона. «Чем обернется остаток дня для этих молодых людей? — подумала Риццоли. — Возможно, вечером удовольствий, веселой беседой за пиццей и пивом. И глубоким сном, не омраченным ночными кошмарами. У меня такого больше никогда не будет».

Зажужжал ее сотовый телефон.

— Простите, — сказала она, доставая мобильник.

Звонила Эрин Волчко из лаборатории по исследованию волос, тканей и микрочастиц.

— Я исследовала образцы ленты, которой был связан доктор Йигер, — сказала она. — И отчет послала по факсу детективу Корсаку. Но думаю, тебе тоже будет интересно узнать результаты.

— Ну, и что мы имеем?

— На липкой стороне ленты имеются короткие коричневые волоски. Они оторвались, когда сдирали ленту с конечностей.

— А волокна?

— Они тоже присутствуют. Но здесь есть одна интересная деталь. На ленте, которую содрали со щиколоток жертвы, обнаружился темно-коричневый волос длиной двадцать один сантиметр.

— Его жена блондинка.

— Я знаю. Потому-то мне эта находка и кажется интересной.

«Неизвестный, — подумала Риццоли. — Это его волос». И спросила:

— Есть клетки эпителия?

— Да.

— Возможно, нам удастся определить код ДНК с этого волоса. Если он совпадет с кодом спермы...

— Он не совпадет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что этот волос никак не может быть волосом убийцы. — Эрин сделала паузу. — Если только он не зомби.

4

Детективам из бостонского отдела по расследованию убийств достаточно было совершить короткую прогулку по залитому солнцем коридору в южное крыло здания «Шредер Плаза», чтобы оказаться в криминалистической лаборатории. Риццоли несчетное количество раз проходила этим маршрутом, и зачастую взгляд ее задерживался на окнах, за которыми просматривался неспокойный квартал Роксбери, где на ночь магазины запирались решетками и крепкими навесными замками. Но сегодня ее мысли были устремлены в строго очерченное русло, и она, не глядя по сторонам, стремительно направилась к комнате С269, в которой располагалась лаборатория по исследованию волос, тканей и микрочастиц.

В этой комнате без окон, заставленной всевозможной аппаратурой, царствовала эксперт-криминалист Эрин Волчко. Отлученная от солнечного света и внешнего мира, она как будто жила в другом измерении, которое открывалось под линзами микроскопов. Слегка прищуренный взгляд и легкое косоглазие выдавали в ней человека, привыкшего подолгу смотреть в окуляр оптического прибора. Когда Риццоли вошла в лабораторию, Эрин оторвалась от рабочего стола и повернулась к ней.

— Я только что выложила его под микроскоп, специально для тебя. Взгляни-ка.

Риццоли присела к столу и уставилась в окуляр. Она увидела протянувшийся горизонтально волос.

— Это тот самый длинный коричневый волос, обнаруженный на полоске скотча, которым были связаны щиколотки доктора Йигера, — пояснила Эрин. — Он единственный такой длинный. Остальные волоски короткие, они были сняты с конечностей жертвы, и еще были волосы с головы жертвы, которые обнаружились на полоске, содранной с его рта. Но этот длинный явно выделяется. И не подходит ни к волосам с головы доктора Йигера, ни к тем, что мы сняли с расчески его жены.

Риццоли взгляделась в стержень волоса.

— Он точно человеческий?

— Да, человеческий.

— Так почему же он не может быть волосом нашего убийцы?

— Посмотри на него внимательней. Скажи мне, что ты видишь?

Риццоли попыталась оживить в памяти все свои познания в области судебной медицины. Она понимала, что Эрин неспроста заставляет ее так

тщательно изучать волос; в ее голосе она улавливалась знакомое волнение.

— Волос волнистый, степень изгиба примерно ноль-один или ноль-два. И ты говорила, что длина стержня волоса составляет двадцать один сантиметр.

— В женском диапазоне это средняя длина, — сказала Эрин. — Но для мужчины это довольно длинный волос.

— Так тебя длина беспокоит?

— Нет. Длина не указывает на пол.

— Тогда на чем мне нужно сосредоточиться?

— На проксимальном конце. На корне волоса. Не замечаешь ничего странного?

— Прикорневой конец волоса слегка размочаленный. Как щетка.

— Вот именно этого слова я и ждала. Мы называем это щеточным кончиком. Таково сочетание кортикальных волокон. Изучив корень, можно определить, на какой стадии роста находился волос. Хочешь попробовать угадать?

Риццоли вглядилась в луковицу волоса, покрытую тонкой чешуйкой.

— К корню приклеена какая-то прозрачная ткань.

— Это клетка эпителия, — сказала Эрин.

— Значит, волос находился в активном росте.

— Да. Сам корень слегка увеличен, и это свидетельствует о том, что волос находился в фазе позднего анагена. То есть активный рост только-только завершился. И вот эта клетка эпителия может дать нам ДНК.

Риццоли оторвалась от микроскопа и посмотрела на Эрин.

— Я только не понимаю, при чем тут зомби.

Эрин коротко хохотнула.

— Я, разумеется, не в буквальном смысле.

— Тогда что же ты имела в виду?

— Посмотри еще раз на стержень волоса. И двигайся взглядом в сторону от корня.

Риццоли опять прильнула к окуляру и сосредоточилась на темном сегменте волосяного стержня.

— Цвет неоднородный, — заметила она.

— Продолжай.

— Я вижу черную полоску на стержне волоса, недалеко от луковицы. Что это?

— Это так называемая дистальная корневая полосчатость, — пояснила Эрин. — Именно в этом месте сальная железа проходит в волосяной фолликул. Выделения сальной железы содержат ферменты, которые

разрушают клетки, то есть происходит нечто вроде пищеварительного процесса, в результате которого и набухает темное кольцо. Именно его я и хотела тебе показать, дистальная полосчатость. И это полностью исключает возможность того, что волос принадлежит вашему неизвестному. Он мог упасть с его одежды. Но не с головы.

— Почему?

— Дистальная полосчатость и щеточный корень волоса относятся к посмертным изменениям.

Риццоли резко отпрянула от микроскопа. И в изумлении уставилась на Эрин.

— Посмертным?!

— Именно. Они происходят вследствие разложения кожного покрова черепа. Изменения, которые мы наблюдаем в данном случае, совершенно типичные. Так что этот волос никак не мог упасть с головы твоего убийцы, если только он не встал из могилы.

К Риццоли не сразу вернулся дар речи.

— И сколько времени должно пройти с момента смерти человека, чтобы в волосе произошли эти изменения? — наконец спросила она.

— К сожалению, дистальная полосчатость не определяет время смерти. Волос мог выпасть в интервале от восьми часов до нескольких недель после смерти. Более того, волосы с трупов, забальзамированных много лет назад, могут выглядеть так же.

— А если выдернуть волос с головы еще живого человека и оставить его на время? Посмертные изменения проявятся?

— Нет. Те изменения, о которых мы говорим, появляются лишь в том случае, если волос остается в скальпе трупа и изымается уже после смерти. — Эрин встретила изумленный взгляд Риццоли. — Ваш неизвестный субъект явно имел контакт с трупом. И волос остался на его одежде, а потом перекочевал на скотч, когда убийца связывал щиколотки доктору Йигеру.

— Значит, есть еще одна жертва, — тихо произнесла Риццоли.

— Это одна из версий. Но я бы предложила другую. — Эрин подошла к рабочему столу и вернулась с маленьким лотком, в котором липкой стороной вверх лежала полоска скотча. — Этот фрагмент отодрали с запястья доктора Йигера. Я хочу показать тебе его в лучах ультрафиолета. Щелкни вон тем выключателем.

Риццоли погасила свет. В темноте маленькая ультрафиолетовая лампа в руках Эрин зажглась загадочным сине-зеленым светом. Конечно, этот прибор значительно уступал по своей мощности «Краймскопу» Мика, но

даже в его луче, упавшем на полоску скотча, простили любопытные детали. Клейкая лента, оставленная на месте преступления, может оказаться бесценной находкой для детектива. Волокна, волоски, отпечатки пальцев, даже ДНК убийцы — все это можно обнаружить на липкой поверхности. Под ультрафиолетовым лучом Риццоли разглядела крошки пыли и несколько коротких волосков. А по одному краю ленты тянулась очень тонкая полоска каких-то волокон.

— Видишь этот непрерывный ряд волокон по внешнему краю ленты? — спросила Эрин. — Они замечены на ленте, которой были связаны не только запястья, но и щиколотки. Похоже на фирменную метку производителя.

— Но это не так?

— Нет, не так. Если положить моток ленты на какую-то поверхность, к ее краям непременно приклеятся частички с этой поверхности. Так вот эти волокна как раз и есть следы поверхности, на которой лежал скотч, использованный потом убийцей. — Эрин включила в лаборатории свет, и Риццоли зажмурилась от яркого сияния.

— Ну, и что это за волокна?

— Я тебе сейчас покажу. — Эрин вытащила из микроскопа стекло с образцом волоса и заменила его другим образцом. — Ты смотри, а я буду тебе объяснять, что мы видим.

Риццоли вперила взгляд в окуляр и увидела темное волокно, изогнутое в форме буквы С.

— Это край клейкой ленты, — пояснила Эрин. — С помощью направленной струи горячего воздуха мне удалось расслоить ленту. Эти темно-синие волокна тянутся по всей длине. А теперь я покажу тебе поперечное сечение. — Эрин потянулась к папке с файлами, откуда достала снимок. — Вот так оно выглядит под электронным микроскопом. Видишь, оно имеет форму треугольника? Это делается специально, чтобы снизить уровень поглощения пыли. Такое сечение характерно для ковровых волокон.

— Так это искусственный материал?

— Верно.

— А как насчет двойного лучепреломления? — Риццоли знала, что, проходя через синтетическое волокно, свет зачастую выходит оттуда поляризованным в двух разных плоскостях, как при прохождении сквозь кристалл. У каждого типа волокна существовал свой коэффициент двойного лучепреломления, который можно было измерить с помощью поляризационного микроскопа.

— Вот это синее волокно, — сказала Эрин, — имеет коэффициент двойного лучепреломления ноль-ноль-шестьдесят-три.

— Это соответствует какому-то конкретному материалу?

— Нейлону шесть и шесть. Его часто используют для ковров, поскольку он устойчив к загрязнению, прочный и упругий. В частности, эта форма поперечного сечения волокна и его инфракрасная спектrogramма соответствуют продукту фирмы «Дюпон» под названием «Анtron», и его используют в производстве ковров.

— Он темно-синий? — спросила Риццоли. — Пожалуй, этот цвет редко выбирают для дома. Он, скорее, годится для автомобильных ковриков.

Эрин кивнула.

— На самом деле именно этот цвет, номер 802-синий, давно уже предлагают в качестве стандартного варианта отделки салонов американских автомобилей класса «люкс». Например, «Кадиллаков» и «Линкольнов».

Риццоли сразу уловила, к чему клонит криминалист.

— «Кадиллак» производит катафалки.

— «Линкольн» тоже, — улыбнулась Эрин.

Они обе думали об одном и том же: убийца так или иначе связан с трупами.

Риццоли стала прокручивать в голове список лиц, которым по роду деятельности приходится иметь дело с трупами. Полицейский и врач, которых в первую очередь вызывают на место неожиданной смерти. Патологоанатом и его ассистент. Санитар, бальзамирующий труп, и директор похоронного бюро. Гример морга, который моет волосы, накладывает макияж, готовит усопшего к траурной церемонии. Покойник проходит через руки многих живых, и следы этого контакта вполне могут остаться на любом из тех, кто касался трупа. Она перевела взгляд на Эрин.

— Пропавшая женщина. Гейл Йигер...

— Что с ней?

— Ее мать умерла месяц назад.

* * *

Джо Валантайн лепил из мертвых лиц живые.

Риццоли и Корсак стояли в ярко освещенной покойницкой похоронного бюро Уитни и наблюдали за тем, как ловко работает Джо. В

его сундучке стояли всевозможные баночки с тональным кремом, румянами и губной помадой. Это был профессиональный набор театрального гримера, разница состояла лишь в том, что эти кремы и румяна предназначались для того, чтобы вдохнуть жизнь в землистую кожу трупов. Бархатный голос Элвиса Пресли напевал «Люби меня нежно», пока Джо втирил моделирующий воск в безжизненные кисти рук усопшей, умело маскируя следы от множественных инъекций и капельниц.

— Это была любимая музыка миссис Обер, — пояснял он по ходу дела, время от времени поглядывая на любительские снимки, прикрепленные к пюпитру, который он установил рядом со столом. Риццоли предположила, что это были фотографии миссис Обер, хотя живая женщина, изображенная на них, была явно далека от серого высохшего трупа, над которым сейчас трудился Джо.

— Сын говорит, что она была помешана на Элвисе, — продолжал Джо. — Три раза ездила в Грейсленд. Он принес сюда эту кассету, чтобы она звучала, пока я буду гримировать ее. Знаете, я всегда стараюсь ставить их любимые мелодии. Мне это помогает лучше понять их. О человеке можно многое узнать, если послушать музыку, которую он любит.

— Ну и как же должна выглядеть фанатка Элвиса? — поинтересовался Корсак.

— Ну, знаете... Помада поярче. Пышный начес. Ничего общего с теми, кто слушает, скажем, Шостаковича.

— А какую музыку слушала миссис Хэллоуэлл?

— Честно говоря, я не помню.

— Вы работали с ней месяц назад.

— Да, но я не всегда помню детали. — Джо закончил работать с руками и переместился в изголовье, где приступил к макияжу под ритмичный аккомпанемент рок-н-рольной песенки. В черных джинсах и тяжелых ботинках «Доктор Мартенс» он казался хиппующим художником, задумчиво созерцающим чистый холст. Только его холстом была холодная плоть, а инструментами — кисть для макияжа и тюбик губной помады. — Я думаю, ей подойдет бронзовый оттенок, — произнес он и потянулся к краске. Шпателем он принял смешивать цвета на палетке из нержавеющей стали. — Да, это вполне в духе стареющей поклонницы Элвиса. — Он принял втирать тональный крем в щеки покойной, постепенно двигаясь к серебристым корням волос.

— Может быть, вы помните, о чем говорили с дочерью миссис Хэллоуэлл? — спросила Риццоли. Она достала фотографию Гейл Йигер и показала ее Джо.

— Вам лучше спросить у мистера Уитни. Он здесь главный. Я лишь его помощник...

— Но вы, должно быть, обсуждали с миссис Йигер макияж для ее матери. Ведь вы готовили тело к похоронам.

Взгляд Джо скользнул по фотографии Гейл Йигер.

— Я помню, что она была действительно очень красивой женщиной, — тихо произнес он.

Риццоли вопросительно взглянула на него.

— Кто?

— Послушайте, я ведь слежу за новостями. Не думаете же вы в самом деле, что миссис Йигер еще жива? — Джо хмуро уставился на Корсака, который бродил по комнате, заглядывая во все шкафчики. — Хм... детектив! Вы что-нибудь ищете?

— Нет, ничего. Просто интересно, что хранится в покойницкой. — Он залез в один из шкафчиков. — Это что, щипцы для завивки?

— Да. Мы же производим укладку волос. И маникюр делаем. Все, что нужно, чтобы клиент выглядел наилучшим образом.

— Я слышал, вы настоящий мастер своего дела.

— Пока никто не жаловался.

— А ваши клиенты разве могут жаловаться? — рассмеялся Корсак.

— Я имею в виду их родных. Родные довольны.

Корсак отложил щипцы.

— Как давно вы работаете на мистера Уитни, лет семь уже?

— Около того.

— Наверное, сразу после окончания средней школы?

— Я начал с того, что мыл его катафалки, убирался в покойницкой, выезжал наочные вызовы. Потом мистер Уитни попросил помочь ему в бальзамировании. Теперь, когда он уже немолод, я делаю здесь практически все.

— Я так понимаю, что у вас есть и лицензия на бальзамирование трупов?

Последовала пауза.

— Хм, нет. Я так и не удосужился приобрести ее. Я просто помогаю мистеру Уитни.

— Почему вы не подаете заявку на лицензию? Это было бы шагом вперед в вашей карьере.

— Меня вполне устраивает мой нынешний статус. — Джо вновь переключил свое внимание на миссис Обер, лицо которой уже заметно порозовело. Нежно орудуя щеточкой, он принялся подкрашивать ее серые

брови. В то время как его сверстники стремились взять от жизни все, молодой Джо Валантайн предпочитал проводить дни наедине со смертью. Он перевозил трупы из больниц и богаделен в эту чистую, ярко освещенную комнату. Мыл и обтирал их, укладывал им волосы, втирал в их безжизненную кожу кремы и краски, пытаясь создать иллюзию жизни. Приукрашивая миссис Обер, он бормотал: — Прелестно. Да, прелестно. Вы будете выглядеть роскошно...

— Итак, Джо, — не унимался Корсак, — вы работаете здесь семь лет, верно?

— Разве я не сказал вам об этом только что?

— И за это время даже не пытались обратиться по поводу получения собственной лицензии?

— Почему вы так настойчиво спрашиваете об этом?

— Может, вы просто заранее знали, что никогда не получите ее?

Джо напрягся, его рука застыла в воздухе, сжимая тюбик губной помады. Он промолчал.

— Старик Уитни знает о вашем криминальном прошлом? — спросил Корсак.

Джо наконец поднял на него взгляд.

— Вы ведь не рассказали ему, я надеюсь?

— Возможно, и следовало бы рассказать. О том, как ты до смерти напугал ту бедную девчонку.

— Мне было всего восемнадцать. Это была ошибка...

— Ошибка? Что, забрался не в то окошко? Выследил не ту девушку?

— Мы вместе учились в школе! Это была моя знакомая!

— Выходит, ты лазаешь в окна только к знакомым девушкам? Что еще ты проделываешь, пока безнаказанно?

— Я же сказал вам, это была ошибка!

— Может, когда-нибудь пробирался в чужие дома? В чужие спальни? Крал что-нибудь из нижнего белья — ну, там — лифчик, здесь — пару трусиков?

— О господи. — Джо стоял, уставившись в пол, где валялся выпавший из его рук тюбик помады. Казалось, еще немного — и с ним случится обморок.

— Знаешь, чрезмерно любопытные все время в поиске новых приключений, — не унимался Корсак. — С каждым разом все менее безобидных.

Джо подошел к проигрывателю и выключил музыку. В воцарившейся тишине он повернулся к нам спиной и уставился в окно, которое выходило

на кладбище.

— Вы хотите сломать мне жизнь, — сказал он.

— Нет, Джо. Мы просто пытаемся вывести тебя на откровенный разговор.

— Мистер Уитни ничего не знает.

— Ему и не нужно знать.

— При условии?..

— Где ты был в воскресенье вечером?

— Дома.

— Один?

Джо вздохнул.

— Послушайте, я понимаю, к чему вы клоните. И знаю, что вам нужно. Но я уже сказал вам, что едва знаком с миссис Йигер. Я занимался только ее матерью. Знаете, я хорошо поработал с ней. Мне потом об этом все говорили. Она выглядела как живая.

— Ты не против, если мы заглянем в твою машину?

— Зачем?

— Просто осмотрим.

— Я против. Но вы ведь все равно туда полезете, не так ли?

— Только с твоего разрешения. — Корсак выдержал паузу. — Знаешь, сотрудничество — это улица с двусторонним движением.

Джо продолжал пялиться в окно.

— Сегодня на кладбище похороны, — тихо произнес он. — Видите все эти лимузины? Еще в детстве я любил смотреть на похоронные процесии. Они такие красивые, такие величественные. Это единственное, что люди делают правильно. Единственное, что они не успели разрушить или испортить. Не то что свадьбы, на которых они вытворяют всякие глупости вроде прыжков с парашютом или клятв в прямом эфире, на всю страну. На похоронах мы пока еще выказываем уважение друг к другу...

— Твоя машина, Джо, — оборвал его Корсак.

Джо наконец обернулся к ним и направился к одному из шкафчиков. Достав оттуда связку ключей, он протянул ее Корсаку.

— Коричневая «Хонда».

* * *

Риццоли и Корсак стояли, уставившись на серо-коричневый коврик, выстилавший багажник автомобиля Джо Валантайна.

— Черт! — Корсак хлопнул крышкой багажника. — Но я все равно не отстану от этого парня.

— Но у вас нет на него ничего.

— Видели его ботинки? Похоже, одиннадцатого размера. А в катафалке коврики темно-синие.

— Как и в тысячах других машин. Так что совсем не обязательно, что он тот, кто нам нужен.

— Ну, не подозревать же мне старика Уитни. — Хозяину Джо, Леону Уитни, было шестьдесят шесть лет. — Послушайте, у нас есть ДНК убийцы, — продолжил Корсак. — Остается лишь взять ДНК Джо.

— Вы полагаете, что он отольет вам спермы в чашку?

— Если хочет сохранить работу, думаю, он сделает все, что ему прикажут.

Риццоли бросила взгляд через дорогу, в сторону кладбища, из ворот которого уже выходила похоронная процессия. Как только мертвые преданы земле, жизнь продолжается, подумала она. Какой бы ни была трагедия, жизнь должна двигаться вперед. И я тоже.

— У меня больше нет возможности заниматься этим делом, — сказала она.

— Что?

— У меня полно своей работы. И к тому же я не думаю, что дело Йигера как-то связано с Уорреном Хойтом.

— Но три дня назад вы думали по-другому.

— Я ошибалась. — Риццоли прошла к своей машине, открыла дверцу и опустила стекла. Жаркие волны хлынули на нее из раскаленного салона.

— Я вас чем-то обидел или просто достал? — спросил Корсак.

— Нет.

— Тогда почему вы выходите из игры?

Она села за руль. Сиденье нещадно жгло даже сквозь брюки.

— Весь последний год я пыталась вычеркнуть из памяти Хирурга, — сказала она. — Я должна избавиться от него. Нужно прекратить искать его след во всех преступлениях, с которыми я сталкиваюсь.

— Знаете, иногда интуиция — лучший подсказчик.

— Иногда. Но чувства далеко не факты. И нет ничего особенного в интуиции полицейского. В конце концов, что такое наши ощущения? Как часто они подводили нас? — Риццоли повернула ключ в замке зажигания. — К сожалению, слишком часто.

— Так вы на меня не в обиде?

Она хлопнула дверцей.

— Нет.

— Точно?

Она посмотрела на него в открытое окно. Он стоял, щурясь на солнце, и его глаза казались щелочками под кустистыми бровями. На его руках щетинились темные волосы, и весь он был какой-то тяжелый, громоздкий, чем-то напоминающий гориллу. Нет, он не достал ее. Но все равно она не могла смотреть на него без некоторого отвращения.

— Просто у меня больше нет времени, чтобы заниматься этим делом, — сказала она. — Сами понимаете.

* * *

За рабочим столом Риццоли с головой ушла в изучение бумаг, накопившихся за время ее отсутствия. Верхней в стопке была папка с делом по трупу из самолета. Личность жертвы до сих пор не была установлена, и останки все еще лежали невостребованными в судебном морге. Она слишком долго не занималась этим делом. Но, даже открыв папку и принявшиеся изучать снимки, сделанные в ходе вскрытия, она продолжала думать о Йигерах и человеке, на одежде которого оказался волос с трупа. Она просматривала расписание вылетов и прилетов аэропорта Логан, а перед глазами стояло улыбающееся лицо Гейл Йигер с фотографии на комоде. Она вспомнила галерею женских фотографий, вывешенных в комнате совещаний год назад, когда шло расследование дела Хирурга. Те женщины тоже улыбались, и в их глазах светилась жизнь. Думая про Гейл Йигер, она почему-то вспоминала мертвых — тех, кто был до нее.

И в который раз задавалась вопросом: не среди них ли уже и Гейл?

Завибрировал пейджер, и от его жужжания она вздрогнула словно от удара током. Пришло сообщение, которое грозило расстроить все ее планы на день. Она сняла трубку телефона.

Уже через минуту она выбегала из здания.

5

Собака была желтым лабрадором, и присутствие полицейских довело ее до крайнего возбуждения, граничащего с истерикой. Пес рвался с поводка, которым был привязан к дереву. Хозяин собаки, жилистый мужчина средних лет в спортивных шортах, сидел рядом на большом камне, уронив голову на руки и не обращая ни малейшего внимания на умоляющий визг своего питомца.

— Хозяина зовут Пол Вандерслут. Живет на Ривер-стрит, в миle отсюда, — доложил патрульный Грегори Доуд, который уже успел оцепить место происшествия, натянув ленту.

Они стояли на краю муниципального поля для гольфа, граничащего с лесопарком Стоуни-Брук. Расположенный на южной окраине Бостона, парк был со всех сторон окружен пригородами. Но сами четыреста семьдесят пять акров Стоуни-Брука представляли собой живописный ландшафт с лесистыми холмами и долинами, россыпями скальных пород и болотами. Зимой парк бороздили лыжники, а летом его тихие леса служили отдушиной для любителей бега трусцой.

В том числе и для мистера Вандерслута, пока собака не вывела его к тому, что лежало между деревьями.

— Он говорит, что каждый день бегает здесь с собакой, — продолжал офицер Доуд. — Обычно его маршрут начинается на Ист-Баундари-роуд, идет через лес, а возвращается он этой дорогой, вдоль кромки поля для гольфа. На круг выходит четыре мили. Он говорит, что никогда не спускает собаку с поводка. Но сегодня пес сорвался и убежал. Они поднимались вверх по дороге, когда собака отклонилась в сторону и рванула в лес. Вандерслут последовал за ней. И едва не упал, споткнувшись о тело. — Доуд бросил взгляд на бегуна, который все сидел на камне. — Сразу же позвонил девять-один-один.

— Он звонил с сотового?

— Нет, мэм. Из телефонной будки в Томпсон-центре. Я прибыл на место примерно в два-двеадцать. Ничего не трогал. Лишь зашел подальше в лес, чтобы убедиться, что труп там. Углубившись ярдов на пятьдесят, я уже учуял его запах. И еще через пятьдесят ярдов увидел само тело. После этого я вернулся и оцепил место происшествия.

— А когда сюда прибыли остальные?

— Детективы Слипер и Кроу прибыли около трех. Судмедэксперт —

примерно в три-пятнадцать. — Он сделал паузу. — А вас я не сразу заметил.

— Мне позвонила доктор Айлз. Как я понимаю, пока мы паркуем машины на поле для гольфа?

— Так приказал детектив Слипер. Он не хочет, чтобы автомобили просматривались со стороны Эннекинг-Парквей. Опасается любопытных глаз.

— Прессы еще нет?

— Нет, мэм. Я принял меры предосторожности и не стал докладывать о происшествии по радио. Позвонил из таксофона, что на дороге.

— Хорошо. Может быть, нам повезет и они вообще не появятся.

— Ох-хо-хо, — произнес Доуд. — Похоже, стервятники уже начали слетаться.

Темно-синий «Маркиз» пересек поле для гольфа и припарковался возле фургона судмедэкспертизы. Знакомая толстая фигура выползла из машины и принялась зачесывать на лысину растрепавшиеся пряди.

— Это не репортер, — успокоила его Риццоли. — Я жду этого парня.

Корсак уже приблизился к ним.

— Вы в самом деле полагаете, что это она? — спросил он.

— Доктор Айлз считает, что вероятность очень высока. Если так, то ваш убийца переместился в пределы Бостона. — Риццоли взглянула на Доуда. — С какой стороны нам лучше подойти, чтобы ничего не нарушить?

— Лучше всего с востока. Слипер и Кроу уже отсняли на видео этот ракурс. Отпечатки подошв и следы волочения тянутся с другой стороны, начиная от Эннекинг-Парквей. Короче, идите на запах.

Риццоли и Корсак проскользнули под ленту оцепления и направились в лес. Деревья здесь росли плотной стеной, как в настоящей чащбе. Острые ветки так и норовили расцарапать лицо, цеплялись за одежду. Наконец детективы выбрались на аллею и заметили болтавшийся на дереве клочок полицейской ленты.

— Мужчина бежал как раз по этой аллее, когда собака рванула от него в лес, — пояснила Риццоли. — Похоже, Слипер оставил нам метку.

Они пересекли аллею и вновь углубились в лес.

— О боже! Кажется, я уже чувствую запах, — поморщился Корсак.

Еще не увидев тела, они расслышали зловещее жужжение мух. Сухие ветки хрустели под ногами, заставляя вздрогивать, как от выстрелов. Впереди за деревьями они увидели Слипера и Кроу, которые с гримасами отвращения на лицах отмахивались от назойливых насекомых. Доктор Айлз сидела на корточках рядом, и редкие лучики солнца искрились в ее

черных прядях. Подойдя ближе, они увидели, чем она занимается.

— Проклятье! — в ужасе завопил Корсак. — Пожалуй, лучше бы на это не смотреть.

— Стекловидное тело, — произнесла Айлз почти сладострастно. — Это даст нам еще одну возможность установить время, прошедшее с момента смерти.

«Установить время смерти будет трудно», — подумала Риццоли, глядя на обнаженное тело. Айлз уже перекатила его на простыню, и оно лежало лицом вверх, с выпучеными от жары глазами. На шее выделялось ожерелье из синяков. Длинные светлые волосы больше напоминали пук соломы. Раздутый живот уже приобрел зеленоватый оттенок. Кровеносные сосуды, тронутые пятнами бактериального распада, словно черные реки тянулись под почти прозрачной кожей. Но все эти ужасы меркли перед тем, чем сейчас занималась доктор Айлз. Роговица глаза является самой чувствительной поверхностью человеческого тела; мельчайшая песчинка или ресница, попавшие на нее, могут вызвать сильнейший дискомфорт. Вот почему Риццоли и Корсак с таким ужасом смотрели на то, как Айлз вонзает в глаз трупа иглу шприца и медленно выкачивает студенистую жидкость из стекловидного тела.

— Выглядит просто замечательно, прозрачная, — довольно произнесла Айлз. Она поместила шприц в контейнер со льдом и, поднявшись, царственным взглядом обвела место происшествия. — Температура печени всего на два градуса ниже окружающей, — сказала она. — Признаков повреждения животными и насекомыми не отмечено. Она недолго пролежала в этом месте.

— Ее просто выбросили здесь? — спросил Слипер.

— Судя по синюшности, она умерла, лежа лицом вверх. Видите, насколько темнее спина — там, где скапливалась кровь? Но нашли ее здесь лежащей лицом вниз.

— Выходит, ее сюда перенесли.

— Не далее как двадцать четыре часа тому назад.

— Похоже, она умерла задолго до этого, — сказал Кроу.

— Да. Она дряблая, опухшая. Кожа уже отслаивается.

— А носовое кровотечение? — поинтересовался Корсак.

— Распад крови. У нее начинается процесс испражнения. Жидкость выдавливается за счет внутреннего скопления газов.

— Время смерти? — спросила Риццоли.

Айлз молча уставилась на неестественно распухшие останки женщины, которую все они принимали за Гейл Йигер. Тишину нарушило

лишь жужжание жадных мух. Разве что светлые волосы напоминали о той женщине с фотографий, некогда заставлявшей мужчин обрачиваться ей вслед. Безобразный труп лишний раз напоминал о том, что и красавица, и бездомный бродяга в одинаковой степени беззащитны перед бактериями и насекомыми, с тупым равнодушием поглощающими плоть.

— Я не могу ответить, — покачала головой Айлз. — Пока не могу.

— Ну, больше, чем день? — настаивала Риццоли.

— Да.

— Похищение произошло в субботу ночью. Можно сказать, что она мертва с тех пор?

— Четыре дня? Это зависит от температуры окружающей среды. Отсутствие видимых повреждений насекомыми дает возможность предположить, что тело до недавнего времени держали в помещении. Причем в закрытом. Кондиционированный воздух замедляет процесс разложения.

Риццоли и Корсак обменялись многозначительными взглядами, поскольку оба подумали об одном и том же: почему убийца ждал так долго, прежде чем избавиться от разлагающегося трупа?

У детектива Слипера затрещала рация, и они рассыпались голос Доуда:

— Только что прибыли детектив Фрост и бригада криминалистов. Вы готовы принять их?

— Пусть ждут, — сказал Слипер. Он уже выглядел усталым, измученным жарой. Старейший детектив в отделе, ему оставалось пять лет до пенсии, и не нужно было никому ничего доказывать. Он посмотрел на Риццоли. — Выходит, нам придется начинать это дело с конца. Вы ведь работали по нему с ньютонской полицией?

Она кивнула:

— С понедельника.

— В таком случае вы возглавите расследование?

— Да, — подтвердила Риццоли.

— Эй, — запротестовал Кроу. — Мы первыми прибыли на место происшествия.

— Похищение произошло в Ньютоне, — вмешался Корсак.

— Но труп ведь всплыл в Бостоне, — не сдавался Кроу.

— Господи, — застонал Слипер. — Какого черта мы спорим?

— Это мое дело, — твердо заявила Риццоли. — Я буду вести его. — И испытующе уставилась на Кроу, словно бросая ему вызов. Она уже была готова к очередной вспышке соперничества между ними и видела, как у него дернулся уголок рта в издевательской усмешке.

В этот момент Слипер объявил по рации:

— Расследование возглавляет детектив Риццоли. — И вновь перевел на нее взгляд. — Вы готовы впустить сюда бригаду криминалистов?

Она посмотрела на небо. Было уже пять вечера, и солнце спряталось за верхушками деревьев.

— Давайте, пока еще светло.

Место происшествия в лесу, да еще в сгущающихся сумерках, было не самым приятным объектом для работы. В лесах дикие животные лихо расправлялись с останками и вещественными доказательствами. Дожди смывали кровь и сперму, ветер развеивал микрочастицы. И не было дверей, которые можно запереть от посторонних глаз и любопытных прохожих. Поэтому она прекрасно понимала, что криминалистам нужно срочно приступить к работе. Вооруженные металлоискателями, эти зоркие следопыты призваны были исследовать каждый клочок земли в поисках бесценных улик.

К тому времени как Риццоли выбралась из чащи леса на поле, с нее сошло семь потов и она чувствовала себя вконец измученной. Она остановилась, чтобы отряхнуться, и вдруг ее внимание привлек светловолосый мужчина в костюме и галстуке, который стоял возле фургона судмедэкспертизы, прижимая к уху трубку сотового телефона.

Риццоли подошла к Доуду, который все еще прохаживался вдоль ленты оцепления.

— Кто это там, в костюме? — спросила она.

Доуд метнул взгляд в сторону незнакомца.

— Этот? Говорит, что из ФБР.

— Что?!

— Козырнул своим удостоверением и попытался пройти через оцепление. Я сказал ему, что для начала нужно согласовать с вами. Кажется, он был не в восторге.

— При чем здесь ФБР?

— Вы меня спрашиваете?

Появление федерального агента расстроило ее. Как возглавляющая расследование она не нуждалась в чьем-либо руководстве, а этот человек со своей военной выправкой и в костюме бизнесмена уже выглядел хозяином положения. Риццоли направилась к нему, но он заметил ее присутствие, лишь когда она приблизилась чуть ли не вплотную.

— Прошу прощения, — сказала она. — Я так понимаю, вы из ФБР?

Он громко хлопнул крышкой своего сотового телефона и обернулся. Она увидела перед собой волевое мужское лицо с холодным

непроницаемым взглядом.

— Я детектив Джейн Риццоли, руководитель расследования, — произнесла она. — Могу я посмотреть ваше удостоверение?

Он полез в карман пиджака и достал «корочки». Изучая документ, она ощущала на себе его оценивающий и покровительственный взгляд, который ничего, кроме возмущения, в ней не вызывал.

— Агент Габриэль Дин, — сказала она, возвращая ему удостоверение.

— Да, мэм.

— Могу я спросить, что здесь делает ФБР?

— Я не думал, что мы соперники.

— Разве я так сказала?

— Вы ясно дали понять, что мое присутствие здесь нежелательно.

— Просто не могу сказать, что ФБР — частый гость на месте происшествия. И мне любопытно, что же привело вас сюда на этот раз.

— Мы получили сводку из ньютонского полицейского управления по убийству Йигера. — Ответ был явно неполным; он многое недоговаривал, словно заставляя ее задавать наводящие вопросы. Утаивание информации было своеобразной формой проявления власти, и она понимала, в какую игру он ее втягивает.

— Я так понимаю, сводки слетаются к вам отовсюду.

— Да, это так.

— По каждому убийству, верно?

— Да, нас ставят в известность.

— Так что такого особенного в нашем убийстве?

Он уставился на нее непроницаемым взглядом.

— Думаю, об этом могут судить только жертвы.

Она чувствовала, как закипевшая в ней злость норовит вырваться наружу.

— Этот труп был обнаружен лишь несколько часов назад, — сказала она. — Неужели сводки теперь подаются с такой скоростью?

Его губы дрогнули в некоем подобии улыбки.

— Мы же не дилетанты, детектив. И было бы неплохо, если бы вы предоставили нам более подробную информацию. Протоколы вскрытия. Вещественные доказательства. Свидетельские показания...

— Это же уйма бумаг.

— Я понимаю.

— И вы все это хотите получить?

— Да.

— Есть особая причина вашего интереса?

— А почему вы считаете, что убийство и похищение не могут нас заинтересовать? Мы бы хотели вести это дело.

Несмотря на его внушительный вид, она не побоялась подойти к нему совсем близко.

— И когда планируете приступить к работе?

— Это дело остается вашим. Я здесь только для того, чтобы помочь вам.

— Даже если мне не требуется помочь?

Его взгляд переместился на санитаров, которые появились из леса и стали грузить носилки с останками в фургон.

— Неужели так важно, кто ведет дело? — тихо спросил он. — Главное ведь, чтобы преступник был пойман.

Они проводили взглядами фургон, который увозил уже оскверненный труп на дальнейшую экзекуцию, на этот раз на секционном столе. Ответ Габриэля Дина напомнил ей о том, насколько мелки и незначительны их амбиции. Ведь Гейл Йигер было все равно, кому достанутся лавры победителя. Ее загубленная жизнь требовала только справедливого отмщения, и неважно, кто этого добьется. Справедливость — вот в чем состоял долг Риццоли перед ней.

Но она слишком хорошо знала, каково бывает, когда коллеги присваивают себе результаты ее тяжелого кропотливого труда. Ей не раз приходилось сталкиваться с тем, что мужчины невозмутимо выходят на первый план, когда ею буквально по кирпичикам собраны все доказательства. И сейчас она была полна решимости не допустить повторения прошлых ошибок.

— Я ценю ваше предложение о помощи. Но у нас есть все необходимое для дальнейшей работы. Я дам вам знать, если понадобится консультация. — С этими словами она развернулась и пошла прочь.

— Я не уверен, что вы до конца понимаете ситуацию, — произнес агент Дин. — Теперь мы с вами одна команда.

— Не помню, чтобы я просила у ФБР помощи.

— Вопрос согласован с вашим начальником — лейтенантом Маркеттом. Хотите переговорить с ним? — Он протянул ей свой сотовый телефон.

— У меня есть свой, благодарю.

— В таком случае я настоятельно прошу вас позвонить ему. Чтобы мы больше не тратили время на словесные баталии.

Ее поразило то, как быстро и ловко он вступил в свои права. И насколько точно она его оценила. Да, он явно не из тех, кто привык

держаться в тени.

Она достала свой телефон и начала набирать номер. Но, прежде чем Маркетт ответил, она услышала, что ее зовет патрульный Доуд.

— Вас вызывает детектив Слипер. — Доуд протянул ей рацию.

Она нажала на кнопку связи.

— Риццоли слушает.

Сквозь треск до нее донесся голос Слипера:

— Вам бы стоило вернуться сюда.

— Что там у вас?

— М-м... лучше бы вам самой увидеть. Примерно в пятидесяти шагах к северу обнаружен еще один...

Еще один?

Она сунула рацию Доуду и бросилась к лесу. В спешке она не сразу заметила, что Габриэль Дин следует за ней. Только расслышав хруст веток за спиной, она обернулась и увидела его мрачное и сосредоточенное лицо. Времени на споры не было, поэтому она молча продолжила путь.

Вскоре она увидела своих коллег, которые полукругом стояли под деревьями, склонив головы в скорбном молчании. Слипер первым заметил ее.

— Ребята только-только закончили обход территории с металлоискателями, — доложил он. — Они уже шли обратно к полю, когда прибор подал сигнал.

Риццоли подошла ближе и присела на корточки, чтобы рассмотреть находку.

Скальп, снятый с тела, лежал чуть в стороне от останков, почти превратившихся в скелет. Сияющая золотая коронка резко выделялась из ряда запачканных грязью зубов. Риццоли не увидела ни одежды, ни обрывков ткани — лишь голые кости, прикрытые лоскутами высохшей кожи. Длинные темные волосы, смешавшиеся с листвой, указывали на то, что останки принадлежат женщине.

Она выпрямилась, но взгляд ее продолжал ощупывать землю. Мокроты нещадно жалили, пили ее кровь, но она не чувствовала боли. Словно завороженная, она все смотрела под ноги, на плотный ковер из мертвых листьев и опавших веток и испытывала неподдельный ужас.

Сколько же женщин лежит в этих лесах?

— Здесь у него свалка.

Риццоли обернулась и посмотрела на Габриэля Дина, который первым нарушил молчание. Он сидел на корточках в нескольких шагах от нее и шарил в листве. Она даже не заметила, когда он успел надеть перчатки. Он

встал, и они встретились взглядами.

— Ваш убийца использовал это место и раньше, — сказал Дин. — И, возможно, придет сюда еще раз.

— Если мы не спугнем его.

— В том-то и задача. Нужно все сделать по-тихому. Если вы не спугнете его, есть вероятность, что он вернется. Не только для того, чтобы свалить очередной труп, но просто так — чтобы вновь пережить возбуждение.

— Вы что, психолог?

Он оставил ее вопрос без ответа и окинул взглядом стоявших вокруг полицейских.

— Если нам удастся сохранить это в тайне от прессы, у нас появится шанс. Но мы должны немедленно свернуть здесь всю активность.

Мы. Этим единственным словом он обозначил свое участие в команде, на которое она не давала согласия. И вот уже они стали партнерами, и он отдает распоряжения. Но больше всего в этой ситуации ее бесило то, что окружающие слушали их разговор и понимали, что ее авторитет под угрозой.

Только Корсак со свойственной ему прямолинейностью осмелился вмешаться в диалог.

— Прошу прощения, детектив Риццоли, — произнес он. — Кто этот джентльмен?

— Агент ФБР, — ответила она, не сводя глаз с Дина.

— Может, кто-нибудь объяснит мне, с какого момента это дело приобрело статус федерального расследования?

— Оно и не приобретало этого статуса, — отчеканила Риццоли. — И агент Дин как раз собирается покинуть место происшествия. Кто-нибудь может проводить его?

Какое-то мгновение они с Дином в упор смотрели друг на друга. Потом он едва заметно кивнул, молчаливо признавая ее победу в этом раунде.

— Я сам найду обратную дорогу, — сказал он и, развернувшись, зашагал в направлении поля для гольфа.

— Что за типы эти федералы, — в сердцах произнес Корсак. — Вечно мнят себя корифеями. И с чего это ФБР вздумало совать нос в это дело?

Риццоли задумчиво смотрела вслед Габриэлю Дину, неясный силуэт которого уже исчез за деревьями.

— Если бы я знала, — тихо сказала она.

* * *

Лейтенант Маркетт прибыл на место происшествия спустя полчаса.

Присутствие старшего офицера никогда не радовало рядовых сотрудников, а Риццоли так вообще терпеть не могла, когда босс маячил за спиной, в то время как она работала. Но сейчас Маркетт скромно стоял в сторонке, молчаливо оценивая ситуацию.

— Лейтенант, — поприветствовала она его.

Он кивнул в ответ:

— Риццоли.

— Что там с Бюро? Здесь был их агент, рассчитывал получить полный доступ к расследованию.

Он понимающе кивнул.

— Просьба была спущена из комиссариата полиции.

Выходит, участие федералов было санкционировано сверху.

На ее глазах криминалисты упаковали оборудование и направились к своему фургону. Хотя все происходило в пределах городской черты Бостона, этот отдаленный уголок парка Стоуни-Брук казался глушью. Легкий ветерок разносил по лесу трупный запах. Сквозь деревья пробивался луч фонарика Барри Фроста, который в сумерках сматывал ленту оцепления, заметая следы пребывания полиции. Сегодня вечером можно устанавливать скрытое наблюдение — возможно, убийца и вернется на место преступления, тоскуя по запаху смерти и некогда пережитым ощущениям.

— Выходит, у меня нет выбора? — спросила Риццоли. — Я вынуждена сотрудничать с агентом Дином?

— Я заверил комиссариат, что мы готовы к сотрудничеству.

— А в чем здесь интерес федэралов?

— Вы разве не спросили у Дина?

— С ним говорить все равно что вон с тем деревом. Вопросов задаешь много, а ответов — ноль. Короче, я не испытываю восторга от перспективы такого сотрудничества. Получается, мы раскрываем ему все карты, а в ответ получаем фигу в кармане.

— Может, вы просто не нашли к нему правильного подхода.

От злости в ней закипела кровь. Она поняла скрытый смысл его заявления: «Вы, как всегда, в своем репертуаре, Риццоли. Так и норовите опустить мужиков».

— Вы когда-нибудь встречались с агентом Дином? —

поинтересовалась Риццоли.

— Нет.

— Счастливчик, — саркастически хохотнула она.

— Послушайте, я выясню все что возможно. А вы попытайтесь поработать с ним, договорились?

— Разве я не пыталась?

— Судя по тому, что вы прогнали его с места происшествия... вряд ли это можно назвать продуктивным сотрудничеством.

— Он пытался поставить под сомнение мой авторитет. Я должна была пресечь это на корню. Я возглавляю расследование? Или уже нет?

Пауза.

— Возглавляете.

— Надеюсь, агент Дин будет поставлен в известность об этом.

— Я позабочусь. — Маркетт окинул взглядом лес. — Итак, мы имеем уже два комплекта останков. Обе женщины?

— Судя по пропорциям скелета и остаткам волос, второй труп тоже женский. Мягких тканей не осталось — все съедено животными. Причину смерти визуально установить невозможно.

— Мы можем быть уверены, что поблизости больше нет трупов?

— Собаки ничего не нашли.

Маркетт вздохнул.

— Слава Богу.

На ремне завибрировал пейджер. Она взглянула на экран и узнала телефонный номер абонента. Звонили из лаборатории патологоанатома.

— Совсем как прошлым летом, — пробормотал Маркетт, продолжая созерцать деревья. — Хирург тоже начал убивать примерно в это время.

— Это все жара, — сказала Риццоли и потянулась к сотовому телефону. — Она выкуривает монстров из нор.

6

Свобода лежит у меня на ладони.

Она имеет форму крошечного белого пятиугольника с выбитым на одной стороне шифром *MSD 97*. Декадрон, четыре миллиграмма. Какая милая форма таблетки — не надоевшие шарик или капсула. Это какой-то особый дизайн, чей-то каприз. Я даже вижу перед собой маркетологов из корпорации «Мерк Фармасетикл», которые, собравшись за столом, задают друг другу вопрос: «Как бы сделать нашу таблетку мгновенно узнаваемой?» И в результате на свет появляется этот пятиугольничек, который я сейчас держу в руке, словно бесценное сокровище. Я долго хранил его, прятал в прорези матраса, ожидая подходящего момента, когда он наконец сможет проявить свою чудодейственную силу.

Ожидая сигнала.

Я сижу на койке в своей камере, у меня на коленях раскрытая книга. Камера наблюдения фиксирует лишь примерного заключенного, читающего «Полное собрание сочинений» Уильяма Шекспира. Но видеть сквозь обложку она не может. Как не может видеть того, что у меня в руке.

Внизу, в комнате отдыха, надрывается телевизор, стучит по столу шарик пинг-понга. Еще один незабываемый вечер в тюремном блоке С. Через час по селектору объявят отбой, и заключенные разбредутся по камерам, клацая подошвами по металлическим ступеням. Они послушно разойдутся по своим клеткам, словно дрессированные крысы по приказу невидимого хозяина. Команду введут в компьютер, и двери камер одновременно закроются на замки, запирая крыс на ночь.

Я подаюсь вперед, почти утыкаясь носом в страницу, как будто шрифт слишком мелкий. Изо всех сил сосредоточиваюсь на строчке: «Двенадцатая ночь», акт III, сцена 3: «Улица. Входят Антонио и Себастьян...»

Здесь вам ничего не обломится, друзья мои. Перед вами всего лишь узник, читающий книгу. Он вдруг кашляет и инстинктивно прикрывает рот рукой. Видеокамера не видит крохотной таблетки в моей ладони. Не видит легкого касания языка, который отправляет таблетку в рот. Я глотаю ее всухую, мне не нужна вода. Она такая маленькая, что легко проскакивает в горло.

Она еще не успевает раствориться в желудке, а я уже воображаю

себе, будто наливаюсь ее мощью. Декадрон — фирменное название дексаметазона, адренокортикоида, который оказывает мощнейшее влияние на каждый орган человеческого тела. Глюкокортикоиды, к которым относится и декадрон, влияют и на уровень сахара в крови, и на работу почек, и на синтез ДНК. Без этих гормонов человек загнется. Именно они поддерживают кровяное давление, помогают организму переживать шок травмы или тяжелые инфекции. Они отвечают за рост костей и плодовитость, развитие мышц и иммунитет.

Они изменяют состав крови.

Когда наконец двери запирают и гаснет свет, я ложусь на койку, чувствуя, как пульсирует кровь в моих жилах. Я представляю себе, как бешено циркулируют по моим венам и артериям кровяные тельца.

Я знаю, как они выглядят, я видел их не раз под микроскопом. Я знаю форму и функцию каждой клетки, и мне достаточно одного взгляда в окуляр, чтобы сказать, нормальная это кровь или нет. Я могу мгновенно оценить уровень лейкоцитов — белых кровяных телец, которые защищают нас от инфекции. Анализ называется дифференциальный подсчет лейкоцитов, и я как лаборант выполнял его огромное количество раз.

Я думаю о лейкоцитах, циркулирующих в моих сосудах. Вот сейчас у меня меняется тот самый уровень лейкоцитов. Таблетка декадрона, которую я проглотил два часа назад, уже растворилась в желудке, и гормоны начинают творить чудеса. Если взять у меня сейчас анализ крови, он покажет поразительную аномалию: резкий выброс лейкоцитов с дольчатыми ядрами и многочисленными гранулами в цитоплазме. Это зрелые нейтрофильные лейкоциты, которые немедленно идут в атаку на особо опасную инфекцию.

Если слышится топот копыт, первая мысль, которая приходит в голову, — что это бегут лошади, а не зебры. Во всяком случае так учат студентов-медиков. Врач, который увидит мой анализ крови, разумеется, подумает о лошадях, а не о зебрах. И придет к абсолютно логическому заключению. Ему и в голову не придет, что на этот раз действительно пронеслись зебры.

* * *

Риццоли переоделась в халат, бахилы, перчатки и бумажный колпак. Ей не удалось принять душ после Стоуни-Брука, и сейчас прохладный

воздух морга словно инеем лег на ее вспотевшую кожу. Пообедать она тоже не успела, и голова слегка кружилась от голода. Впервые за годы службы ей пришла в голову мысль положить под нос ментоловую подушечку, чтобы не дышать трупным запахом, но она все-таки поборола искушение. Никогда раньше она не прибегала к ментолу, поскольку считала это проявлением слабости. Коп из отдела убийств должен одинаково ровно относиться ко всем аспектам работы, пусть даже самым неприятным, и, пока ее коллеги прятались за ментоловой ширмой, она stoически выдерживала отвратительные запахи, которые витали в секционном зале.

Риццоли в последний раз глотнула чистого воздуха и толкнула дверь в соседнюю комнату. Она рассчитывала застать там доктора Айлз и Корсака, но никак не ожидала, что вместе с ними окажется и Габриэль Дин. Он стоял возле операционного стола, в хирургическом халате, который скрывал и костюм, и галстук. В то время как у Корсака вид был крайне измученный, агент Дин выглядел бодрым и свежим, как будто и не было сегодняшних событий. Лишь легкая тень вечерней щетины омрачала его безупречное холеное лицо. Он бросил на Риццоли невозмутимый взгляд, словно его присутствие здесь нико и не ставил под сомнение.

Под ярким светом ламп тело жертвы выглядело гораздо хуже, чем несколько часов назад. Из носа и рта продолжала сочиться жидкость, оставляя кровавые следы на лице. Живот настолько распух, что казалось, речь идет о последней стадии беременности. Кожа начала отслаиваться и напоминала сморщеный пергамент.

Риццоли заметила, что пальцы жертвы уже в чернилах.

— Отпечатки сняли?

— Буквально перед вашим приходом, — ответила доктор Айлз, не отрывая взгляда от столика с инструментами, который подкатил Йошима. Мертвые интересовали Айлз в гораздо большей степени, нежели живые, и ей, как всегда, не было никакого дела до бушующих вокруг страостей.

— Ну, а что удалось обнаружить на руках, прежде, чем вы испачкали их?

Ответил агент Дин:

— Мы провели внешний осмотр, взяли на анализ кожные покровы и образцы ногтей.

— А когда вы-то здесь появились, агент Дин?

— Еще раньше меня, — вмешался Корсак. — Я так понимаю, кто-то из нас важнее в пищевой цепи.

Если комментарий Корсака имел целью подлить масла в огонь и разозлить ее еще больше, ему это удалось. Под ногтями жертвы могли

остаться частички кожи убийцы. В кулаке могли сохраниться обрывки волос или волокон. Исследование рук жертвы было важнейшим этапом процедуры вскрытия, и она пропустила его.

Зато не пропустил Дин.

— У нас есть положительный ответ по идентификации, — сказала Айлз. — На экране можно посмотреть рентгеновские снимки зубов Гейл Йигер.

Риццоли подошла к экрану и стала рассматривать прикрепленные к нему пленки. На черном фоне зубы светились словно надгробья на кладбище.

— Дантист миссис Йигер ставил ей коронку в прошлом году. Вы можете видеть ее здесь. Золотая коронка на двадцатом зубе. Кроме того, у нее серебряные пломбы в зубах номер три, четырнадцать и двадцать девять.

— Значит, все сходится?

Доктор Айлз кивнула.

— У меня нет сомнений в том, что это останки Гейл Йигер.

Риццоли вернулась к трупу на столе и уставилась на синяки вокруг шеи.

— Вы сделали рентген шеи?

— Да. Присутствует двусторонний перелом щитовидного хряща. Это характерно для мануального удушения. — Айлз повернулась к Йошиме, который настолько бесшумно и проворно работал, что о его присутствии частенько забывали. — Давай готовить ее для вагинального осмотра.

То, что происходило дальше, представлялось Риццоли самым тяжким оскорблением для умершей женщины. Это было страшнее, чем вскрытие полости живота, страшнее, чем резекция сердца и легких. Йошима развел вялые ноги женщины в лягушачью позицию, широко расставив ей бедра.

— Прошу прощения, детектив, — обратился Йошима к Корсаку, который стоял ближе всех к левому бедру Гейл Йигер. — Вы не могли бы подержать эту ногу в таком положении?

Корсак в ужасе уставился на него.

— Я?

— Просто держите колено вот так, чтобы мы могли взять мазок.

Корсак неохотно взялся за бедро трупа и в испуге дернулся, когда отслоившийся кусок кожи остался у него на перчатке.

— Боже! О боже!

— Кожа в любом случае будет отслаиваться, что бы вы ни делали. Вы просто держите ногу в таком положении, хорошо?

Корсак резко выдохнул. Риццоли уловила легкий аромат ментола, исходивший от него. Корсак по крайней мере не стал изображать из себя супермена и запасся ментоловой пластинкой. Скорчив гримасу, он схватил бедро жертвы и отвел его в сторону, выставляя на обозрение гениталии Гейл Йигер.

— Не уверен, что после этого потянет на секс, — пробормотал он.

Доктор Айлз направила луч лампы в промежность. Потом аккуратно развела распухшие половые губы, обнажая отверстие влагалища. Риццоли при всей своей выдержке не смогла вынести такого надругательства и отвернулась.

И тут же встретилась взглядом с Габриэлем Дином.

До сих пор он наблюдал за процедурой молча и беспристрастно. Но сейчас она увидела злость в его глазах. Такую же злость испытывала она сама к человеку, который довел Гейл Йигер до подобного унижения. Объединенные общей яростью, они на какое-то время забыли о недавней вражде.

Доктор Айлз ввела в вагину ватный тампон и взяла мазок на анализ. После этого был взят еще один мазок, уже анальный, который тоже предстояло исследовать на наличие спермы. Когда процедура была окончена и ноги Гейл Йигер вернули в исходное положение, Риццоли еле заметно выдохнула, решив, что самое страшное позади. Даже когда Айлз начала делать диагональный Y-образный разрез от правого плеча до нижней части грудины, Риццоли подумала, что все равно это несравнимо с тем оскорблением, которое только что было нанесено жертве.

Айлз собиралась сделать такой же надрез в левой части, когда Дин поинтересовался:

— А что с вагинальным мазком?

— Анализы пойдут в лабораторию, — сказала доктор Айлз.

— Разве вы не будете делать влажный анализ?

— В лаборатории смогут легко определить сперму и на сухом стекле.

— Но у вас сейчас есть единственный шанс изучить свежий образец.

Доктор Айлз замерла со скальпелем в руках и удивленно посмотрела на Дина. Потом обернулась к Йошиме:

— Помести несколько капель физраствора на предметное стекло и положи под микроскоп. Я сейчас взгляну.

Следующим был разрез брюшной полости, и скальпель доктора Айлз вонзился в набухший живот. Зловоние гниющих органов оказалось совершенно невыносимым, и Риццоли, отпрянув от стола, бросилась к раковине, мысленно ругая себя за глупые попытки доказать собственную

непробиваемость. Ей было интересно, наблюдает ли за ней сейчас агент Дин и ощущает ли свое превосходство. Она не заметила, чтобы у него над верхней губой блестела ментоловая пластинка. Стоя спиной к столу, она уже не наблюдала, а, скорее, слушала процедуру вскрытия. До нее доносились шум вентилятора, журчание воды, звон металлических инструментов.

И вдруг прозвучал изумленный голос Йошимы:

— Доктор Айлз!

— Да?

— Я поместили предметное стекло в микроскоп, и...

— Есть там сперма?

— Вам нужно посмотреть самой.

Тошнота отступила, и Риццоли обернулась как раз в тот момент, когда Айлз, сняв перчатки, села к микроскопу. Йошима нависал над ней, пока она смотрела в окуляр.

— Вы их видите?

— Да, — пробормотала она. И, озадаченная, откинулась на спинку стула. Через какое-то мгновение она повернулась к Риццоли. — Тело было обнаружено около двух пополудни?

— Да, примерно в это время.

— А сейчас девять вечера...

— Ну, так это сперма или нет? — вмешался Корсак.

— Да, это сперма, — сказала Айлз. — И она подвижная.

Корсак нахмурился.

— Что это значит? Она что, двигается?

— Да, двигается.

В комнате воцарилась тишина. Важность сделанного открытия потрясла всех.

— Как долго сперма остается подвижной? — спросила Риццоли.

— Зависит от окружающей среды.

— И все-таки?

— После эякуляции сперматозоиды могут оставаться подвижными в течение одного-двух дней. По крайней мере, половина той спермы, что находится под микроскопом, подвижна. Это свежий эякулят. Ему не больше одного дня.

— А сколько времени мертва жертва? — спросил Дин.

— Судя по состоянию стекловидного тела, которое я извлекла около пяти часов назад, с момента ее смерти прошло не менее шестидесяти часов.

Повисла еще одна долгая пауза. По лицам присутствующих Риццоли

могла определить, что все они думают примерно об одном и том же. Она перевела взгляд на Гейл Йигер, которая теперь лежала со вскрытой грудной клеткой, с обнаженными внутренними органами. Зажав ладонью рот, Риццоли бросилась к раковине. Впервые за все годы службы в полиции Джейн Риццоли стало плохо.

* * *

— Он знал, — сказал Корсак. — Этот сукин сын знал.

Они стояли вдвоем на стоянке возле здания морга, и у Корсака догорала сигарета. После прохлады секционного зала приятно было окунуться в тепло летней ночи, вырваться из-под ослепительных ламп и спрятаться в спасительную темноту. Риццоли стыдилась своей слабости, и тем более унизительно было сознавать, что это произошло в присутствии агента Дина. Впрочем, у него хватило такта не комментировать случившееся, а в его взгляде не было ни сочувствия, ни насмешки, лишь привычное равнодушие.

— Именно Дин попросил провести тот анализ на сперму, — продолжил Корсак. — Как он там его назвал?..

— Влажный.

— Точно. Айлз даже не собиралась смотреть, свежая сперма или нет. Она бы высушила ее. И выходит, что этот федерал учит нашего доктора, что делать. Как будто заранее знает результат. Откуда он мог знать? И что за интерес у ФБР к этому делу, в конце концов?

— Вы копались в прошлом Йигеров. Есть там что-нибудь, что могло бы привлечь внимание ФБР?

— Да ничего.

— Может, они были в чем-то замешаны?

— Вы так говорите, будто Йигеры сами себя подставили.

— Он был врачом. Может, какие-нибудь связи с наркотиками? Или он был федеральным свидетелем?

— Он абсолютно чист. И его жена тоже.

— Этот завершающий смертельный удар... он выглядит как экзекуция. Есть в нем что-то символическое. Перерезанное горло, словно сигнал к молчанию.

— Да бог с вами, Риццоли, — всплеснул руками Корсак. — Вы готовы развернуться на сто восемьдесят градусов. Сначала мы думаем, что это секс-маньяк, который убивает ради собственного возбуждения. Теперь вы

придумываете какие-то заговоры.

— Я просто пытаюсь понять, почему привлекли Дина. ФБР всегда было наплевать, чем мы занимаемся. Они не лезут в наши дела, мы не лезем к ним, и всех такая ситуация устраивает. Мы же не просили у них помочи по делу Хирурга. Сами со всем справились, привлекли к работе собственного психолога. Их психологические службы слишком заняты, они работают на Голливуд, им не до нас. Так что же такого особенного в этом деле? Чем так интересны Йигеры?

— Во всяком случае у нас на них ничего нет, — пожал плечами Корсак. — Никаких долгов, никаких финансовых махинаций. В судебных разбирательствах не участвовали. И никто из опрошенных слова дурного о них не сказал.

— Тогда откуда интерес у ФБР?

Корсак задумался.

— Может, у Йигеров есть друзья наверху. И теперь кто-то из них вопит о справедливости.

— Тогда почему бы Дину прямо не сказать нам об этом?

— Федералы вообще не любят распространяться о своих делах, — ответил Корсак.

Она окинула взглядом здание морга. Было уже около полуночи, а она не видела, чтобы Маура Айлз выходила. Когда Риццоли покидала лабораторию, Айлз диктовала отчет и едва махнула ей рукой на прощание. Королеву мертвых, как всегда, мало интересовали живые.

А разве я другая? Вчера, когда я легла спать, у меня перед глазами тоже проплывали лица убитых женщин.

— Это дело вышло за рамки убийства Йигеров, — сказал Корсак. — У нас ведь имеется уже второй комплект останков.

— Думаю, это может снять подозрения с Джо Валантайна, — заметила Риццоли. — Теперь мы знаем, что наш неизвестный мог подцепить волос с ранее убитой жертвы.

— Нет, я с Джо пока не закончил. Поработаю еще немного.

— У вас что-то есть на него?

— Ищу, ищу.

— Здесь нужно больше, чем старые грешки вроде вуайеризма.

— Но этот Джо все-таки странный. Находить удовольствие в том, чтобы красить губы мертвым старухам...

— Странность — это еще не преступление. — Она вновь подумала о Мауре Айлз. — В какой-то степени все мы со странностями.

— Да, но с нормальными странностями. А про Джо этого не скажешь.

Риццоли рассмеялась. Этот разговор грозил перерасти в бред, и к тому же она слишком устала, чтобы продолжать его.

— Что такого я сказал? — недоуменно произнес Корсак.

Она двинулась к своей машине.

— Я просто устала. Мне нужно поехать домой и немного поспать.

— Вы будете здесь, когда придет доктор по костям?

— Да, буду.

На завтра в лабораторию был вызван судебный антрополог, который вместе с доктором Айлз должен был осмотреть скелет второй женщины. Хотя перспектива повторного визита в этот дом ужасов ее вовсе не радовала, Риццоли не могла пренебрегать своими обязанностями. Подойдя к машине, она открыла дверцу.

— Эй, Риццоли! — крикнул ей вслед Корсак.

— Да?

— Вы ужинали? Может, съедим по гамбургеру?

Это было привычное для копов приглашение. Гамбургер, пиво, несколько часов общения, чтобы снять стресс после тяжелого дня.

В этом не было ничего особенного, но ей вдруг стало неуютно, потому что в его голосе она уловила одиночество, отчаяние. А ей сейчас не хотелось такой унылой компании.

— Может, в другой раз, — сказала она.

— Да? Хорошо, — согласился он. — В другой раз. — И, коротко махнув ей рукой, развернулся и направился к своей машине.

* * *

Дома она обнаружила на автоответчике послание от своего брата Фрэнки. Разбирая почту, она слушала его голос и мысленно представляла себе его расхлябанную фигуру и наглую физиономию.

— Эй, Джени? Ты дома? — Длинная пауза. — О, черт! Послушай, я совсем забыл про мамин день рождения завтра. Может, сделаем общий подарок? Черкни там и от меня пару слов. А я тебе вышлю чек. Просто скажешь мне, сколько с меня, договорились? Пока. Да, совсем забыл: как у тебя дела?

Она отшвырнула почту и пробормотала:

— Да, Фрэнки. Заплатишь, как и в прошлый раз. — Впрочем, в любом случае он опоздал. Подарок уже был доставлен — комплект полотенец персикового цвета с монограммой Анжелы. В этом году Джени опять за все

платит. Фрэнки всегда находил тысячу оправданий собственной бездеятельности в том, что касалось матери. Он служил сержантом в Кемп-Пендлтоне, и Анжела очень беспокоилась за его безопасность, как будто он каждый день ходил в атаку на врага. Она даже высказывала опасения, не голодает ли Фрэнки. Да уж, конечно, мама. Морская пехота США наверняка уморит голодом своего двухсотфунтового сыночка. Вот Джейн действительно не ела ничего с утра. А после того как ее вывернуло наизнанку в морге, в желудке вообще было пусто, так что сейчас она испытывала зверский голод.

Она пошарила в кухонных шкафах и обнаружила поистине королевскую закуску — консервированного тунца, которого и съела прямо из банки, вприкуску с солеными крекерами. Так и не утолив голод, она вернулась за компотом из персиков и тоже умывала его в один присест, не отрывая взгляда от карты Бостона, пришпиленной к стене.

Парк Стоуни-Брук выделялся зеленым пятном в окружении пригородов — Уэст-Роксбери и Кларендон-Хиллз на севере, Дедхем и Рэдвилл на юге. Летом сюда ежедневно стекались толпы отдыхающих — семьи с детьми, любители бега, пикников. Кто заметит одинокого мужчину в машине, следующего по Эннекинг-Парквей? Кто обратит внимание на то, что он оставляет автомобиль на стоянке и устремляется в лес? Городской парк — это отдушина для тех, кто устал от асфальта и бетона, людской толчей и шума транспорта. И среди тех, кто пришел сюда искать тишины и прохлады, был кто-то, кто имел совсем другие планы. Хищник, который искал место, где бы бросить растерзанную добычу. Она попыталась увидеть картину его глазами: плотная стена деревьев, ковер из мертвых листьев. И целый мир насекомых и других лесных обитателей, которые с радостью помогут ему справиться с останками.

С книжной полки она достала пакетик с цветными булавками. Красной булавкой она отметила на карте улицу в Ньютоне, где жила Гейл Йигер, второй красной — то место в Стоуни-Брук, где было обнаружено ее тело, а голубой — расположение останков неизвестной женщины. После этого она села к столу и задумалась о географии передвижений убийцы.

Расследуя дело Хирурга, она научилась изучать карту города, представляя себя хищником, который ищет жертву. В конце концов, она тоже была охотником и, чтобы поймать добычу, должна была понять ее мир, ее вселенную. Она знала, что люди-хищники чаще всего охотятся в местах, хорошо им знакомых. Им тоже хочется комфорта, и они тоже привыкли к определенному распорядку. Так что, глядя на размеченную булавками карту, она видела не только схему мест происшествия и свалки

трупов, но и зону его активности.

Ньютон был городком для избранных, здесь проживали люди, состоявшиеся в профессии. Стоуни-Брук располагался в трех милях к юго-востоку, в пригороде не столь знатном, как Ньютон. Может, неизвестный был жителем одного из окрестных районов и выслеживал добычу по дороге из дома на работу? Тогда он не должен был выделяться среди своих соседей, иначе вызвал бы подозрение как чужак. И, если он жил в Ньютоне, значит, должен был быть «белым воротничком», с такими же безупречными вкусами.

И безупречными жертвами.

Усталые глаза уже слипались, но она не сдавалась и упрямо продолжала смотреть на карту, прокручивая в голове сотни мыслей. О свежей сперме в разложившемся трупе. О безымянном скелете. О темно-синих ковровых волокнах. Об убийце, к одежде которого пристал волос последней жертвы. Об охотничьем ноже и аккуратно сложенной ночной сорочке.

И о Габриэле Дине. Какова была роль ФБР во всем этом?

Она обхватила голову руками, как будто та готова была взорваться от обилия информации. Риццоли хотела руководить расследованием, даже напросилась на это, и вот теперь тяжкий груз ответственности грозил раздавить ее. Она была слишком усталой, чтобы думать, но при этом слишком взволнованной, чтобы уснуть. Наверное, так и происходят нервные срывы, подумала она, но тут же прогнала эту мысль. Джейн Риццоли никогда не позволит себе сдаться. За годы службы в полиции ей приходилось и гоняться за преступником по крышам, и выбивать двери, и даже противостоять собственной смерти в мрачном подземелье.

Она даже убила человека.

Но никогда она не была так близка к отчаянию.

* * *

Медсестра в тюремной больнице не особо церемонится, стягивая мне руку резиновым жгутом. Он дерет мне кожу, волосы, но ей, похоже, все равно; я для нее всего лишь очередной симулянт, прервавший ее спокойный сон во время ночной смены. Она средних лет — во всяком случае так выглядит, глаза у нее припухшие, а дыхание пахнет сном и сигаретами. Но она женщина, и, когда она склоняется надо мной, чтобы вонзить мне в вену иголку, я упираюсь взглядом в ее шею, дряблую и морщинистую. Я

думаю о том, что скрывается под этой белой кожей. Сонная артерия, пульсирующая яркой кровью, а рядом с ней яремная вена, распухшая от тяжелой и темной венозной крови. Я слишком хорошо знаю анатомию женской шеи, и поэтому изучаю этот экземпляр, пусть даже столь непривлекательный.

Моя вена набухает, и медсестра удовлетворенно хмыкает. Потом открывает пузырек со спиртом и протирает мне кожу. Жестом небрежным, не свойственным профессионалам.

— Сейчас будет укол, — объявляет она.

Я даже не морщусь. Она аккуратно вводит иглу, и вот уже кровавый поток устремляется в пробирку. Мне доводилось много работать с чужой кровью, но никогда — со своей, поэтому сейчас я смотрю на нее с интересом, отмечая, что она густая и темная, цвета черной вишни.

Пробирка почти полна. Она подставляет следующую. Когда и та наполняется, она вытаскивает иглу из вены, развязывает жгут и прикладывает ватный тампон к месту укола.

— Держите, — командует она.

Я беспомощно шевелю наручником на левом запястье, которым пристегнут к раме больничной койки.

— Не могу, — жалобно говорю я.

— О Господи, — вздыхает она.

В ее голосе нет сочувствия, лишь раздражение. Есть люди, которые презирают слабых, и она одна из них. Наделенная абсолютной властью над беззащитными, она легко может превратиться в подобие монстров, которые мучили евреев в концлагерях. Под маской белого халата с именной биркой Р.Н. скрывается жестокость.

Медсестра бросает взгляд на охранника.

— Держите вы, — командует она.

Охранник колеблется, потом все-таки прижимает ватный тампон к моей коже. Его нежелание касаться меня вызвано не боязнью нападения с моей стороны, нет, у меня репутация спокойного и дисциплинированного узника, я прямо-таки идеал, и никто из охраны меня не боится. Нет, его нервирует вид моей крови. Прикасаясь к пропитанному кровью тампону, он мысленно представляет себе всякие микробиологические ужасы. Он испытывает явное облегчение, когда медсестра достает бинт и перевязывает мне руку, закрепляя на месте ватный тампон. Он сразу же бросается к умывальнику и моет руки с мылом. Мне так и хочется рассмеяться ему в лицо. Но вместо этого я неподвижно лежу на койке, подтянув колени, с закрытыми глазами, изображая крайнюю степень

слабости.

Медсестра выходит из палаты с пробирками, наполненными моей кровью, а охранник, тщательно вымыvший руки, садится на стул.

Ждать.

Мне кажется, будто проходят часы в этой холодной и стерильной палате. Но медсестры и след простыл; она как будто забыла про нас. Надзиратель ерзает на стуле, нервничает, почему ее так долго нет.

Но я уже знаю, почему.

Машина ужсе закончила анализ моей крови, и медсестра держит в руках результат. Цифры пугают ее. Все подозрения насчет симуляции улетучились; у нее в руках доказательства того, что в моем организме бушует опасная инфекция и что мои жалобы на боль в животе не притворство. Хотя до этого она и ощупывала мой живот, чувствовала, как напряжены мои мышцы, слышала мои стоны, у нее все равно оставались сомнения. Она слишком давно работает в тюремной больнице, и опыт научил ее не доверять жалобам заключенных. В ее глазах все мы злостные обманщики, которые только и ждут, когда им вколют наркотики.

Но лабораторный анализ — это уже объективно. Кровь загоняют в аппарат, который и выдает цифры. Она не может оставить без внимания пугающие высокий уровень лейкоцитов в моей крови. И сейчас она наверняка на телефоне, консультируется с офицером медслужбы: «У меня здесь заключенный с жалобами на сильные боли в животе. Правда, живот мягкий в правом нижнем квадрате. Что меня беспокоит, так это его лейкоциты...»

Открывается дверь, и я слышу скрип ее тапочек по линолеуму. Когда она обращается ко мне, в ее голосе уже нет прежней издевки. Сейчас она говорит со мной уважительно. Видимо, понимает, что имеет дело с серьезно больным человеком и, если со мной что-то случится, она будет виновата. Я вдруг превращаюсь в бомбу, которая угрожает взорвать ее карьеру.

— Мы перевезем вас в госпиталь, — говорит она и переводит взгляд на охранника. — Его нужно отправить немедленно.

— В Шаттак? — спрашивает он, имея в виду бостонский тюремный госпиталь Лемюэля Шаттака.

— Нет, это слишком далеко. Он не выдержит. Я договорилась о перевозке в госпиталь Фитчбург. — В ее голосе звучит тревога, и теперь стражник смотрит на меня с сочувствием.

— Что с ним? — спрашивает он.

— Возможен перфоративный аппендицит. Все документы я подготовила и уже вызвала «скорую» из госпиталя.

— О черт! Тогда мне придется ехать с ним. Надолго это?

— Наверное, его сразу отправят на операцию.

Охранник смотрит на часы. Он думает, что скоро конец смены, и волнуется, сменят ли его вовремя в госпитале. Обо мне он не думает, его волнуют только обстоятельства собственной жизни. А я для него лишь помеха.

Медсестра складывает бумаги в конверт и вручает его охраннику.

— Это для приемного отделения госпиталя. Обязательно передайте врачу.

— Так перевозить его будем на «скорой»?

— Да.

— Небезопасно.

Она смотрит на меня. Я прикован наручником к койке. Лежу смирно, подогнув колени, — классическая поза больного с приступом перитонита.

— Я бы не стала волноваться за безопасность. В таком состоянии он безобиден.

— Некрофилия, или любовь к мертвым, — вещал доктор Лоуренс Цукер, — всегда была самым мрачным секретом человечества. Слово пришло из греческого, но доказательства существования этого явления были еще во времена фараонов. Красивую или знатную женщину начинали бальзамировать лишь на трети сутки после смерти. Таким образом исключалась возможность ее сексуального осквернения мужчинами, ответственными за этот обряд. А факты надругательства над мертвыми во множестве зафиксированы в летописях. Даже царь Ирод занимался сексом со своей женой в течение семи лет после ее смерти.

Риццоли оглядела комнату для совещаний и испытала ощущение дежавю: усталые детективы, разбросанные по столу фотографии жертв, снимки с мест происшествия. Тихий голос психолога Лоуренса Цукера, посвящающий их в кошмарные тайны личности маньяка. И тот же холод, пробирающий до костей, и так же немеют пальцы. Среди присутствовавших было много знакомых лиц: детективы Джерри Слипер и Даррен Кроу, ее партнер Барри Фрост. Та же команда, что работала вместе с ней по делу Хирурга год назад.

Еще одно лето, еще один монстр.

Но на этот раз команда была неполной. Не хватало детектива Томаса Мура, и она очень переживала его отсутствие, скучала по его спокойной уверенности, решительности. Хотя между ними и произошла серьезная стычка в период работы по делу Хирурга, им все-таки удалось восстановить прежнюю дружбу, и теперь их команде его очень не хватало.

Вместо Мура, причем буквально на том же стуле, сидел человек, который не вызывал в ней доверия, — Габриэль Дин. Все присутствовавшие на совещании сразу заметили, что Дин не вписывается в их проверенную полицейскую команду. Он выделялся и хорошо сшитым костюмом, и военной выпрявкой. Никто с ним не разговаривал, он был молчаливым наблюдателем, человеком из Бюро, роль которого в расследовании оставалась для всех загадкой.

Между тем доктор Цукер продолжал:

— Секс с трупом — это феномен, о котором мало кто из нас задумывается. Но в литературе, истории и даже криминалистике он описывается довольно часто. Девять процентов жертв серийных убийц подвергаются посмертному сексуальному насилию. Джейфри Дамер, Генри

Ли Лукас, Тед Банди — все они признали это. — Его взгляд упал на снимки, сделанные во время вскрытия трупа Гейл Йигер. — Так что наличие свежего эякулята в этом трупе неудивительно.

Его рассуждения прервал Даррен Кроу:

— Но всегда считалось, что этим занимаются исключительно психи. Во всяком случае мне говорил об этом психолог из ФБР.

— Да, раньше это считалось прерогативой убийц с серьезными психическими расстройствами, — согласился Цукер. — Действительно, многие некрофилы относятся к категории психопатов с ярко выраженным слабоумием. Они совершенно не в состоянии контролировать свои поступки, а потому оставляют после себя множество улик: волосы, сперму, отпечатки пальцев. Их легко поймать, поскольку они понятия не имеют о том, что такое криминалистика, да это их и не волнует.

— Ну, а что с этим парнем?

— Этот убийца не психопат. Это существо совсем иного рода. — Цукер открыл папку с фотографиями из дома Йигеров и разложил их на столе. Потом поднял взгляд на Риццоли. — Детектив, вы ведь были на месте происшествия?

Она кивнула головой:

— Убийца кажется человеком методичным. Он был полностью экипирован. Действовал аккуратно и эффективно. И практически не оставил следов.

— Но ведь там была сперма, — вмешался Кроу.

— Да, но не в том месте, где мы рассчитывали ее найти. Так что ее легко было не заметить. Так и вышло. Мы обнаружили ее по чистой случайности.

— А каково было ваше общее впечатление? — спросил Цукер.

— Он организован, умен. — Она сделала паузу и потом добавила: — В точности такой, как Хирург.

Цукер впился в нее взглядом. Он всегда вызывал в ней ощущение дискомфорта, а от его взглядов вообще бросало в дрожь. Но сейчас Риццоли знала, что Уоррен Хойт был у всех на уме. И не она одна испытывала ощущение, будто кошмар возвращается.

— Я с вами согласен, — сказал Цукер. — Это организованный убийца. Его цель не в том, чтобы достичь немедленного результата. Ему важно получить полный контроль над телом женщины — в нашем случае речь идет о жертве, Гейл Йигер. Убийца хочет обладать ею, пользоваться даже после смерти. Насилуя ее на глазах у мужа, он устанавливает свое право собственности. Он становится властителем, причем над ними обоими. —

Он взял в руки снимок, сделанный во время вскрытия. — Мне представляется интересным тот факт, что ее труп не был обезображен или расчленен. Если не считать следов естественного разложения, можно сказать, что тело находится в довольно приличном состоянии. — Он опять перевел взгляд на Риццоли, словно добиваясь от нее подтверждения.

— Открытых ран на теле не было, — сказала она. — Причиной смерти признано удушение.

— Что является самым интимным способом убийства.

— Интимным?

— Вы только вдумайтесь, что значит задушить кого-то собственными руками, насколько близкий это контакт. Кожа соприкасается с кожей — ваши руки и ее тело. Руки сжимают горло, и вы чувствуете, как жизнь постепенно угасает.

Риццоли с отвращением уставилась на него.

— Господи...

— Так думает он. Так он чувствует. Это его вселенная, и мы должны проникнуть в нее, изучить. — Цукер ткнул пальцем в фото Гейл Йигер. — Он одержим идеей обладать ее телом, живым или мертвым. Это человек, в котором развивается личная привязанность к трупу, и он продолжает отношения с ним. В том числе и сексуальное насилие.

— Тогда зачем ему избавляться от трупа? — спросил Слипер. — Почему бы не держать у себя лет семь? Как царь Ирод.

— Может быть, на то есть практические причины? — предположил Цукер. — Что если он живет в многоквартирном доме, где трупный запах привлечет внимание? Больше трех дней держать у себя труп вряд ли кто отважится.

— Я бы и трех секунд не выдержал, — усмехнулся Кроу.

— Так вы говорите, что у него почти любовная привязанность к трупу? — спросила Риццоли.

Цукер кивнул.

— Должно быть, ему было нелегко бросить ее там, в Стоуни-Брук.

— Да, для него это было испытанием. Он как будто прощался с любимой.

Она представила себе то место в лесу, где обнаружили тело. Деревья, отбрасывающие пятнистые тени. Вдали от жары, городского шума.

— Это не свалка, — сказала она. — Возможно, у него там священная могила.

Все посмотрели на нее.

— Я что-то не понял, — произнес Кроу.

— Детектив Риццоли в точности угадала мою мысль, — сказал Цукер. — Этот укромный уголок в лесу использовался не как свалка для трупов. Задайтесь вопросом: а почему он не хоронит тела, почему оставляет их открытыми, не боясь, что их обнаружат?

— Потому что навещает их, — тихо произнесла Риццоли.

Цукер кивнул.

— Это его любовницы. Его гарем. Он возвращается вновь и вновь, смотрит на них, трогает. Может, даже обнимает. Вот почему на нем остаются волосы с трупов. — Цукер перевел взгляд на Риццоли. — Тот посмертный волос соответствует останкам второй женщины?

Она кивнула.

— Сначала мы с детективом Корсаком предполагали, что убийца подцепил этот волос со своего рабочего места. Теперь, когда известен источник происхождения волоса, может быть, нет смысла дальше прорабатывать версию похоронных бюро?

— Смысл есть, — сказал Цукер. — И объясню, почему. Некрофилы привязаны к трупам. Они получают заряд сексуальной энергии от контакта с мертвцами. Им нравится бальзамировать их, одевать, наносить макияж. И, чтобы получить доступ к этому, они вполне могут устроиться на работу в похоронную компанию. Скажем, ассистентом по бальзамированию трупов или гримером в морге. Кстати, помните, тот неопознанный труп может и не быть жертвой убийства. Одним из самых известных некрофилов был психопат по имени Эд Гейн, который начинал с того, что выкапывал из могил женские тела и приносил их домой. Это уже потом он обратился к убийству как к способу добычи трупов.

— О боже, — пробормотал Фрост. — Час от часу не легче.

— Это всего лишь один аспект из широкого спектра человеческого поведения. Некрофилы кажутся нам извращенцами. Но они всегда были среди нас — люди, одержимые странными привязанностями. Да, некоторые из них психопаты. Но есть и те, которые ведут себя совершенно адекватно и производят впечатление вполне нормальных людей.

Уоррен Хойт тоже казался совершенно нормальным.

Следующим заговорил Габриэль Дин. За все время совещания он не проронил ни слова, и теперь Риццоли с удивлением вслушивалась в его глубокий баритон.

— Вы сказали, что преступник может вернуться в лес навестить свой гарем.

— Да, — подтвердил Цукер. — Вот почему следует продолжать скрытое наблюдение за территорией Стоуни-Брук.

— И что будет, когда он обнаружит, что его гарем исчез?

Цукер сделал паузу.

— Он может рассердиться.

От этих слов у Риццоли мурашки побежали по коже. Это его любовницы. А как поведет себя мужчина, если у него украсть любимую женщину?

— Конечно, он придет в бешенство, — продолжал Цукер. — Представляете, кто-то завладел его собственностью! Ему непременно захочется возместить пропажу. И это заставит его вновь выйти на охоту. — Цукер опять взглянул на Риццоли. — Вы должны обеспечить, чтобы как можно дольше не было утечки информации в прессу. Скрытое наблюдение за парком даст вам хороший шанс поймать его. Потому что он вернется, но только если будет уверен в собственной безопасности. И в том, что его гарем на месте и по-прежнему ждет его.

Открылась дверь, и в комнату заглянул лейтенант Маркетт. Все, как по команде, обернулись.

— Детектив Риццоли! — произнес он. — Мне необходимо поговорить с вами.

— Прямо сейчас?

— Если вы не возражаете. Пойдемте ко мне в кабинет.

Судя по выражению лиц присутствовавших, всех посетила одна и та же мысль: у Риццоли будут неприятности. Она понятия не имела, в чем дело. Вспыхнув, детектив встала из-за стола и вышла из комнаты.

Пока они шли по коридору, Маркетт не проронил ни слова. Вскоре они зашли к нему в кабинет, и он закрыл дверь. Сквозь стеклянную перегородку она видела, как на нее со своих рабочих мест таращаются детективы. Маркетт подошел к окну и резко задернул жалюзи.

— Присаживайтесь, Риццоли.

— Спасибо, я только хотела узнать, в чем дело.

— Пожалуйста. — Его голос заметно смягчился. — Садитесь.

Его внезапная учтивость напрягла ее еще больше. Их отношения с Маркеттом никогда не отличались особой теплотой. Убойный отдел все-таки оставался мужским клубом, и она знала, что любая женщина всегда будет в нем чужой. Провалившись в кресло, она почувствовала бешеное биение собственного пульса.

Какое-то время Маркетт молчал, будто собираясь с мыслями.

— Я хотел, чтобы вы узнали об этом первой. Потому что вам будет особенно тяжело. Впрочем, я уверен, что ситуация разрешится очень быстро, это вопрос нескольких дней, если не часов.

— Какая еще ситуация?

— Сегодня утром, примерно в пять, Уоррен Хойт сбежал из-под стражи.

Теперь она поняла, почему он так настойчиво предлагал ей сесть: видимо, предполагал, что ей станет дурно.

Но этого не случилось. Она сидела, не шелохнувшись, немая и бесчувственная к происходящему. Когда Риццоли наконец заговорила, голос ее зазвучал на редкость спокойно, она сама едва узнавала его.

— Как это случилось? — спросила она.

— При переводе в больницу. Ночью его госпитализировали в Фитчбург с острым приступом аппендицита. У нас нет полной информации о том, что там все-таки произошло. Но в операционной... — Маркетт запнулся. — Короче, живых свидетелей не осталось.

— Сколько трупов? — спросила она. Ее голос был по-прежнему ровным и бесстрастным. Все таким же чужим.

— Три. Медсестра и женщина-анестезиолог, готовившие его к операции. Плюс охранник, который сопровождал его при перевозке.

— «Соуза-Барановски» — объект высшей категории.

— Да.

— И они допустили его перевод в гражданский госпиталь?

— В обычной ситуации его бы перевезли в тюремный госпиталь Шаттак. Но речь шла об экстренной госпитализации, а в подобных случаях разрешается перевозка больных в ближайшее лечебное заведение. Таковым оказался Фитчбург.

— Кто принял решение об экстренной госпитализации?

— Тюремная медсестра. Она осмотрела Хойта, проконсультировалась с врачом из больницы. Оба пришли к выводу, что ему нужна срочная медицинская помощь.

— На чем они основывались? — Ее голос становился все резче, и в нем все отчетливее проступали эмоциональные нотки.

— Были симптомы. Боль в животе...

— У него есть медицинская подготовка. Он прекрасно знает, как можно симулировать боль.

— Но и анализы показали аномалию.

— Какие анализы?

— Ну, что-то там с лейкоцитами.

— Они хотя бы понимали, с кем имеют дело? Что, вообще не соображали?

— Но лабораторный анализ не подменишь.

— Он может. Он же работал в больнице. Он знает, как сделать липовый анализ.

— Детектив...

— Да Господи, он же работал с кровью! — Собственный голос, теперь уже более походивший на крик, поразил ее. Шокированная этим резким выпадом, она уставилась на лейтенанта. Ее наконец захлестнули эмоции, в которых смешались ярость, гнев, ощущение полной беспомощности.

И страх. Все эти месяцы она подавляла его, потому что знала, что глупо бояться Уоррена Хойта. Он был надежно заперт там, откуда не мог достать ее, причинить ей боль. Ночные кошмары были всего лишь послесловием, отголосками пережитого; она надеялась, что вскоре и они уйдут в прошлое. Но вот страх вернулся, он стал реальностью и крепко держал ее в тисках.

Она резко вскочила со стула и направилась к выходу.

— Детектив Риццоли!

Она остановилась у двери.

— Куда вы?

— Думаю, вы сами знаете.

— Полицейское управление Фитчбурга и полиция штата держат ситуацию под контролем.

— Неужели? Кто он для них? Очередной беглый зэк. Они рассчитывают, что он будет совершать те же ошибки, что и другие. Но он не такой. Он ловко проскочит через расставленные сети.

— Вы недооцениваете их.

— Это они недооценивают Хойта. Они не понимают, с кем имеют дело, — сказала она.

Зато я понимаю. Как никто другой.

Автостоянка, казалось, была раскалена от солнца, а ветер нес с улицы тяжелый запах пыли. К тому времени, как она оказалась в салоне своего автомобиля, ее рубашка совсем промокла. Хойту такая жара пришлась бы по душе, мелькнуло в голове. Он мчал от жары, как ящерицы в пустыне, выползающие на раскаленный песок. И, как любая рептилия, умел мгновенно исчезать при малейшей опасности.

Они не найдут его.

По дороге в Фитчбург она думала о Хирурге, который вновь оказался на свободе. Представляла, как он бродит по улицам города — хищник, высматривающий жертву. Она задавалась вопросом, хватит ли у нее на этот раз сил противостоять ему. Как будто в последней схватке с ним она

исчерпала свой жизненный запас храбрости. Она не считала себя трусихой, никогда не бежала от опасности и смело бросала вызов противнику. Но мысль о том, что придется вновь столкнуться с Уорреном Хойтом, повергала ее в дрожь.

Однажды я одолела его, и это едва не стоило мне жизни. Не знаю, смогу ли я это повторить — загнать зверя обратно в клетку.

* * *

По периметру здания госпиталя патруля не было. Риццоли остановилась в коридоре и огляделась в поисках хотя бы одного полицейского, но увидела лишь стайку медсестер, которые утешали друг друга, о чем-то шептались и выглядели совершенно растерянными от шока.

Она нырнула под желтую ленту и, никем не остановленная, спокойно прошла через двустворчатые двери, которые автоматически распахнулись, пропуская ее в операционное отделение. На полу она увидела кровавые потеки и отпечатки подошв. Криминалист уже упаковывал свои инструменты. Все было привычно и буднично, как на рядовом убийстве.

Но она хорошо понимала, что здесь произошло. Сценарий был написан кровью на стенах. Кровью, которая фонтаном хлестала из артерии жертвы и на кафель, и на рабочий стол медсестры с разложенными на нем журналами, историями болезней, расписанием операций. Весь день был расписан. Риццоли почему-то подумала о том, что стало с пациентами, чьи операции внезапно отменили, поскольку операционная превратилась в место происшествия. Интересно, каковы могли быть последствия отложенной холецистостомии или другой срочной операции. Напряженный график работы больницы объяснял, почему место преступления обработали так быстро: надо было думать о живых. Нельзя было допустить, чтобы по вине одного злодея вымерло полгорода.

Кровавые следы тянулись дальше и заканчивались засохшей лужицей возле стойки приемной.

Телефон. Кто-то пытался добраться до телефона.

Из приемной открывался широкий коридор с рядами умывальников по стенам, и в него выходили двери операционных. Мужские голоса, треск полицейской радиции словно маяки манили ее вперед, к одной из дверей. Никто не остановил ее, даже когда она зашла в операционную номер четыре, где замерла на пороге в ужасе от следов кровавой бойни. Хотя жертвы уже были вывезены, кровью было залито все вокруг — стены,

шкафы, столы, а на полу во множестве отпечаталась подошвы тех, кто прибежал сюда уже потом.

— Мэм! Мэм!

Двое мужчин в штатском, стоявших возле шкафа с инструментами, хмуро смотрели на нее. Тот, что повыше, направился к ней, шурша бахилами. Ему было лет под сорок, и он нес себя с сознанием полного превосходства, которое ему давали накачанные мышцы. Мужская компенсация за стремительно редеющую шевелюру.

Предупреждая его дежурный вопрос, она достала свое удостоверение.

— Джейн Риццоли, отдел по расследованию убийств. Бостонское управление.

— А что здесь делает Бостон?

— Простите, я не знаю вашего имени, — вместо ответа произнесла она.

— Сержант Канади. Подразделение по розыску беглецов.

Офицер полиции штата Массачусетс. Она собралась было протянуть ей руку для пожатия, но вовремя заметила, что на нем латексные перчатки. Как бы то ни было, он, похоже, не собирался отвечать ей любезностью.

— Чем можем помочь? — спросил Канади.

— Пожалуй, это я могу помочь вам.

Судя по всему, Канади не слишком обрадовался ее предложению.

— Интересно, как?

Она посмотрела на кровавые потеки на стенах.

— Человек, который сделал это... Уоррен Хойт...

— Ну и что с ним?

— Я очень хорошо знаю его.

Теперь к ним присоединился и коротышка. У него было очень бледное лицо и оттопыренные уши, и, хотя он тоже был полицейским, его, в отличие от напарника, не распирало от патриотизма.

— Эй, а я вас знаю, Риццоли. Это ведь вы его сюда упрятали.

— Я работала в команде.

— Да ладно, а то я не знаю, как вы загнали его в угол. — На коротышке перчаток не было, и он с удовольствием пожал ей руку. — Детектив Арлен. Полицейское управление Фитчбурга. Вы сюда примчались специально из-за этого?

— Как только узнала, сразу выехала. — Ее взгляд опять переместился на стены. — Вы ведь понимаете, с кем имеете дело?

— У нас все под контролем, — вмешался Канади.

— Вам известна его история?

— Мы знаем, что он здесь натворил.

— Но вы знаете его?

— У нас есть досье, присланное из тюрьмы.

— А тамошние охранники, похоже, не знали, с кем имеют дело. Иначе подобного не случилось бы.

— У меня еще не было осечек в поимке беглецов, — заявил Канади. — Все они совершают одни и те же ошибки.

— Но только не он!

— Да он всего шесть часов на свободе.

— Шесть часов? — Она покачала головой. — Вы его потеряли.

Канади ощетинился.

— Мы прочесываем окрестности. Блокировали все автодороги, посты. Дали сообщение в прессу, его фото уже транслируют по всем местным телеканалам. Я же сказал, у нас все под контролем.

Риццоли не ответила, но принялась вновь разглядывать кровавые потеки.

— Кто здесь умер? — тихо спросила она.

— Анестезиолог и операционная медсестра, — ответил Арлен. — Анестезиолог лежала там, у края стола. Медсестру нашли здесь, возле двери.

— Они не кричали? Не звали охрану?

— Вряд ли им удалось хотя бы пикнуть. У обеих перерезаны гортани.

Она подошла к изголовью операционного стола и посмотрела на кронштейн капельницы с приготовленным раствором для внутривенной инъекции. Под столом валялся разбитый стеклянный шприц.

— Они ставили ему капельницу, — констатировала она.

— Все началось в приемной, — сказал Арлен. — Его привезли прямо сюда, после того как внизу его осмотрел хирург. Он диагностировал перфоративный аппендицит.

— Почему хирург не поднялся вместе с ним? Где он был?

— Он осматривал другого пациента в приемном отделении. Пришел сюда минут через десять-пятнадцать после того, как все уже было кончено. Он зашел в приемную, увидел мертвого охранника и сразу бросился к телефону. Сюда сбежался почти весь медицинский персонал, но никого из жертв спасти не удалось.

Риццоли перевела взгляд на пол, усеянный отпечатками множества подошв. Работать с ними было бесполезно.

— Почему охранник не находился здесь, в операционной, возле

заключенного? — спросила она.

— Операционная — это стерильная зона. Никакой уличной одежды не допускается. Вероятно, его попросили подождать за дверью.

— Но разве правила содержания заключенных не предполагают, что узник должен быть постоянно пристегнут наручниками в случае его нахождения вне стен тюрьмы?

— Да, вы правы.

— Даже в операционной, даже под анестезией Хойт должен был быть прикован к столу либо за руку, либо за ногу.

— Должен был.

— Вы нашли наручники?

Аrlen и Канади переглянулись. Канади ответил первым:

— Наручники лежали на полу, под столом.

— Выходит, он был прикован.

— В какой-то момент, да...

— Почему они сняли наручники?

— Может, по каким-то медицинским соображениям? — предположил Arlen. — Чтобы поставить новую капельницу или передвинуть его?

Она покачала головой.

— Им понадобился бы охранник, чтобы отомкнуть наручники. А охранник не вышел бы, оставив заключенного непристегнутым.

— Тогда, должно быть, он проявил халатность, — сказал Канади. — У всех, кто видел в тот день Хойта, создалось впечатление, что он очень тяжело болен и не может двигаться. Очевидно, никто не ожидал...

— Господи, — пробормотала Риццоли. — Он не утратил хватки.

Она посмотрела на тележку анестезиолога и заметила, что один из ящиков открыт. Внутри поблескивали ампулы с анестетиком. Они рассчитывали, что пациент уснет, подумала она. Вот он лежит на операционном столе, под капельницей. Стонет, лицо искалено от боли. Им невдомек, что может произойти, они заняты своей работой. Медсестра выкладывает инструменты, которые могут понадобиться врачу. Анестезиолог рассчитывает дозу анестетика, не отрывая глаз от монитора, который показывает ритм биения сердца пациента. Возможно, она видит учащение пульса и предполагает, что это вызвано усилением боли. Она не догадывается, что он напрягается для решающего броска. Для убийства.

И потом... что же произошло потом?

Риццоли посмотрела на лоток для инструментов. Он был пуст.

— Он использовал скальпель? — уточнила детектив.

— Мы не нашли орудия убийства.

— Это его любимый инструмент. Он всегда пользовался скальпелем... — От этой мысли у нее волосы зашевелились на затылке. Она взглянула на Арлена. — А он не может до сих пор находиться в этом здании?

— Его здесь нет, — отрезал Канади.

— Ему уже удавалось изображать врачей. Он знает, как легко смешаться с медперсоналом. Вы обыскивали больницу?

— Нет такой необходимости.

— Но почему вы так уверены, что его здесь нет?

— Потому что у нас есть доказательства того, что он покинул здание.

Видеокамера.

У нее учащенно забилось сердце.

— Вы видели его на пленке?

Канади кивнул головой.

— Думаю, вам тоже будет интересно взглянуть.

8

— Странно он все-таки ведет себя, — сказал Арлен. — Мы несколько раз просматривали пленку и никак не можем понять логику его поведения.

Они спустились вниз, в конференц-зал больницы. Здесь в углу стоял телевизор с видеомагнитофоном. Арлен уступил Канади право прокручивать пленку, поскольку роль эта была ответственной и ее надлежало играть настоящему мужчине, коим, несомненно, мнил себя Канади. Арлен не был тщеславным.

Канади вставил кассету в магнитофон и сказал:

— Хорошо. Посмотрим, удастся ли бостонской полиции разгадать его поведение. — Бросив таким образом вызов Риццоли, он нажал кнопку воспроизведения записи.

На экране появилась закрытая дверь в конце коридора.

— Это вмонтированная в потолок камера наблюдения в холле первого этажа, — пояснил Арлен. — Дверь, которую вы видите, ведет прямо на улицу, к служебной автостоянке. Это один из четырех выходов. Время записи высвечивается внизу.

— Пять часов десять минут, — прочитала она.

— Согласно записи в регистрационном журнале приемного отделения, заключенного подняли наверх, в операционную, примерно в четыре сорок пять, так что этот кадр сделан спустя двадцать пять минут. А теперь следите. Все произойдет в пять одиннадцать.

На экране шел отсчет секунд. И вот, когда зажглись цифры 5:11:13, в кадре возникла фигура, которая неспешным шагом прошла к выходу. Камера снимала человека со спины, и они смогли увидеть кромку темных волос на белом воротнике халата лаборанта. На мужчине были брюки хирурга и бумажные бахилы. Он уже подошел к самой двери и нажал на ручку, когда вдруг замер.

— Смотрите, — сказал Арлен.

Человек медленно обернулся. Его взгляд устремился прямо в объектив камеры.

Риццоли подалась вперед, чувствуя, как пересохло в горле, и взгляд ее впился в лицо Уоррена Хойта. Казалось, не она смотрит на Хирурга, а он на нее. Он направился к камере, и Джейн увидела, что у него под левой рукой зажат какой-то сверток. Вот он подошел совсем близко и встал под самый объектив.

— А сейчас самое странное, — произнес Арлен.

По-прежнему глядя прямо в объектив, Хойт поднял правую руку, ладонью вперед, как будто присягал в суде. Левой рукой он ткнул в открытую ладонь. И улыбнулся.

— Что все это значит, черт возьми? — воскликнул Канади.

Риццоли не ответила. Она молча смотрела на Хойта, который развернулся, прошел к выходу и исчез за дверью.

— Прокрутите еще раз, — тихо попросила она.

— У вас какие-то идеи насчет того, что означает этот жест?

— Прокрутите еще раз.

Канади нахмурился, но все-таки перемотал пленку и потом нажал кнопку воспроизведения записи.

С замиранием сердца она ждала повторения характерного жеста, значение которого ей уже было понятно.

Он поднял ладонь.

— Паузу, — попросила она. — Прямо здесь!

Канади нажал кнопку ПАУЗА.

На экране Хойт замер с улыбкой на лице, указательным пальцем левой руки тыча в открытую ладонь правой. От вида этой картинки ей стало не по себе.

Первым молчание нарушил Арлен.

— Что это? Вы знаете?

Она с трудом сглотнула.

— Да.

— Ну и что это? — рявкнул Канади.

Она разжала кулаки и продемонстрировала свои ладони, обезображеные шрамами, которые оставил на них скальпель Хойта.

Арлен и Канади уставились на ее ладони.

— Это Хойт? — спросил Арлен.

Риццоли кивнула.

— Вот что означает его жест, его поднятая рука. — Она посмотрела на экран, где все еще улыбался Хойт, подставляя объективу камеры свою ладонь. — Это что-то вроде шутки между нами. Его приветствие. Так Хирург разговаривает со мной.

— Вы, должно быть, здорово прижали ему хвост, — сказал Канади и перемотал пленку. — Посмотрите, он как будто говорит: «Подними свою ладошку».

— Или «до скорой встречи», — тихо произнес Арлен.

От его слов мурашки побежали у нее по коже.

Да, я знаю, что мы увидимся. Только не знаю, когда и где.

Канади нажал на кнопку воспроизведения записи, и они вновь увидели, как Хойт опустил руку, повернулся и направился к выходу. Глядя ему вслед, Риццоли обратила внимание на сверток, который он нес подмышкой.

— Остановите пленку, — попросила она.

Канади нажал ПАУЗУ.

Она придвинулась ближе и коснулась экрана.

— Что это он тащит? Похоже на свернутое в рулон полотенце.

— Оно и есть, — подтвердил Канади.

— Зачем он взял его с собой?

— Дело не в полотенце. А в том, что внутри.

Риццоли нахмурилась, вспоминая недавно увиденное в операционной.

Перед глазами возник пустой лоток возле стола. Она взглянула на Арлена.

— Инструменты. Он взял с собой хирургические инструменты.

Арлен кивнул.

— Да, из операционной пропал набор инструментов для лапаротомии.

— Лапаротомии? Что это?

— Медицинский термин, означающий вскрытие брюшной полости, — пояснил Канади.

Между тем на экране просматривались лишь пустой коридор и закрытая дверь. Канади выключил телевизор.

— Похоже, вашему мальчику не терпится вернуться к работе.

Завибрировавший на поясе сотовый телефон заставил ее вздрогнуть. Она медленно потянулась к трубке. Мужчины все время наблюдали за ней, поэтому она встала и отошла к окну, прежде чем ответить на звонок.

Это был Габриэль Дин.

— Вы не забыли, что в три часа нас ждет антрополог? — спросил он.

Риццоли посмотрела на часы.

— Я буду вовремя. — И подумала: «Вряд ли».

— Где вы?

— Послушайте, я буду вовремя, понятно? — И она повесила трубку.

Глубоко вздохнув, Джейн уставилась в окно. «Я разучилась держать удар, — подумала она. — Эти монстры доконали меня...»

— Детектив Риццоли, — раздался голос Канади.

Она обернулась.

— Извините. Я должна вернуться в город. Вы позвоните мне, когда станет что-то известно о Хойте?

Он кивнул и улыбнулся.

— Думаю, это произойдет очень скоро.

* * *

Меньше всего ей сейчас хотелось беседовать с Дином, но, подъехав к моргу, первым она увидела именно его, выходившего из машины. Джейн быстро припарковалась и заглушила двигатель, решив выждать, пока он зайдет в здание, и тем самым избежать разговора. К сожалению, он все-таки заметил ее и остановился, дожидаясь, пока она выйдет. У нее не оставалось выбора.

Она выбралась из прохладного салона автомобиля и устремилась к входу.

— Вы так и не вернулись на совещание, — сказал Дин.

— Меня вызвал Маркетт.

— Он мне рассказал.

Она остановилась и взглянула на него.

— Что рассказал?

— Что один из ваших старых знакомых оказался на свободе.

— Да, это так.

— И вас это потрясло.

— Маркетт и это вам рассказал?

— Нет. Но, поскольку вы не вернулись на совещание, я предположил, что вы очень расстроились.

— Нет, просто у меня были другие дела. — Она прошла вперед.

— Вы возглавляете это расследование, детектив Риццоли! — крикнул он вслед.

Она остановилась и обернулась.

— Почему вы считаете нужным напоминать мне об этом?

Он медленно приблизился к ней, встав почти вплотную. Возможно, намеренно. Они стояли лицом к лицу, и, хотя она никогда бы не призналась в этом, щеки у нее предательски вспыхнули под его пристальным взглядом. И дело было не в его физическом превосходстве; она вдруг поймала себя на том, что находит его привлекательным. Эта реакция показалась ей чуть ли не извращением, учитывая, какие чувства она к нему испытывала прежде. Она попыталась избавиться от наваждения, но оно уже выпустило когти и цепко держало ее.

— Это расследование потребует вашего полного внимания, — сказал Дин. — Послушайте, я понимаю, что вы расстроены из-за побега Уоррена

Хойта. Такое чепэ выведет из себя любого. А вас так может просто подкосить...

— Вы меня плохо знаете. И не пытайтесь стать моим психологом.

— Я просто хотел узнать, хватит ли у вас сил на это расследование. Или, может, есть какие-то другие вопросы, которые вам нужно решить в первую очередь?

Ей все-таки удалось справиться с волнением. И даже вполне спокойно задать вопрос:

— Вам известно, скольких людей Хойт угробил сегодня утром? Троих, агент Дин. Мужчину и двух женщин. Он перерезал им глотки и просто ушел. Как всегда. — Она подняла руки, и он уставился на ее шрамы. — Эти сувениры он оставил мне в прошлом году, перед тем как перерезать мне горло. — Она опустила руки и усмехнулась. — Так что вы абсолютно правы. У меня есть к нему вопросы.

— Но ведь у вас есть работа. Здесь и сейчас.

— Я ее делаю.

— Вас отвлекает Хойт. Он будет мешать вам.

— Единственный, кто мне мешает, — это вы. Я даже не знаю, чем вы здесь занимаетесь.

— Это межведомственное сотрудничество. Разве вы против?

— Сотрудничество получается односторонним, причем пока только с моей стороны. А какая польза от вас?

— А чего вы ожидали?

— Ну, для начала расскажите, в чем состоит интерес Бюро. Прежде оно не вмешивалось ни в одно из моих расследований. Почему вдруг Йигеры? Что вы знаете о них такого, чего не знаю я?

— О них мне известно ровно столько же, сколько вам, — ответил он.

Правда ли это? Она не знала. И никак не могла понять, что на уме у этого человека. А внезапно проснувшийся интерес к нему еще больше ее запутал.

Он посмотрел на часы.

— Уже начало четвертого. Нас ждут.

Агент Дин направился к зданию, но она не сразу последовала за ним. Какое-то время Риццоли стояла, потрясенная собственной реакцией на Дина. Наконец, набрав в грудь побольше воздуха, она двинулась на очередную встречу со смертью.

* * *

По крайней мере на этот раз ее желудок избежал потрясений. Ощущения, которые обрушились на нее во время вскрытия Гейл Йигер, были далеки от тех, что она испытывала сейчас, при осмотре второго комплекта останков. Между тем Корсак все-таки принял меры предосторожности и подложил под нос ментоловую пластинку. Кости скелета лишь кое-где были покрыты обрывками тонкой кожи, и, хотя запах все равно был не из приятных, Риццоли вполне могла обойтись без раковины. Она была полна решимости не повторять вчерашних ошибок, тем более в присутствии Дина, который стоял прямо напротив нее и мог наблюдать за выражением ее лица. Она стойко держалась, пока доктор Айлз и судебный антрополог доктор Карлос Пепе распечатывали коробку и аккуратно выкладывали останки на покрытый простыней рабочий стол.

Шестидесятилетний, сгорбленный словно гном, доктор Пепе радовался как ребенок, когда увидел скелет, и разглядывал его так, будто весь он был из золота. В то время как Риццоли видела перед собой лишь грязные кости, бесформенные словно ветки деревьев, доктор Пепе различал и лучевые кости, и локтевые суставы, и ключицы, которые он быстро идентифицировал и выкладывал в анатомическом порядке. Вскоре на столе обозначился вполне узнаваемый силуэт. Позвоночник, скрепленный из двух частей, образовал центральную ось, и к нему уже прикрепились ребра, грудина, полое кольцо таза, своей формой чем-то напоминавшее королевскую корону. Кости рук имели окончания, похожие на грязные камешки, но на самом деле именно эти крохотные косточки и обеспечивали рукам их волшебную подвижность. В глаза сразу же бросился след от старой травмы: стальные хирургические спицы в кости левого бедра. В изголовье доктор Пепе поместил череп и фрагменты челюсти. Сквозь слой грязи поблескивали золотые зубы. Наконец все кости были выложены.

Однако в коробке еще что-то оставалось.

Он перевернул ее вверх дном, вываливая на поднос остатки содержимого. Посыпались пыль и листья, клочья спутанных темных волос. Он направил луч лампы на поднос и, вооружившись щипчиками, начал рыться в мусоре. Уже через несколько секунд он нашел то, что искал: крохотное черное зернышко, похожее на рисовое.

— Куколка, — сказал он. — Часто путают с крысиным пометом.

— Я бы так и подумал, — согласился Корсак. — Вылитые крысиные какашки.

— Их здесь полно. Нужно просто знать, что ищешь. — Доктор Пепе вытащил еще несколько черных зернышек и отложил их в сторонку. —

Семейство каллифориды.

— Чего? — не понял Корсак.

— Падальная муха, — пояснил Габриэль Дин.

Доктор Пепе кивнул головой.

— Это оболочка, в которой развивается личинка падальной мухи. Они похожи на коконы. Перед вами — кокон личинки третьей стадии развития. Отсюда они вылетают уже взрослыми мухами. — Он вооружился лупой. — Эти уже пустые.

— Что это значит? — спросила Риццоли.

— Это значит, что мухи их уже покинули.

— А каков период развития каллифоридов в этой местности? — поинтересовался Дин.

— В это время года — примерно тридцать пять дней. Но обратите внимание, как эти две куколки различаются по цвету и окраске. Они ведь принадлежат к одному и тому же виду, а оболочка разная.

— Два разных поколения? — предположила Айлз.

— Я тоже так считаю. Но мне интересно, что скажет по этому поводу энтомолог.

— Если каждому поколению требуется тридцать пять дней для созревания, — заметила Риццоли, — не значит ли это, что мы говорим о семидесятидневном сроке их пребывания на открытом воздухе? Тогда получается, что жертва пролежала там именно столько времени.

Доктор Пепе взглянул на разложенные кости.

— То, что я вижу, не противоречит посмертному периоду продолжительностью в два летних месяца.

— А можно поточнее?

— По скелету точнее нельзя определить. Возможно, этот человек пролежал в лесу месяца два. А может, все шесть.

Риццоли увидела, как Корсак закатил глаза, разочарованный приглашенным экспертом.

Но доктор Пепе еще только начинал делать выводы.

— Особь женского пола, — методично произнес он, разглядывая кости. — На первый взгляд, ростом не выше пяти футов одного дюйма. Очевидны зажившие переломы. Старый перелом бедренной кости, с хирургическими спицами.

— Похоже на стержень Штейнмана, — сказала Айлз, указывая на поясничный отдел позвоночника. — И видно хирургическое сращение L-2 и L-3.

— Множественные повреждения? — спросила Риццоли.

— Да, жертва, похоже, перенесла тяжелую травму.

Доктор Пепе продолжил инвентаризацию костей.

— Отсутствуют два левых ребра, а также... — Он углубился в изучение крохотных кистевых косточек. — ...три кости запястья и большинство фаланг пальцев левой руки. Похоже, какой-то хищник полакомился.

— Сандвич из руки, — ввернул Корсак.

Никто не засмеялся.

— Длинные кости все на месте. Как и позвоночные... — Доктор запнулся и, нахмурившись, уставился на шейные позвонки. — Подъязычная кость отсутствует.

— Мы ее не нашли, — сказала Айлз.

— Вы хорошо искали?

— Да. Я даже возвращалась на место и повторно все осматривала.

— Ее могли сожрать лесные хищники, — предположил доктор Пепе. Он вытащил одну лопатку, которая торчала из-за плеча. — Видите здесь V-образные укусы? Возможно, следы от собачьих клыков. — Он поднял взгляд. — Голову нашли отдельно от тела?

— Да, она лежала в нескольких шагах от туловища, — ответила Риццоли.

Пепе удовлетворенно кивнул.

— Типично для собак. Для них голова как большой мяч. Игрушка. Они катают ее по земле, но не могут прокусить, как, скажем, горло или бедро.

— Постойте, — вмешался Корсак. — У нас тут что, Фифи и Ровер?

— Все животные, и домашние, и дикие, ведут себя одинаково. Даже койоты и волки любят играть с мячиками, совсем как Фифи и Ровер. Поскольку эти останки лежали в городском парке, окруженном домами, домашние собаки наверняка частенько наведывались туда. Но у них тоже есть инстинкт хищника. И они с удовольствием вгрызаются в любую плоть: филейные части, хрящи, ребра и мелкие косточки. И, разумеется, они разрывают все оставшиеся мягкие ткани.

Корсак в ужасе смотрел на него.

— У нас с женой есть маленький хайленд-терьер. Пожалуй, больше я не позволю ему лизать мне лицо.

Пепе взял в руки череп и метнул насмешливый взгляд в сторону Айлз.

— Ну что, устроим экзамен, доктор Айлз? Помучаю вас так же, как вы мучаете своих студентов по патологоанатомии. Мучаете ведь?

— Да уж, — призналась Айлз. — Они вздрагивают, когда видят меня в аудитории. Знают, что о пустяках я не спрашиваю.

— Ну, а теперь я вас помучаю, — усмехнулся доктор Пепе. — Расскажите-ка нам об этом индивидууме.

Она сосредоточилась на останках.

— Резцы, форма нёба и длина черепа позволяют сделать вывод о принадлежности к европейской расе. Череп небольшой, надбровные дуги минимальные. Далее смотрим таз. Входные размеры, подлобковая область — все указывает на то, что перед нами белая женщина.

— А возраст?

— Имеется неполное эпифизарное сращение подвздошного гребня. Артритических изменений позвоночного столба нет. Это молодая женщина.

— Согласен. — Доктор Пепе взял в руки челюсть. — Три золотые коронки, — заметил он. — И большая амальгамовая пломба. Вы делали рентген?

— Йошима сделал сегодня утром. Снимки можно посмотреть на экране.

Пепе подошел к экрану.

— Залечены два корневых канала. — Он показал на снимок челюсти. — Похоже, что они запломбированы гуттаперчей. И посмотрите сюда. Видите, корни зубов с седьмого по десятый и с двадцать второго по двадцать седьмой короткие и тупые? Здесь хорошо поработал ортодонт.

— А я не заметила, — призналась Айлз.

Пепе улыбнулся.

— Рад, что смог поучить вас хоть чему-то, доктор Айлз. А то уж я начал ощущать собственную никчемность.

Агент Дин сказал:

— Выходит, перед нами женщина, у которой были средства, чтобы оплатить работу стоматолога.

— Причем очень дорогую работу, — добавил Пепе.

Риццоли вспомнила Гейл Йигер и ее красивые ровные зубы. После того как сердце перестает биться, а плоть разлагается, только по состоянию зубов можно отличить бедного от богатого. Те, кто едва сводит концы с концами, не обращают внимания на дырку в зубе или неправильный прикус. Характеристики этой жертвы становились все более узнаваемыми.

Молодая женщина. Белая. Обеспеченная.

Пепе отложил челюсть и переключил внимание на туловище. Какое-то мгновение он изучал деформированную грудную клетку. Потом поднял ребро, приложил его к грудине и оценил угол, образованный двумя костями.

— *Pectus excavatum*, — произнес он.

Впервые на лице Айлз отразилось разочарование.

— Я даже не обратила внимания.

— А как насчет большеберцовых костей?

Она шагнула к изножию стола и взяла одну из самых длинных костей. Рассматривая ее, она все больше хмурилась. Потом схватила другую такую же кость и положила рядом.

— Двустороннее *genu varum*, — взволнованно произнесла она. — Возможно, пятнадцать градусов. Не знаю, как так получилось, что я этого не увидела.

— Вы сосредоточились на переломе. Этот стержень слишком бросался в глаза. А искривление теперь редко кто замечает. Разве что такие старики, как я.

— И все равно непростительно. Я должна была сразу заметить. — Айлз замолчала, ее взгляд скользнул вверх, к грудной клетке. — Странно. Совсем не вяжется с состоянием зубов. Как будто мы имеем дело с совершенно разными людьми.

В их разговор вмешался Корсак:

— Может, поделитесь с нами своими соображениями? Что вам кажется странным?

— У этой жертвы отмечается *genu varum*, — начал доктор Пепе. — Проще говоря, О-образное искривление ног. Большеberцовые кости выгнуты на пятнадцать градусов. Это вдвое больше нормы.

— Ну и что вы так разволновались? Подумаешь, кривые ноги вовсе не редкость.

— Дело не только в кривых ногах, — объяснила Айлз. — Речь идет и о состоянии грудной клетки. Посмотрите, какой угол образуют ребра с грудной клеткой. У нее типичный *pectus excavatum*, или «грудь сапожника». Неправильное строение костей и хрящей вызывает такой эффект проваленной груди. Если этот провал значительный, могут появиться проблемы с дыханием, сердечной деятельностью. В данном случае он небольшой, так что, возможно, не вызывал никаких симптомов. Да и внешне это было вряд ли заметно.

— Это связано с атипичным строением костей? — спросила Риццоли.

— Да. Дефект костного метаболизма.

— О каком заболевании идет речь?

Айлз заколебалась и посмотрела на доктора Пепе.

— Что-то у нее рост маловат.

— Каков показатель Троттера-Глезера?

Айлз достала рулетку и измерила длину бедра и большеберцовой

кости.

— Примерно сто пятьдесят пять сантиметров. Плюс-минус семь.

— Итак, мы имеем *pectus excavatum*. Двустороннее *genu varum*. Маленький рост. — Он удовлетворенно закивал головой. — Кое-какие выводы напрашиваются.

Айлз взглянула на Риццоли.

— У нее в детстве был рахит.

Rachit. Слово было почти забытое. Для Риццоли оно неизменно ассоциировалось с босоногим детством в трущобах, орущими младенцами и беспространной нищетой. Иная эпоха, окрашенная в тусклые краски. Рахит — слово, которое совершенно не сочеталось с женщиной, имеющей три золотые коронки и выпрямленные ортодонтом зубы.

Габриэль Дин тоже заметил это явное противоречие.

— Я всегда думал, что причиной рахита является недоедание, — сказал он.

— Да, — подтвердила Айлз. — Недостаток витамина Д. Большинство детей получают его либо с молоком, либо на солнце. Но если ребенок недоедает или мало бывает на солнце, возникает дефицит этого витамина. Это влияет на метаболизм кальция и формирование костей. — Она сделала паузу. — Честно говоря, я впервые вижу такие четкие признаки рахита.

— Приглашаю вас на раскопки, — сказал доктор Пепе. — Я покажу вам множество таких примеров из прошлого столетия. В Скандинавии, на севере России...

— Но сегодня? В Штатах? — удивился Дин.

Пепе покачал головой.

— Совершенно нетипичный случай. Судя по деформации костей и маленькому росту, я бы предположил, что этот индивидуум проживал в бедности. По крайней мере в детстве и юности.

— Но это никак не вяжется с безупречным состоянием зубов.

— Вот именно. Потому-то доктор Айлз и заметила, что здесь как будто два совершенно разных человека.

Ребенок и взрослый, подумала Риццоли. Она вспомнила свое детство в Ревере, душный маленький домик, который арендовала ее семья. Там было так тесно, что ей даже негде было уединиться, поэтому приходилось забираться под крыльцо. Она вспомнила тот короткий период, когда отца уволили, испуганный шепот, доносившийся из родительской спальни, ужины из консервированной кукурузы и картошки. Слава богу, тяжелые времена длились недолго; через год отца взяли на работу, и на столе вновь появилось мясо. Но соприкосновение с бедностью навсегда оставляет след

в душе и во многом определяет будущее: все трое Риццоли выбрали себе карьеру со стабильными заработками: Джейн — в правоохранительных структурах, Фрэнки — в военно-морских силах, Микки — в почтовом ведомстве.

Она посмотрела на скелет и сказала:

— Из нищеты в роскошь. Такое бывает.

— Прямо как у Диккенса, — заметил Дин.

— Точно! — воскликнул Корсак. — Малютка Тим.

Доктор Айлз согласно кивнула.

— Да, Малютка Тим страдал от рахита.

— А потом жил счастливо, потому что старый Скрудж оставил ему деньжат, — сказал Корсак.

Но ты не стала счастливой, подумала Риццоли, глядя на останки. Теперь уже это были не обезличенные кости; в сознании Риццоли начал вырисовываться портрет. Она представила себе девочку с кривыми ножками и впалой грудью, которая растет в грязи и нищете. Потом увидела ее уже подростком, в линялых поношенных блузках с разномастными пуговицами. Может, уже тогда было что-то необычное в этой девочке? Решимость в глазах, гордо вскинутый подбородок, словно заявляющие о том, что она достойна лучшей жизни и будет за нее сражаться?

Потому что женщина, в которую она превратилась, жила уже в совершенно другом мире, где за деньги можно было сделать себе ровные зубы и золотые коронки. Удача или тяжкий труд, а может, внимание нужного человека помогли ей подняться наверх. Но бедное детство навсегда осталось в ее костях, кривых ногах и проваленной грудине. Как и свидетельства некогда перенесенной травмы — спицы в левом бедре и поврежденный позвоночник.

— Судя по дорогостоящей стоматологии и возможному социальному статусу женщины ее отсутствие не останется незамеченным, — сказала доктор Айлз. — Она мертва вот уже два месяца как минимум. Есть вероятность того, что она уже включена в базу данных Информцентра.

— Да, в числе сотни тысяч других, — заметил Корсак.

Информационно-криминологический центр ФБР составлял базу данных по всем пропавшим без вести, и неопознанные останки можно было проверить на наличие сходных признаков.

— А у нас нет ничего? — спросил Пепе. — Может, какие-то открытые дела по пропавшим без вести?

Риццоли покачала головой.

— Нет, по Массачусетсу ничего нет.

* * *

Хотя и предельно уставшая, она все равно не могла заснуть. Один раз встала, чтобы проверить замки на двери и защелку на окне, которое выходило на пожарную лестницу. А через час послышался какой-то шум, и она представила, что это Уоррен Хойт идет по коридору, направляясь к ней в спальню со скальпелем в руке. Она схватила с тумбочки пистолет и стала напряженноглядываться в темноту.

Взмокшая от напряжения, она все ждала, пока в дверном проеме обозначится фигура.

Но так ничего и не увидела, да и не услышала, кроме стука собственного сердца и громкой музыки, выплеснувшейся из окон промчавшегося по улице автомобиля.

Наконец она встала с постели и вышла в коридор, где включила свет. Никого.

Она прошла в гостиную, зажгла свет и там. Попутно бросила взгляд на входную дверь и отметила, что цепочка на месте, а пожарный выход надежно заперт на щеколду. Она долго стояла и смотрела в пустоту, думая про себя: «Я схожу с ума».

Она плюхнулась на диван, отложила пистолет в сторону и сжала голову руками, словно пытаясь выдавить из себя мысли об Уоррене Хойте. Но он прочно засел в мозгах, как раковая опухоль, которая уже пустила свои метастазы. Лежа в постели, она думала не о Гейл Йигер и не о безымянной женщине, останки которой они только что изучали. И не о человеке, сорвавшемся с самолета, чье досье молчаливым упреком встречало ее каждый день на рабочем столе. Так много дел требовало ее внимания, но стоило ей закрыть глаза, как тотчас всплывало лицо Уоррена Хойта.

Зазвонил телефон. Она резко выпрямилась, чувствуя, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди. Ей пришло сделать несколько глубоких вдохов, прежде чем снять телефонную трубку.

— Риццоли? — услышала она голос Томаса Мура. Она никак этого не ожидала и совершенно растерялась, поскольку вдруг поняла, как соскучилась. Всего год назад они с Муром вместе работали по делу Хирурга. Хотя их отношения никогда не выходили за рамки партнерства, они были в высшей степени доверительными, что не всегда бывает и в браке. Голос Мура напомнил о том, как ей сейчас его не хватает. И как остро она до сих пор переживает его женитьбу на Кэтрин.

— Привет, Мур, — непринужденно произнесла она, стараясь не выдать своих эмоций. — Сколько у вас там времени?

— Около пяти. Извини, что звоню тебе в такую рань. Просто не хотел, чтобы Кэтрин слышала.

— Все нормально. Я не сплю.

Пауза.

— Ты тоже не можешь заснуть. — Это был не вопрос, а, скорее, утверждение. Он знал, что источник бессонницы у них общий.

— Тебе звонил Маркетт? — догадалась она.

— Да. Я все надеялся, что уже...

— Нет, ничего нового. Вот уже сутки, а сдвигов никаких.

— В общем, его след простилен.

— Начать с того, что следов он нам не оставил. Убил троих в операционной, обернулся невидимкой и скрылся из больницы. Полиция штата прочесала все окрестности, перекрыла дороги. Его физиономию показывают в каждом выпуске новостей. И ничего.

— Его может тянуть только в одно место. К одному человеку...

— Твой дом уже взят под наблюдение. Стоит только Хойту приблизиться, и мы его схватим.

Повисла долгая пауза. Потом Мур тихо произнес:

— Я не могу привезти ее домой. Буду держать здесь. По крайней мере я знаю, что здесь она в безопасности.

Риццоли уловила страх в его голосе, страх не за себя, а за жену, и с легким оттенком зависти подумала: «Каково это, когда тебя так сильно любят?»

— А Кэтрин знает о побеге? — спросила она.

— Да. Мне пришлось сказать ей.

— Ну и как она восприняла это?

— Лучше, чем я. По крайней мере это она пытается успокоить меня.

— Она уже пережила самое страшное, Мур. И дважды доказала, что она сильнее его.

— Она думает, что сильнее. Это-то и опасно.

— Ну, теперь у нее есть ты, — сказала Риццоли и подумала: «А я одна. Как всегда было и, наверное, будет».

Должно быть, он уловил нотки усталости в ее голосе, поскольку произнес:

— Тебе, должно быть, тоже чертовски тяжело.

— Я в порядке.

— Тогда, значит, ты легче воспринимаешь ситуацию, чем я.

Она рассмеялась, и ее чересчур звонкий смех резанул слух.

— Как будто у меня есть время переживать из-за этого Хойта. У меня тут других дел невпроворот. Мы нашли свалку трупов в Стоуни-Брук.

— И сколько жертв?

— Две женщины плюс один мужчина, которого убили при похищении. В общем, объявился еще один негодяй. Знаешь, Мур, это плохой признак, когда Цукер дает убийцам прозвища. Этого он назвал Властелин.

— Почему Властелин?

— Похоже, его заводит именно власть над людьми. Он полностью подчинил себе мужа жертвы. Ну, знаешь, у каждого маньяка своя «фишка».

— Все, как прошлым летом.

Только на этот раз тебя нет рядом, чтобы прикрыть меня. У тебя теперь другие приоритеты.

— Есть какой-нибудь прогресс? — спросил он.

— Пока нет. Все очень медленно. Слишком много игроков. Тут тебе и ньютонская полиция, и Бюро вдруг влезло.

— Что?!

— Да-да. Какой-то агент по имени Габриэль Дин. Говорит, что советник, а сам сует всюду свой нос. У тебя когда-нибудь было такое?

— Никогда. — Пауза. — Что-то здесь не так, Риццоли.

— Я знаю.

— А что говорит Маркетт?

— Ему деваться некуда, сверху пришла команда сотрудничать.

— А сам Дин что говорит?

— Он себе на уме. Знаешь, действует по принципу: «Я тебе расскажу, но потом мне придется тебя убить». — Риццоли сделала паузу, вспоминая взгляд Дина, прожигающий насеквоздь. Да, она не сомневалась, что Дин, и глазом не моргнув, спустит курок. — Короче, — сказала она, — Уоррен Хойт меня сейчас мало занимает.

— Зато меня занимает, — сказал Мур.

— Ладно. Если будут новости, я тебе первому позвоню.

Риццоли повесила трубку, и в наступившей тишине напускная храбрость, которую она только что демонстрировала Муру, разом исчезла. Она опять осталась одна со своими страхами, в квартире с запертыми дверями и окнами, и только пистолет составлял ей компанию.

Может, ты и есть мой лучший друг, подумала она и, взяв пистолет, понесла его в спальню.

9

— Сегодня утром ко мне заходил агент Дин, — сказал лейтенант Маркетт. — У него есть сомнения насчет вас.

— Наши чувства взаимны, — парировала Риццоли.

— Он не ставит под сомнение ваш профессионализм. Он считает вас отличным полицейским.

— Тогда в чем дело?

— Он сомневается, правильно ли ставить вас во главе расследования.

Риццоли молчала, задумчиво уставившись на рабочий стол Маркетта. Когда сегодня утром он вызвал ее к себе в кабинет, она уже догадывалась, о чем пойдет речь. И шла к нему, исполненная решимости держать себя в руках, не поддаваться эмоциям, чтобы он увидел ее такой, какой привык видеть: твердой, непреклонной, способной преодолеть временную слабость.

Когда она заговорила, голос ее прозвучал спокойно и уверенно:

— А что именно его беспокоит?

— Что вы рассеяны. Что у вас остались проблемы, связанные с Уорреном Хойтом. Что вы еще не оправились после того расследования.

— Что он имеет в виду, говоря, что я не оправилась? — спросила она. Хотя и знала, в чем дело.

Маркетт замялся.

— Господи, Риццоли. Мне трудно об этом говорить. Сами знаете.

— И все-таки попытайтесь.

— Он считает, что у вас не все в порядке с психикой. Довольны?

— А вы как считаете, лейтенант?

— Я считаю, что на вас слишком много всего навалилось. Побег Хойта выбил вас из колеи.

— И вы считаете, что у меня не все в порядке с головой?

— Доктор Цукер тоже выражал некоторую тревогу, — ушел он от ответа. — Вы не приходили на консультацию осенью.

— Мне никто не приказывал.

— А вы что, только по приказу работаете?

— Я не чувствовала необходимости в его консультациях.

— Цукер полагает, что вы еще не избавились от Хирурга. Что Уоррен Хойт мерещится вам повсюду. Как вы можете возглавлять новое расследование, если мысленно пребываете в предыдущем?

— Мне бы все-таки хотелось услышать ваше мнение, лейтенант. Лично вы считаете, что у меня проблемы с психикой?

Маркетт вздохнул.

— Не знаю. Но когда приходит агент Дин и выкладывает свои соображения, я должен их учитывать.

— Мне не кажется, что агент Дин заслуживает полного доверия.

Маркетт выдержал паузу. И, нахмурившись, подался вперед.

— Это серьезное обвинение.

— Не серьезнее того, что он предъявляет мне.

— У вас есть, чем подкрепить свои слова?

— Сегодня утром я звонила в бостонское отделение ФБР.

— Да?

— Они ничего не знают об агенте Габриэле Дине.

Маркетт откинулся на спинку кресла и какое-то время молча смотрел на нее.

— Он приехал сюда прямо из Вашингтона, — продолжала она. — Бостонский офис не имеет к этому никакого отношения. Так дела не делаются. Если мы запрашиваем у ФБР помошь, первым об этом узнает местное отделение. На этот раз никакой информации через них не проходило. Все шло напрямую из Вашингтона. Почему ФБР вмешивается в мое расследование? И при чем здесь Вашингтон?

Маркетт по-прежнему молчал.

Она продолжала наступать, чувствуя, что уже теряет над собой контроль.

— Вы мне сказали, что приказ сотрудничать пришел от комиссара полиции.

— Да, это так.

— Кто из ФБР обращался к комиссару? С каким подразделением Бюро мы имеем дело?

Маркетт покачал головой.

— Это было не Бюро.

— Что?!

— Просьба пришла не из ФБР. Я разговаривал с комиссаром на прошлой неделе, в тот день, когда появился Дин. И задавал ему те же вопросы.

— Ну, и?..

— Я обещал соблюдать конфиденциальность. И от вас ожидаю того же. — Только после того как она утвердительно кивнула, он продолжил: — Просьба пришла из офиса сенатора Конвея.

Риццоли в изумлении уставилась на него.

— При чем здесь наш сенатор?

— Не знаю.

— А комиссар вам не сказал?

— Он тоже может не знать. Как не может отмахнуться от просьбы, непосредственно исходящей от Конвея. К тому же он не просит о чем-то невозможном. Речь идет всего лишь о сотрудничестве двух ведомств. Собственно, мы постоянно это делаем.

Она наклонилась к нему и тихо сказала:

— Что-то здесь не так, лейтенант. Вы и сами знаете. Дин что-то скрывает от нас.

— Я позвал вас не для того, чтобы обсуждать Дина. Мы говорим о вас.

— Но вы ведь ссылаетесь на его слова. С каких это пор ФБР отдает приказы бостонской полиции?

Маркетт, похоже, не ожидал такого напора. Резко выпрямившись в кресле, он пристально посмотрел на нее. Она задела его больное место.

Бюро против нас. Кто здесь главный?

— Хорошо, — произнес он. — Поговорили. Вы меня выслушали. С меня довольно.

— С меня тоже. — Она встала.

— Но я буду наблюдать за вами, Риццоли.

Она кивнула.

— А разве вы не делаете этого постоянно?

* * *

— Я обнаружила интересные волокна, — сказала Эрин Волчко. — На клейкой стороне скотча, который содрали с кожи Гейл Йигер.

— Снова волокна с темно-синего ковра? — спросила Риццоли.

— Нет. Честно говоря, я и сама пока затрудняюсь определить их природу.

Эрин нечасто расписывалась в собственном бессилии. И это еще сильнее подогрело интерес Риццоли к образцу, который лежал под микроскопом. В окуляре она увидела темную нить.

— Перед нами синтетическое волокно, — начала объяснять Эрин, — цвет которого я бы охарактеризовала как тускло-зеленый. Судя по коэффициенту преломления, это наш старый добрый нейлон фирмы «Дюпон», тип шесть и шесть.

— Такой же, как темно-синие ковровые волокна.

— Да. Нейлон шесть и шесть очень популярное волокно в силу своей прочности. Оно присутствует во многих тканях.

— Ты сказала, его сняли с кожи Гейл Йигер?

— Эти волокна были обнаружены у нее на бедрах, грудях, плече.

Риццоли нахмурилась.

— Одеяло? Или во что он там ее завертывал?

— Да, но не одеяло. Нейлон не самая подходящая для этого ткань, поскольку плохо впитывает влагу. К тому же наше волокно сделано из исключительно тонких нитей. Тоньше, чем человеческий волос. Из такого волокна можно произвести готовый материал, обладающий повышенной плотностью. Возможно даже, водоотталкивающий.

— Брезент?

— Вполне вероятно. В такую ткань могли завернуть тело.

У Риццоли перед глазами возникла странная картинка: рулоны брезента в хозяйственном супермаркете с напечатанными на этикетках рекомендациями от производителя: ИДЕАЛЬНО ДЛЯ ПАЛАТОК, ТЕНТОВ, УПАКОВКИ ТРУПОВ.

— Если это все-таки брезент, тогда выходит, что мы имеем дело со вполне заурядной тканью, — сказала Риццоли.

— Минуточку, детектив. Позвольте продемонстрировать вам особенности этой заурядной ткани.

— Что еще за особенности?

— Есть кое-что интересное.

— Что может быть интересного в нейлоновом брезенте?

Эрин взяла со стола папку и достала оттуда распечатанную на компьютере диаграмму.

— Я сделала анализ на полное отражение.

— А что это?

— Инфракрасная микроспектроскопия для изучения отдельных волокон. На волокно направляется инфракрасный луч, и рассматривается спектр отраженного света. Эта диаграмма показывает инфракрасные характеристики самого волокна. И просто подтверждает, что перед нами нейлон шесть и шесть, как я и говорила.

— Ничего удивительного.

— Это еще не все, — сказала Эрин, и легкая улыбка тронула ее губы. Она достала следующую диаграмму и выложила ее рядом, — Здесь мы видим то же волокно под тем же инфракрасным лучом. Ничего не замечаешь?

Риццоли переводила взгляд с одного рисунка на другой.

— Они разные.

— Верно.

— Но если это одно и то же волокно, диаграммы должны быть одинаковыми.

— Для второй диаграммы я изменила плоскость изображения. Теперь отражение идет с поверхности волокна, а не из сердцевины.

— Выходит, поверхность и сердцевина отличаются.

— Правильно.

— Два разных волокна скручены?

— Нет. Это одно волокно. Но ткань прошла обработку поверхности. Вот это и показывает анализ на полное отражение — присутствие химикатов. Я прогнала его через хроматограф, и похоже, это вещество на базе силикона. После того как волокна были окрашены, на готовый продукт нанесли силиконовый слой.

— Зачем?

— Трудно сказать. Для водонепроницаемости? Для усиления прочности на разрыв? В любом случае это дорогостоящий процесс. Думаю, ткань изготавливалась для специфических целей. Но вот для каких — ума не приложу.

Риццоли откинулась на спинку стула.

— Найди мы эту ткань, — произнесла она, — и преступник окажется в наших руках.

— Да. В отличие от заурядного коврового покрытия эта ткань уникальна.

* * *

Украшенные монограммой полотенца были выложены на кофейном столике, так чтобы все гости могли полюбоваться затейливыми вензелями АР — Анжела Риццоли. Джейн выбрала персиковый — любимый цвет матери и заплатила дополнительную цену за шикарную подарочную упаковку с лентами абрикосового цвета и шелковыми бутонами. Подарок доставили почтой «Федерал Экспресс», поскольку красно-бело-голубые грузовики этой службы в сознании матери прочно ассоциировались с сюрпризами и счастливыми событиями.

А пятьдесят девятый день рождения Анжелы Риццоли вполне можно было отнести к событиям счастливым. В семействе Риццоли к дням

рождения всегда относились трепетно. Каждый декабрь Анжела покупала календарь на следующий год и в первую очередь отмечала на нем эти памятные дни. Забыть о чьем-то дне рождения считалось серьезной провинностью. А уж забыть о дне рождения мамы было равносильно непростительному греху, и Джейн свято чтила семейную традицию. Именно она покупала мороженое и украшала дом, рассыпала приглашения многочисленным соседям, которые сейчас собирались в гостиной у Риццоли. Она резала торт и подавала его гостям на бумажных тарелках. Она покорно исполняла свои обязанности, но в этом году вечеринка явно не удалась. И все из-за Фрэнки.

— Что-то случилось, — сказала Анжела. Она сидела на диване в окружении мужа и младшего сына Майкла и безрадостно смотрела на подарки, выставленные на кофейном столике — такого количества пены для ванн и талька ей явно должно было хватить на следующее десятилетие. — Может быть, он заболел. Или с ним что-то случилось, а мне никто не позвонил.

— Ма, с Фрэнки все в порядке, — уверяла ее Джейн.

— Да, — поддержал сестру Майкл. — Может, его послали… как это называется? Когда они играют в войну?

— Маневры, — подсказала Джейн.

— Да, на какие-нибудь маневры. Или даже за границу. Может, там даже телефона нет, чтобы позвонить.

— Он же обычный сержант, Майкл, а не Рэмбо.

— Даже Рэмбо посыпает матери поздравительную открытку, — проворчал Фрэнк-старший.

Воспользовавшись паузой, гости дружно принялись за торт и в течение последующих минут сосредоточенно жевали.

Грейси Камиンски, ближайшая соседка Риццоли, отважилась первой нарушить молчание.

— Торт так хорош, Анжела! Кто его испек?

— Я сама, — сказала Анжела. — Представляешь, самой печь торт на собственный день рождения. Но в этой семье именно так и происходит.

Джейн вспыхнула как от пощечины. Во всем был виноват Фрэнки. Именно из-за него так злилась Анжела, но Джейн, как всегда, приняла удар на себя.

— Я же предлагала привезти торт, ма, — спокойно произнесла она.

Анжела пожала плечами.

— Ну да, из булочной.

— У меня не было времени печь самой.

Это была правда, но говорить ее не следовало. Джейн слишком поздно осознала свою ошибку. Она увидела, как вжался в диван Майкл, как покраснел отец.

— Не было времени, — повторила Анжела.

Джейн вымученно рассмеялась.

— Впрочем, мои торты все равно есть невозможно.

— Не было времени, — снова сказала Анжела.

— Ма, хочешь мороженого? Как насчет...

— Раз уж ты так занята, мне, наверное, следует пасть на колени и благодарить тебя за то, что ты вообще соизволила приехать на день рождения родной матери.

Дочь ничего не ответила, лишь стояла перед матерью, красная как рак, с трудом сдерживая слезы. Гости вновь принялись уписывать торт, не смея даже коситься друг на друга.

Зазвонил телефон. Все застыли.

Наконец Фрэнк-старший ответил на звонок. Он произнес:

— Твоя мать рядом, — и передал трубку Анжеle.

Господи, Фрэнки, почему ты так опоздал со своим звонком?

С видимым облегчением, Джейн принялась собирать со стола грязную посуду.

— Какой подарок? — произнесла мать. — Я ничего не получила.

Джейн поморщилась.

О нет, Фрэнки, не пытайся повесить на меня всех собак.

И уже через мгновение голос матери приобрел волшебное звучание:

— О, Фрэнки, я понимаю, дорогой. Да. Военные моряки так много работают.

Покачав головой, Джейн направилась на кухню, когда ее остановил оклик матери:

— Он хочет поговорить с тобой!

— С кем? Со мной?

— Так он говорит.

Джейн взяла трубку.

— Привет, Фрэнки.

Брат огрызнулся в ответ:

— Какого черта, Джейн?

— Прости, не поняла.

— Ты знаешь, о чем я.

Она тут же вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Я попросил тебя об одной-единственной услуге, — сказал он.

— Ты о подарке?

— Я звоню поздравить с днем рождения, а она рявкает на меня.

— Этого следовало ожидать.

— Ты, наверное, руки потираешь от удовольствия! Подставила меня.

— Ты сам себя подставил. И, похоже, опять пытаешься увильнуть.

— Тебя это так злит?

— Мне все равно, Фрэнки. Это ваши с мамой дела.

— Да, но ты все время там шныряешь. Так и хочешь выставить меня полным идиотом. Не могла приписать мое имя, когда отсыпала этот чертов подарок?

— Мой подарок к тому времени уже был доставлен.

— И я так понимаю, было очень сложно купить что-нибудь от меня?

— Да, сложно. Я так и буду тебе подтирать одно место? Не забывай, что я работаю по восемнадцать часов.

— О, да. Постоянно только это и слышу: бедная малышка так тяжело работает, что и поспать-то некогда.

— Кстати, ты со мной так и не рассчитался за последний подарок.

— Ну вот еще, придумала. Я тебе все вернул.

— Нет, не вернул. — *И меня коробит, когда мама лишний раз напоминает: «Та чудесная лампа, которую подарил мне Фрэнки».*

— Так, выходит, все дело в деньгах, я правильно понял?

У нее на поясе заверещал пейджер. Она посмотрела на номер абонента.

— Мне плевать на деньги. Просто противно, как ты ко всему относишься. Ни черта не делаешь, а все лавры достаются тебе.

— Тебе опять хочется повоспитывать меня?

— Я вешаю трубку, Фрэнки.

— Передай ее матери.

— Сначала я должна ответить на звонок с пейдженера. Перезвони через минуту.

— Какого черта? Я не собираюсь оплачивать еще один междугородный...

Она разъединила связь. Выжидала минуту, чтобы успокоиться, а потом набрала телефонный номер, высветившийся на экране пейдженера.

Ответил Даррен Кроу.

Она была не в настроении беседовать с еще одним не вызывавшим симпатии мужчиной, а потому довольно резко бросила в трубку:

— Это Риццоли. Мне звонили.

— Боже, что это мы не в духе?

— Докладывайте.

— Мы на Бикон-Хилл, здесь десять-пятьдесят четыре. Слипер и я прибыли сюда примерно полчаса назад.

Из гостиной донесся хохот, и она покосилась на дверь. Сразу же подумала о той сцене, которую предстоит пережить, когда она объявит о том, что покидает вечеринку по случаю дня рождения матери.

— Вы наверняка захотите взглянуть, — сказал Кроу.

— Почему?

— Сами увидите, когда приедете.

10

Уже на крыльце Риццоли уловила запах смерти, которым тянуло из открытой двери, и остановилась. Ей совсем не хотелось переступать порог этого дома, где ее ожидало зрелище совсем не из приятных. Она бы предпочла задержаться на минутку-другую, настроиться на предстоящее испытание, но Даррен Кроу, открывший дверь, выжидающе смотрел на нее, так что ей ничего не оставалось, как надеть перчатки и бахилы и приступить к работе.

— Фрост здесь? — спросила она, нервно расправляя перчатки.

— Приехал минут двадцать назад. Он в доме.

— Я бы приехала раньше, но была в Ревере.

— А что там, в Ревере?

— День рождения у моей матери.

Он рассмеялся:

— Судя по вашему голосу, время вы там провели просто здорово.

— И не говорите. — Она уже переобулась, и теперь выглядела вполне по-деловому. Мужчины вроде Кроу уважали только силу, и именно ее она старалась демонстрировать. С той самой минуты, как она появилась здесь, он наблюдал за ней, следил за ее реакцией, словно ждал момента, когда она оступится, даст слабину, зная, что рано или поздно это случится.

Он закрыл за ней входную дверь, и, отрезанная от свежего воздуха, она вдруг ощутила приступ клаустрофобии. Запах смерти становился все сильнее, он наполнял ее легкие ядом. Решительной походкой она двинулась в холл, где от ее внимания не ускользнули ни потолки высотой футов в двенадцать, ни антикварные напольные часы — правда, не тикающие. Для нее квартал Бикон-Хилл всегда был пределом мечтаний; сюда она обязательно переселилась бы, случись ей выиграть в лотерею или, что еще более невероятно, выйти замуж. И именно таким, как этот, мог бы быть ее дом. Впрочем, в сознании тут же промелькнули картинки с места происшествия в доме Йигеров. Там тоже был изысканный особняк в изысканном районе. Только в воздухе витал запах бойни.

— Система охраны была отключена, — сообщил Кроу.

— Что, неисправна?

— Нет. Просто жертвы ее не включали. Может, они вообще не знали, как ею пользоваться, ведь это был не их дом.

— А чей же?

Кроу раскрыл свой блокнот и прочитал:

— Владелец — Кристофер Харм, шестидесяти двух лет. Биржевик на пенсии. Член совета директоров Бостонского симфонического оркестра. Лето проводит во Франции. Он предложил свой дом чете Гентов на время их турне в Бостоне.

— Что за турне?

— Они оба музыканты. Неделю назад прилетели из Чикаго. Каренна Гент — пианистка. Ее муж Александр был виолончелистом. Сегодня вечером у них должно было состояться последнее выступление в концертном зале.

От нее не ускользнуло, что Кроу говорил в прошедшем времени только о мужчине, но не о женщине.

Они пошли на шум голосов. Войдя в гостиную, Риццоли поначалу не заметила труп, поскольку его загораживали стоявшие к ней спиной Слипер и Фрост. Зато она увидела уже знакомую картину, кровью написанную на стенах. Должно быть, у нее вырвался непроизвольный возглас, потому что Фрост и Слипер разом обернулись. Увидев ее, они расступились, и прямо перед ней оказалась доктор Айлз, которая сидела на корточках возле трупа.

Александр Гент сидел, прислонившись к стене, словно печальная марионетка. Голова его завалилась назад, обнажая зияющую рану, в которую превратилось его горло. Такой молодой — мысль эта первой пронеслась в ее шокированном сознании, когда она в ужасе уставилась на неестественно спокойное лицо, открытый голубой глаз. Он очень молодой.

— Эвелин Петракас, служащая концертного зала, заехала за ними около шести вечера, чтобы отвезти на вечерний концерт, — сказал Кроу. — Они не открывали дверь. Потом она увидела, что дверь не заперта, и вошла проверить, в чем дело.

— Он в пижамной куртке, — заметила Риццоли.

— Имеет место трупное окоченение, — констатировала доктор Айлз, поднимаясь. — И он уже прилично остыл. Время смерти определю точнее после анализа стекловидного тела. Но, на первый взгляд, смерть наступила примерно шестнадцать — двадцать часов назад. А это значит... — Она взглянула на часы. — ...в промежутке между часом и пятью утра.

— Постель разобрана, — сказал Слипер. — В последний раз супругов видели вчера вечером. Они покинули концертный зал около одиннадцати, и мисс Петракас привезла их сюда.

Жертвы спали, подумала Риццоли, глядя на пижамную куртку Александра Гента. Спали и не догадывались о том, что в их доме кто-то есть и что он крадется в их спальню.

— На кухне есть открытое окно, которое выходит во внутренний дворик, — доложил Слипер. — В цветнике мы нашли несколько отпечатков подошв, но они разного размера. Некоторые из них, возможно, принадлежат садовнику. Или даже самим жертвам.

Риццоли уставилась на скотч, которым были связаны щиколотки Алекса Гента.

— А что с миссис Гент? — спросила она, уже зная ответ.

— Исчезла, — сказал Слипер.

Она оглядела пол возле трупа, но не заметила ни разбитой чашки, ни осколков фарфора. «Что-то не так», — подумала она.

— Детектив Риццоли!

Она обернулась и увидела криминалиста, стоявшего в холле.

— Патрульный сообщает, что там какой-то мужчина на улице. Говорит, что знает вас. Он скандалит, требует, чтобы его пропустили. Может, проверите?

— Я даже знаю, кто это, — усмехнулась Риццоли. — Пойду проведу его.

Корсак нервно курил, вышагивая по тротуару. Он был настолько возмущен унижением своего статуса, что дым, казалось, вырывался у него даже из ушей. Завидев ее, он немедленно затушил сигарету и бросил окурок в ближайшую урну.

— Меня что, уже отстранили от дела или как это понимать?

— Послушайте, прошу прощения. Просто патрульного забыли предупредить.

— Чертов новичок. Никакого уважения к старшим.

— Он же не знал, не сердитесь. Это я виновата. — Риццоли приподняла ленту оцепления, и Корсак нырнул под нее. — Пойдемте, я хочу, чтобы вы тоже посмотрели.

У двери она подождала, пока он наденет бахилы и перчатки. Он довольно неуклюже балансировал на одной ноге, когда обувался, и она подхватила его, в тот же миг с ужасом учуяв исходивший от него запах алкоголя. Она позвонила ему еще из машины и застала его дома в свободное от дежурства время. Теперь она жалела об этом. Он уже был зол и взвинчен, но не впустить его в гостиную было невозможно, иначе пришлось бы пережить еще один скандал. Она надеялась лишь на то, что ему хватит ума помалкивать и не ставить в дурацкое положение их обоих.

— Хорошо, — пыхтел он. — Покажите мне, что тут происходит.

В гостиной он молча уставился на труп Александра Рента, застывший в луже крови. Корсак был вмятой рубахе и дышал, как всегда, шумно.

Риццоли заметила, что на них косятся Кроу и Слипер, причем Кроу закатил глаза, и она вдруг разозлилась на Корсака за то, что тот явился в таком виде. Она позвонила ему исключительно потому, что он был первым, кто прибыл на место происшествия в дом Йигеров, и ей хотелось, чтобы он сравнил свои впечатления. Но вместо этого она получила пьяного копа, одно присутствие которого было для нее унизительно.

— Похоже, здесь побывал наш паренек, — сказал Корсак.

— Кто бы сомневался, Шерлок Холмс, — хмыкнул Кроу.

Корсак выпучил свои налитые кровью глаза.

— А ты из тех юных гениев, которые все знают?

— Не нужно быть гением, чтобы разобраться, что мы здесь имеем.

— Ну, и что же мы имеем?

— Копию. Ночное вторжение в дом. Застигнутые врасплох супруги.

Жена похищена, мужу перерезали глотку.

— Ну, а где же чашка? — При всей своей неадекватности Корсак все-таки сумел заметить главную нестыковку, которая так беспокоила Риццоли.

— Ее нет.

Корсак уставился на голое колено жертвы.

— Он связывает мужа, усаживает его к стене, чтобы смотрел шоу. Все как в прошлый раз. Но он забыл про систему подстраховки — про чашку. Если он будет занят женой, как сможет уследить за мужем?

— Гент — парень хилый. Вряд ли он представляет собой угрозу. К тому же он связан по рукам и ногам. Как он встанет, чтобы защитить свою жену?

— Я просто сказал, что он изменил тактику.

— Ну, значит, просто переписал сценарий. — Кроу пожал плечами и отвернулся.

— Наш умненький мальчик все знает, не так ли?

В комнате воцарилось молчание. Даже доктор Айлз, которая частенько выступала с ироничными замечаниями, ничего не сказала и лишь наблюдала за происходившим с легкой усмешкой.

Кроу обернулся и едва не прожег Корсака своим испепеляющим взглядом. При этом слова его были адресованы Риццоли:

— Детектив, есть какая-то необходимость в присутствии этого человека на месте происшествия?

Риццоли взяла Корсака за руку. Рука была пухлой и влажной, а в нос ей ударили запах кислого пота.

— Мы еще не видели спальню. Пойдемте.

— Да уж, — расхохотался им вслед Кроу. — Не пропустите спальню.

Корсак вырвался и сделал нетвердый шаг в сторону Кроу.

— Я первым вышел на этого негодяя...

— Пойдемте, Корсак, — попыталась остановить его Риццоли.

— ... вылизал все место преступления в поисках улик. И меня первым следовало вызвать сюда, потому что я знаю его. Я его чую.

— О! Это им так воняет? — спросил Кроу.

— Пойдемте. — Риццоли уже отчаялась утихомирить буйнов. Она боялась, что не сдержит эмоций и выплеснет на этих тупиц всю свою ярость.

На помощь пришел Барри Фрост, который искусно разрядил обстановку. Риццоли никогда не лезла за словом в карман, а Фрост славился как миротворец. Это участь среднего ребенка в семье, как однажды объяснил он ей. Ребенка, у которого нет иного выбора, иначе он получит тумаки от всех вовлеченных в конфликт сторон. Он даже не попытался успокоить Корсака, а вместо этого обратился к Риццоли:

— Вам следует посмотреть, что мы нашли в спальне. Это связывает оба преступления. — С этими словами он прошел через гостиную в другой коридор, и его непринужденная походка как будто говорила: «Если вам интересно посмотреть место действия, следуйте за мной».

Корсак послушно поплелся за ним.

В спальне Фрост, Корсак и Риццоли уставились на смятые простыни, откинутые одеяла и две характерные полосы, протянувшиеся по ковру.

— Их волокли от кроватей, — пояснил Фрост. — Как Йигеров.

Однако Александр Гент значительно уступал доктору Йигеру и в росте, и в мускулатуре, так что убийца довольно быстро справился с задачей, затащив его в гостиную и усадив к стене. И ему было гораздо легче запрокинуть голову жертвы и полоснуть по горлу.

— На комоде, — сказал Фрост и жестом указал на лежавший там предмет.

Это была нежно-голубая сорочка четвертого размера, аккуратно сложенная, забрызганная кровью. Сорочку такого фасона молодая женщина могла выбрать, чтобы привлечь любовника, возбудить мужа. Разумеется, Каренна Гент и представить себе не могла, что однажды этот предмет туалета сыграет свою роль в театре ужасов. Рядом лежали конверты с авиабилетами компании «Дельта Эйрлайн». Риццоли заглянула в них и пробежала глазами маршрут, составленный для музыкантов их агентством.

— Они должны были вылетать завтра утром, — сказала она. — Следующей остановкой был Мемфис.

— Бедняги, — заметил Корсак. — Они так и не увидели Грейсленд.

* * *

Когда Риццоли и Корсак оказались на улице, они забрались в машину и сидели там с открытыми окнами, пока Корсак курил. Он глубоко затягивался сигаретой, а потом с блаженством выпускал дым, совершивший свое черное дело в его легких. Сейчас он выглядел более спокойным и сосредоточенным, чем три часа назад, когда прибыл на место происшествия. Доза никотина как будто обострила его ум. Или просто алкоголь выветрился.

— У вас есть какие-то сомнения в том, что это наш клиент? — спросил он Риццоли.

— Нет.

— «Краймскоуп» не выявил никакой спермы.

— Может, в этот раз он был аккуратнее.

— Или же он не насиловал ее, — предположил Корсак. — Вот почему ему не понадобилась чашка.

Раздраженная дымом, Риццоли отвернулась к открытому окну.

— Убийца не следует жесткому сценарию, — сказала она. — Каждая жертва реагирует по-своему. Это спектакль для двух актеров, Корсак. Для убийцы и жертвы. Каждый из них может повлиять на финал. Доктор Йигер был гораздо более крупным мужчиной в сравнении с Алексом Гентом. Может быть, наш убийца чувствовал себя менее уверенным в присутствии Йигера, поэтому использовал фарфоровую чашку как сигнал тревоги. А с Гентом он не видел такой необходимости.

— Не знаю. — Корсак стряхнул пепел в окно. — Все-таки чашка — это его фирменный знак. Вряд ли он стал бы так вдруг менять почерк.

— Но все остальное сходится, — заметила она. — Обеспеченная пара. Муж так же связан, в той же позе. И пропавшая женщина.

Оба вдруг замолчали, потому что подумали об одном и том же: женщина. Что он сделал с Каренной Гент?

Риццоли уже знала ответ. Хотя фотография Каренны вскоре появится на телеэкранах, сопровождаемая призывом о помощи, а бостонская полиция будет реагировать на каждый телефонный звонок, проверять все ниточки, которые могут вывести на пропавшую темноволосую женщину, Риццоли знала, каков будет результат. Она чувствовала это. Каренна Гент была мертва.

— Тело Гейл Йигер было выброшено спустя два дня после похищения, — напомнил Корсак. — А сейчас что мы имеем? Сутки с

момента нападения.

— Парк Стоуни-Брук, — сказала Риццоли. — Вот куда он принесет ее. Надо усилить группу наблюдения. — Она бросила взгляд на Корсака. — Джо Валантайн каким-то образом вписывается в этот эпизод?

— Я продолжаю работать в этом направлении. Он наконец дал мне образец своей крови. Жду анализа ДНК.

— Его поведение нетипично для виновного. Вы все еще следите за ним?

— Следил. Пока он не написал на меня жалобу, будто я его домогаюсь.

— А вы и вправду его домогались?

Корсак рассмеялся, выпуская облако дыма.

— Что бы я ни делал, этот извращенец, раскрашивающий мертвых старух, все равно рано или поздно расколется, как девчонка.

— Интересно, и как же девчонки колются? — раздраженно парировала она. — Так же, как и мальчишки?

— О, черт. Не морочьте мне голову. Я на свою дочь насмотрелся. Сначала выпендривается, а когда у нее кончаются деньги, начинает подлизываться к своему мерзкому папочке. — Внезапно Корсак выпрямился. — Эй, посмотрите, кто приехал.

На стоянку въехал черный «Линкольн». Риццоли увидела, как из машины вышел Габриэль Дин — подтянутый, атлетически сложенный, как будто сошедший со страниц глянцевого журнала «GQ». Он постоял, оглядывая красный кирпичный фасад дома. Потом подошел к патрульному, стоявшему в оцеплении, и показал свое удостоверение.

Патрульный пропустил его.

— Ну, это уже слишком! — возмутился Корсак. — Теперь я действительно взбешен. Этот самый коп держал меня здесь, словно школьника. А Дину достаточно было лишь махнуть своей «корочкой» и представиться каким-то федеральным агентом, черт побери, и ему — пожалуйста, проходите. Нет, ну почему его пропускают, а?

— Может, потому, что он пришел в гладкой рубашке?

— О да, мне следовало бы нарядиться. Вы только посмотрите на него. Выглядит так, будто у него весь мир в кармане.

Риццоли наблюдала за тем, как ловко Дин балансирует на одной ноге, надевая бахилы; как натягивает перчатки на свои длинные пальцы, будто хирург, готовящийся к операции. Да, внешность многое решала. Корсак был из тех, кто привык спорить и сражаться даже там, где этого не требовалось. И окружающий мир отвечал ему тем же.

— Кто его сюда звал? — спросил Корсак.

— Только не я.

— И все-таки он здесь.

— Он всегда тут как тут. Кто-то сливает ему информацию. Но не из моей команды. Это идет сверху.

Она вновь уставилась на крыльцо. Дин прошел в дом, и она представила его в гостиной, где он рассматривает кровавые потеки, читает по ним сценарий убийства.

— Знаете, я думал об этом, — сказал Корсак. — Дин появился на месте происшествия только через три дня после убийства Йигера. Впервые мы увидели его в Стоуни-Брук, где было обнаружено тело миссис Йигер. Верно?

— Да.

— Так почему же он так долго тянул? На днях мы с вами обсуждали версию о том, что убийство Йигеров было исполнением приговора. Что они были втянуты в какой-то криминал. Если бы они находились в поле зрения федералов — ну, под следствием или под наблюдением, можно предположить, что федералы объявились бы на месте преступления первыми. Но они ждали три дня, и только тогда вступили в игру. Что их заставило? Что заинтересовало?

Она посмотрела на него.

— Вы отправляли отчет по форме ВИКАП?

— Да. Целый час потратил, чтобы закончить его. Сто восемьдесят девять вопросов. Всякая галиматья вроде: «Была ли какая-нибудь часть тела откушена? Какие предметы были засунуты в какие отверстия?» Теперь придется составлять дополнительный отчет по миссис Йигер.

— Вы запрашивали консультацию, когда передавали отчет?

— Нет. Зачем мне спрашивать совета у ФБР, если я и так все знаю? Я просто исполнил свою должностную обязанность, заполнил форму ВИКАП.

ВИКАП — программа выявления насильственных преступников — была разработана ФБР и являлась своего рода базой данных по самым тяжким преступлениям. Вечно пребывающие в цейтноте полицейские не успевали заполнять длинные опросные листы ВИКАП, а многие даже и не стремились к этому.

— Когда вы отправили свой отчет? — спросила она.

— Сразу же после вскрытия доктора Йигера.

— И тогда же появился Дин. На следующий день.

— Вы думаете, дело в этом? — спросил Корсак. — Он из-за него примчался?

— Возможно, ваш отчет поднял тревогу.
— Что же их так заинтересовало в нем?
— Не знаю. — Она посмотрела на дверь, за которой исчез Дин. — И совершенно очевидно, что он нам этого не скажет.

11

Джейн Риццоли нельзя было отнести к меломанам. Ее любовь к музыке исчерпывалась коллекцией компакт-дисков с несложными композициями и двухлетним опытом игры на трубе в школьном оркестре. Труба привлекала ее тем, что звучала громче всех, не то что писклявые кларнеты и флейты, на которых играли другие девчонки. Нет, Риццоли хотела, чтобы ее было слышно, поэтому и оказалась среди мальчишеск-трубачей. Ей нравилось, когда из ее инструмента вырывались оглушительные звуки.

К сожалению, слишком часто звуки оказывались фальшивыми.

После того как отец запретил ей трубить где-либо, кроме как на задворках, а соседские собаки стали выть в знак протesta, она рас прощалась с трубой до лучших времен. К тому же у нее хватило ума признать, что голого энтузиазма и мощных легких недостаточно, чтобы компенсировать отсутствие таланта.

С тех пор музыка значила для нее чуть больше, чем ненавязчивые мелодии в лифте или звуки автомобильных клаксонов. В концертном зале на углу Хантингтон и Масс-авеню она была всего дважды в своей жизни, и оба раза еще школьницей, когда их водили на репетиции Большого симфонического оркестра. В 1990 году к зданию пристроили крыло Коэн-Винг, и здесь ей еще не доводилось бывать. Когда они вошли сюда с Фростом, она поразилась, насколько современно выглядит здание — совсем не то мрачное и массивное, каким она его помнила.

Они показали «корочки» пожилому охраннику, который заметно расправил свою сгорбленную спину, когда увидел, что посетители из отдела убийств.

— Вы по поводу Гентов? — спросил он.

— Да, сэр, — ответила Риццоли.

— Ужасно. Просто ужасно. Я видел их на прошлой неделе, сразу после их приезда в город. Они заехали, чтобы посмотреть зал. — Он покачал головой. — Такая красивая молодая пара.

— Вы дежурили в тот вечер, когда они выступали?

— Нет, мэм. Я работаю только днем. Мне нужно уходить в пять, чтобы сменить сиделку. Понимаете, моей жене требуется круглосуточный уход. Она может забыть выключить газ... — Он запнулся, покраснев. — Но я так понимаю, вас не это интересует. Вы, наверное, пришли к Эвелин?

— Да. Как пройти в ее кабинет?

— Ее там нет. Я видел, как несколько минут назад она прошла в концертный зал.

— Там репетиция или что-то еще? — поинтересовалась Риццоли.

— Нет, мэм. У нас сейчас мертвый сезон. На лето оркестр выезжает в Тэнглвуд. В это время года у нас только редкие гастролеры.

— Так мы можем пройти прямо в зал?

— Мэм, у вас ведь удостоверение. А с ним, как мне кажется, можно пройти куда угодно.

* * *

Они не сразу заметили Эвелин Петракас. Оказавшись в полутемном зале, детективы увидели перед собой лишь ряды пустых кресел, слегка спускающиеся вниз, к освещенной сцене. Они двинулись по проходу на свет, и деревянный пол заскрипел у них под ногами словно палуба старого корабля. Уже почти возле самой сцены они услышали обращенный к ним вопрос:

— Я могу вам чем-то помочь?

Щурясь от яркого сценического света, Риццоли развернулась к темному залу.

— Мисс Петракас?

— Да.

— Я детектив Риццоли. А это детектив Фрост. Мы можем поговорить с вами?

— Я здесь. В последнем ряду.

Они прошли к задним рядам. Эвелин не поднялась со своего кресла и так и сидела, словно прячась от света. Она уныло кивнула им. Детективы сели по бокам от нее.

— Я уже разговаривала с полицейским вчера ночью, — сказала Эвелин.

— С детективом Слипером?

— Да. Кажется, так его звали. Пожилой такой мужчина, очень приятный. Я знаю, что мне следовало дождаться других детективов, но я была вынуждена уйти. Просто я больше не могла оставаться в том доме... — Она устремила взгляд на сцену, словно загипнотизированная действием, которое видела только она. Даже в полумраке Риццоли могла различить, что у женщины красивое лицо, ей около сорока, и в ее темных

волосах пробивается ранняя седина. — У меня здесь много дел, — сказала Эвелин. — Вся эта кутерьма с возвратом билетов. Да и пресса понаехала. Мне нужно было вернуться и все уладить. — Она устало усмехнулась. — Как всегда, принять огонь на себя. Это моя работа.

— Все-таки, в чем конкретно заключается ваша работа, мисс Петракас? — спросил Фрост.

— Вы хотите знать, как официально называется моя должность? — Она пожала плечами. — Координатор программ гастролирующих артистов. То есть я должна сделать все, чтобы в Бостоне им было хорошо. Вы не поверите, насколько беспомощными бывают музыканты. Они проводят жизнь в репетиционных залах и студиях. Реальный мир для них загадка. Ну, начать с того, что я рекомендую им место жительства. Организую встречи-проводы в аэропорту. Вазу с фруктами в гостиничном номере. Короче, весь набор услуг.

— Когда вы впервые встретились с Рентами? — спросила Риццоли.

— На следующий день после их приезда в город. Я поехала забрать их из дома. Они не могли взять такси, потому что у Алекса громоздкий футляр с виолончелью. А у меня минивэн с раскладывающимся задним сиденьем.

— Вы возили их по городу, пока они находились здесь?

— Только из дома в концертный зал и обратно.

Риццоли заглянула в свой блокнот.

— Насколько мне известно, дом в Бикон-Хилл принадлежит члену совета директоров симфонического оркестра Кристоферу Харму. Он часто приглашает музыкантов останавливаться у него?

— Да, на лето, пока он в Европе. Все-таки дом — это лучше, чем номер в гостинице. Мистер Харм доверяет классическим музыкантам. Он знает, что они будут поддерживать в доме порядок.

— А кто-нибудь из гостей мистера Харма жаловался когда-нибудь на проблемы в этом доме?

— Проблемы?

— Ну, скажем, воришки, окружение — все, что могло доставлять неудобство.

Эвелин покачала головой.

— Это Бикон-Хилл, детектив. Лучшее место для жизни трудно найти. Я знаю, что Алексу и Каренне там очень нравилось.

— Когда вы видели их в последний раз?

Эвелин с трудом проглотила слюну и тихо произнесла:

— Вчера вечером. Когда обнаружила Алекса...

— Я имела в виду живыми, мисс Петракас.

— О! — Эвелин смущенно усмехнулась. — Разумеется. Извините, я как-то не подумала. Просто очень трудно сосредоточиться. — Она покачала головой. — Я даже не знаю, зачем вообще пришла сегодня на работу. Если бы не эти неотложные дела...

— Так когда вы видели их в последний раз? — поторопила ее Риццоли.

На этот раз Эвелин ответила уже более уверенным голосом:

— Это было накануне вечером. После концерта я отвезла их обратно в Бикон-Хилл. Примерно около одиннадцати.

— Вы просто высадили их из машины? Или вместе с ними зашли в дом?

— Я высадила их прямо перед домом.

— Вы видели, что они зашли в дом?

— Да.

— Выходит, они не пригласили вас зайти?

— Думаю, они здорово устали. И испытывали легкое разочарование.

— Почему?

— Понимаете, они так долго ждали гастролей в Бостоне, а народу в зале было немного. А ведь наш город называют столицей музыки. И если уж у нас такая малочисленная публика, на что они могли рассчитывать в Детройте или Мемфисе? — Эвелин печально уставилась на сцену. — Мы динозавры, детектив. Так сказала Каренна, когда мы ехали в машине. Кто теперь слушает классическую музыку? Большинство молодых людей предпочитают видеоклипы и орующих в микрофоны певцов. В общем, один только секс, мишуря и глупые костюмы. Разве это имеет какое-то отношение к музыке?

— Абсолютно никакого, — согласился Фрост, охотно подхватывая тему. — Знаете, мисс Петракас, мы с женой на днях тоже об этом говорили. Элис любит классическую музыку. По-настоящему. Каждый год мы покупаем абонементы в концертный зал.

Эвелин грустно улыбнулась.

— Тогда, боюсь, и вы динозавр.

Уже собираясь уходить, Риццоли заметила глянцевую программку, лежавшую на сиденье впереди. Она нагнулась и взяла ее в руки.

— Генты здесь есть? — спросила она.

— Откройте страницу номер пять, — сказала Эвелин. — Там их рекламное фото.

Это была фотография двух влюбленных.

Каренна, изящная и элегантная в черном платье с открытым плечом,

смотрела снизу вверх в улыбающиеся глаза мужа. Ее лицо светилось от счастья. Александр озорно улыбался ей, и светлый локон падал ему на глаза.

— Они были красивы, не правда ли? — тихо произнесла Эвелин. — Знаете, это очень странно. У меня не было возможности посидеть и поговорить с ними по душам. Но я очень хорошо знаю их музыку. Я слушала их записи. Видела их на сцене. Многое можно сказать о человеке, если послушать его музыку. Я хорошо запомнила, с какой нежностью они играли. Да-да, именно этим словом можно описать их. Они были очень нежными людьми.

Риццоли посмотрела на сцену и представила себе Александра и Каренну в тот вечер, вечер их последнего выступления. Сияющие под лампами ее черные волосы, его виолончель. И их музыка, словно голоса влюбленных, поющие друг другу.

— В тот вечер их последнего концерта, — произнес Фрост, — вы сказали, они были несколько расстроены.

— Да.

— А сколько народа было в зале?

— Кажется, мы продали около четырехсот пятидесяти билетов.

Четыреста пятьдесят пар глаз, устремленных на сцену, подумала Риццоли. На сцену, где признаются друг другу в любви двое музыкантов. Какие чувства пробуждали Генты у своих слушателей? Удовольствие от хорошей музыки? Радость созерцания влюбленных? А может, в ком-то из тех, кто был в зале, проснулись мрачные инстинкты? Голод. Зависть. Непреодолимое желание завладеть чужой собственностью.

Она вновь перевела взгляд на фотографию Гентов.

Что тебя так возбудило — ее красота? Или их любовь?

* * *

Она выпила черного кофе и уставилась на стопку досье, по-прежнему ожидавшую ее на рабочем столе. Ричард и Гейл Йигеры. Леди Рахит. Александр Гент. И человек из самолета, который, хотя больше и не считался жертвой убийства, все-таки не давал ей покоя. Как и все мертвые. Это был нескончаемый поток трупов, и каждый требовал ее внимания, у каждого была своя история, в которой Риццоли приходилось копаться. Она так давно этим занималась, что ей уже казалось, будто все мертвецы перемешались словно скелеты в общей могиле.

Когда в полдень на пейджер пришло сообщение о том, что готов анализ ДНК, она испытала некоторое облегчение: представлялась возможность хотя бы ненадолго отвлечься от этой стопки с незавершенными делами. Она встала из-за стола и поспешила в южное крыло здания.

Лаборатория по исследованию ДНК находилась в комнате под номером S253, а на пейджер ей звонил криминалист Уолтер Де Грот, светловолосый голландец с бледным лицом, как будто не от мира сего. Обычно он морщился при виде нее, поскольку она приходила лишь затем, чтобы поторопить с анализами, но сегодня Де Грот встретил ее широкой улыбкой.

— Я проявил авторад, — объявил он. — Вон висит, сохнет.

Авторад, или авторадиограмма, представляла собой рентгеновский снимок фрагментов ДНК. Де Грот снял снимок с веревки и поместил его на экран. Параллельные цепочки из темных пятен протянулись сверху вниз.

— То, что вы здесь видите, — начал он, — есть краткое изложение парных повторений. Я извлек ДНК из различных источников, которые вы мне предоставили, и выделил фрагменты с характерным рисунком. Это не гены как таковые, но участки ДНК, которые повторяются. Они могут служить хорошей сравнительной базой.

— Ну и что это за цепочки? Чему они соответствуют?

— Первые две — те, что слева, являются контрольными. Номер один — это стандартная ДНК, позволяющая оценивать все прочие образцы. Цепочка номер два — стандартная клеточная дорожка, тоже используемая как контрольная. Цепочки три, четыре и пять — это образцы, взятые из известных источников.

— Каких источников?

— Цепочка номер три — это подозреваемый Джо Валантайн. Номер четыре — доктор Йигер. Номер пять — миссис Йигер.

Взгляд Риццоли уперся в цепочку номер пять. Ее разум отказывался постичь тот факт, что перед ней то самое пятнышко, из которого развилась Гейл Йигер. Ей казалось невероятным, что человеческое существо — от кончиков волос до интонаций голоса — может быть разложено на крохотные составляющие в виде этих цепочек из темных пятен. Она не видела ничего человеческого в этой радиограмме, не видела женщины, которая любила своего мужа и оплакивала матерь.

Неужели мы все такие? Цепочки химических соединений? Где же здесь место для души?

Она перевела взгляд на крайние полосы справа.

— А это что? — спросила она.

— Эти образцы из неопознанного источника. Образец номер шесть — сперма, взятая с ковра в доме Йигеров. Образец номер семь — свежая сперма, изъятая из вагины Гейл Йигер.

— Эти две последние очень похожи.

— Совершенно верно. Оба неопознанных образца ДНК принадлежат одному и тому же мужчине. И, если вы заметили, это не доктор Йигер и не мистер Валантайн. Так что мистера Валантайна в качестве поставщика спермы можно исключить.

Она уставилась на неопознанные полоски ДНК. Перед ней был генетический код чудовища.

— Вот он, ваш неизвестный, — сказал Де Грот.

— Вы уже передали это в базу данных КОДИС? Может, мы уговорим их сделать сверку побыстрее?

КОДИС — общенациональная база данных ДНК, хранила генетические коды тысяч осужденных преступников, а также коды неопознанных образцов, изъятых на местах преступлений по всей стране.

— Собственно говоря, я потому и позвонил вам. На прошлой неделе я послал им образец ДНК с пятна на ковре.

Она вздохнула.

— Это значит, что мы узнаем результаты через год.

— Нет. Мне только что позвонил агент Дин. Так вот ДНК вашего неизвестного не значится в базе данных КОДИС.

Риццоли удивленно посмотрела на него.

— Это агент Дин сообщил вам?

— Должно быть, он надавил на этих ребят или еще что. За все время, что я здесь работаю, никогда еще запрос в КОДИС не обрабатывался так быстро.

— Вы получили подтверждение напрямую от КОДИС?

— Вообще-то нет. Я так понял, что агент Дин... — нахмурился Де Грот.

— Пожалуйста, позвоните им. Я хочу, чтобы результат подтвердили официально.

— У вас есть какие-то... мм... сомнения в надежности Дина?

— Давайте спросим просто на всякий случай, договорились? — Она опять взглянула на снимки, развешанные на экране. — Если наш мальчик действительно не значится в КОДИС...

— Значит, у вас новичок, детектив. Или кто-то, кому удалось не засветиться в системе.

В раздражении она уставилась на загадочные цепочки из пятен. У нас есть его ДНК, подумала она. И генетический портрет. Но его имени мы до сих пор не знаем.

* * *

Риццоли вставила компакт-диск в проигрыватель и села на диван, попутно вытирая полотенцем мокрые волосы. Из колонок полились густые звуки виолончели. Не будучи поклонницей классической музыки, она все-таки купила в сувенирном киоске концертного зала диск с ранними записями Гента. Если уж ей предстояло подробно изучить обстоятельства его смерти, то нeliшне было бы побольше узнать и о его жизни. Большую часть которой составляла музыка.

Смычок Гента скользил по струнам, словно по океанским волнам, рождая мощную мелодию сюиты Баха № 1 соль мажор. Эта запись была сделана, когда ему было всего восемнадцать. Он сидел в студии, и его теплые пальцы перебирали струны, уверенно сжимая смычок. Теперь эти же пальцы — белые и неподвижные — стыли в холодильнике морга, и его музыка навеки умолкла. Сегодня утром Риццоли присутствовала на вскрытии и обратила внимание на длинные тонкие пальцы музыканта, представила, как они порхали над струнами виолончели. Эти пальцы смогли заставить неодушевленный предмет издавать такие волшебные звуки!

Она взяла в руки обложку компакт-диска и взгляделась в его фотографию, сделанную, когда он был еще мальчиком. Взгляд опущен, левая рука обвивает инструмент, прижимая его к телу, — так в один прекрасный день он обнимет свою жену, Каренну. Риццоли очень хотела купить диск с записями их совместных концертов, но, к сожалению, все уже были распроданы. На прилавке оставался лишь диск Александра. Одинокая виолончель, тоскующая по своей подруге. И где она теперь, эта подруга? Жива и корчится в муках перед лицом неизбежной смерти? А может, боль уже в прошлом, и тело ее на ранней стадии разложения?

Зазвонил телефон. Риццоли приглушила звук проигрывателя и схватила трубку.

- Вы дома? — удивился Корсак.
- Я заехала принять душ.
- Я звонил несколько минут назад, вы не отвечали.
- Наверное, не слышала. Что случилось?

— Это я хочу знать, что случилось.

— Если у меня будут новости, я вам первому сообщу.

— Да? Как уже было сегодня? Про ДНК Валентайна я почему-то узнаю от лаборанта.

— Я просто не успела вам позвонить. Моталась как сумасшедшая.

— Помните, я первый привлек вас к этому делу.

— Я не забыла.

— Знаете, — сказал Корсак, — уже пятьдесят часов прошло, как он ее похитил.

Вероятно, Каренна Гент мертва уже двое суток, подумала Риццоли. Но смерть не отпугнет убийцу. Она только усилит аппетит. Он посмотрит на труп и увидит в нем объект желания. Объект для обладания. Она не может сопротивляться. Она холодна, пассивна, смиряется с любыми надругательствами. Она — идеальная любовница.

Мелодия звучала еле слышно, и виолончель Александра, казалось, оплакивала кого-то. Риццоли знала, к чему клонит Корсак, догадывалась, чего он хочет. Только вот не знала, как успокоить его. Она поднялась с дивана и выключила проигрыватель. Даже в наступившей тишине ей мерещились звуки виолончели.

— Если все будет как в прошлый раз, он привезет ее в лес сегодня вечером, — сказал Корсак.

— Мы готовы взять его.

— Так я член команды или нет?

— Но у нас есть группа наблюдения.

— Там нет меня. Разве вам не нужна лишняя пара глаз?

— У нас расписаны все обязанности. Послушайте, я позвоню вам, как только...

— Хватит кормить меня обещаниями, понятно? Так я и буду сидеть у телефона, как клуша. Я знаю этого негодяя дольше, чем вы, дольше, чем кто-либо. Как бы вы себя почувствовали, если бы кто-то вклинился в вашу игру? Вывел бы вас из дела? Подумайте сами.

Она понимала его состояние. Понимала как никто другой, поскольку с ней это уже было. Однажды ее тоже отодвинули в сторонку, в то время как другие устремились вперед, к победе.

Она взглянула на часы.

— Я выхожу прямо сейчас. Если вы хотите присоединиться ко мне, тогда встречаемся на месте.

— А где ваше место наблюдения? — уточнил Корсак.

— Зона парка вдоль дороги от Смит-Плейграунд. Мы можем

встретиться у гольф-клуба.

— Я буду.

12

В два часа ночи воздух в Стоуни-Брук был густым и тяжелым. Риццоли и Корсак сидели в ее машине, припаркованной почти вплотную к кустам. С этой позиции они могли видеть все автомобили, въезжавшие в парк с востока. Дополнительные наблюдательные посты были выставлены вдоль Эннекинг-Парквей — главной аллеи, которая тянулась через весь парк. Если бы кто-то заехал на одну из стоянок, его бы тотчас блокировали патрули. Засада была выставлена профессионально, и вырваться из сетей вряд ли кому удалось бы.

В жилете, Риццоли задыхалась. Она опустила стекло и вдохнула запах опавших листьев и влажной земли. Запах леса.

— Вы так москитов напустите, — заныл Корсак.

— Мне необходим свежий воздух. В машине так накурено, дышать невозможно.

— Да я только первую сигарету прикурил. И никакого запаха нечувствую.

— Курильщики никогда не чувствуют.

Он посмотрел на нее.

— Господи, вы весь вечер ко мне цепляетесь. У вас проблемы из-за меня — тогда, может, поговорим?

Риццоли уставилась на дорогу, темную и пустынную.

— Дело не в вас, — сказала она.

— А в ком тогда? — Не дождавшись ответа, он понимающе хмыкнул. — Ох, опять этот Дин. Ну, и что он натворил на сей раз?

— Несколько дней назад он нажаловался на меня Маркетту.

— И что сказал?

— Что я не годусь для этой работы. Что, возможно, мне необходимо проконсультироваться у психолога по поводу нерешенных проблем.

— Он имел в виду Хирурга?

— А вы как думаете?

— Ну и мерзавец!

— А сегодня я узнаю, что мы получили немедленный ответ на наш запрос из КОДИС. Такого прежде никогда не было. Выходит, Дину достаточно лишь пальцами щелкнуть, и все вокруг начинают подпрыгивать. Мне просто интересно, что он здесь все-таки делает.

— Ну, эти федералы все такие. Говорят ведь: кто владеет

информацией, тот вооружен, верно? Поэтому они и утаивают ее от нас, играют эдаких мачо. Мы с вами просто пешки для этого чертова Джеймса Бонда.

— Вы начинаете путать их с ЦРУ.

— ЦРУ, ФБР — один черт. — Корсак пожал плечами. — Все эти агентства кормятся секретами.

Затрещала рация:

— Говорит третий. У нас машина, последняя модель седана, движется к югу по Эннекинг-Парквей.

Риццоли напряглась в ожидании сообщения с другого поста. На этот раз прозвучал голос Фроста, который дежурил в следующей машине:

— Говорит второй. Мы его видим. Продолжает движение к югу. Не похоже, что он сбавляет скорость.

Через несколько секунд доложил третий наблюдатель:

— Пятый. Объект только что проехал пересечение с Болд-Ноб-роуд. Следует к выезду из парка.

Не наш.

Даже ночью Эннекинг-Парквей оказался весьма оживленной трассой. Они сбились со счету, отслеживая автомобили. Ложные тревоги, прерывавшие длительные интервалы тягостного ожидания, сожгли в ней весь запас адреналина, и теперь ее неудержимо тянуло в сон.

Разочарованно вздохнув, Риццоли откинулась на спинку сиденья. За лобовым стеклом маячила темнота, и в ней изредка вспыхивали огоньки светлячков.

— Ну иди же, сукин сын, — бормотала она. — Иди к мамочке...

— Хотите кофе? — предложил Корсак.

— Спасибо.

Он налил из своего термоса кофе и передал ей чашку. Кофе был черный, горький и отвратительный, но она все равно выпила.

— Что-то я сегодня переборщил, — сказал он. — Положил две ложки вместо одной. От этого кофе волосы дыбом встают во всех местах.

— Может быть, это как раз то, что мне сейчас нужно.

— Я вот думаю, если мне пить побольше этой дряни, может, волосы на голову перекочуют? — вяло пошутил Корсак.

Риццоли взгляделась в темноту, представив себе ночную жизнь лесных обитателей. Зубастые хищники. Она вспомнила изъеденные останки Леди Рахит и подумала про енотов, грызущих ребра, и собак, гоняющих голову как мяч. В общем, все совсем не как в сказке про Бэмби.

— Я теперь даже говорить не могу о Хойте, — сказала она. — Стоит

мне упомянуть его имя, как на меня начинают смотреть с жалостью. Вчера я попыталась провести параллель между Хирургом и нашим неизвестным, так во взгляде Дина явственно сквозило: «У нее до сих пор Хирург на уме». Он считает, что у меня навязчивая идея. — Она вздохнула. — Может, это и так. Может, это останется навсегда. В каждом преступлении мне будет мерещиться его почерк. Каждый убийца будет иметь его лицо.

По радио раздался голос диспетчера:

— У нас запрос на осмотр территории, кладбище Фэйрвью. Есть какие-то машины в этом районе?

Никто не ответил.

Диспетчер повторил:

— У нас вызов на осмотр территории, кладбище Фэйрвью. Возможно незаконное проникновение. Номер двенадцатый, вы все еще в этом районе?

— Говорит двенадцатый. Мы на Ривер-стрит, у дома 1040. Здесь вызов по коду один.

— Вас понял. Номер пятнадцатый! Что у вас?

— Говорит пятнадцатый. Мы в Уэст-Роксбери. Эти ребята до сих пор не успокоятся. Думаю, пробудем здесь еще полчаса, от силы час, потом сможем выехать на Фэйрвью.

— Кто-нибудь есть свободный? — спросил диспетчер, гоняя радиоволну в поисках свободной патрульной машины. В теплую субботнюю ночь рутинный осмотр кладбища не входил в число приоритетных вызовов. Мертвые могли подождать, важнее было разобраться с буйными супружескими парами или вандалами-подростками.

Тишину, воцарившуюся в радиоэфире, нарушил кто-то из команды Риццоли.

— Говорит пятый. Мы на Эннекинг-Парквей. Отсюда до кладбища Фэйрвью рукой подать...

Риццоли схватила микрофон и нажала на кнопку трансляции.

— Пятый, это первый, — вмешалась она. — Не покидать пост. Понятно?

— Да у нас пять машин на слежке...

— Кладбище не наше дело.

— Первый, — произнес диспетчер. — Все патрули на вызовах. Может, все-таки освободите кого-нибудь из своих?

— Нет. Я хочу, чтобы моя команда продолжала наблюдение. Понятно, пятый?

— Десять-четыре. Задерживаемся. Диспетчер, мы не можем выехать на осмотр кладбища.

Риццоли вздохнула. Возможно, утром ей и нагорит за это, но она не собиралась отпускать ни единой машины из команды наблюдения, тем более на столь тривиальный вызов.

— Нельзя сказать, чтобы мы были активно задействованы, — заметил Корсак.

— Когда настанет момент, действие будет разворачиваться очень быстро. И я никому не позволю рушить мой план.

— Помните, о чём мы только что говорили? О навязчивой идее?

— Не начинайте все заново.

— Да нет, что же я враг себе, что ли? Вы ведь мне голову открутите. — Он распахнул свою дверцу.

— Куда вы?

— Отличь. Нужно разрешение?

— Я просто спросила.

— Это кофе просится наружу.

— Ничего удивительного. Ваш кофе где хочешь дыру прожжет.

Корсак вышел из машины и пошёл в лес, на ходу расстегивая ширинку. Он даже не удосужился зайти за дерево и стал мочиться прямо в кусты. Это уже было слишком, и она отвернулась. В каждом классе свои хулиганы — Корсак был из тех, кто открыто сморкался, с удовольствием рыгал и носил на рубашке следы от ланча. У него были влажные и грязные руки, прикасаться к которым совсем не хотелось, хотя бы из чувства брезгливости. Она испытывала к нему и отвращение, и жалость. Посмотрев на кофе, который он ей налил, Риццоли выплеснула остатки в окно.

В этот момент ожила рация, и она переключила внимание.

— У нас автомобиль, который следует на восток по Дедхэм-Парквей. Похоже на желтое такси.

— Такси в три утра? — напряглась Риццоли.

— Я просто докладываю.

— Куда едет?

— Только что свернул на Эннекинг.

— Второй! — вызвала Риццоли следующий пост.

— Второй слушает, — откликнулся Фрост. — Да, мы его видим. Только что проехал мимо... — Пауза. И внезапное напряжение в голосе: — Он притормаживает...

— Что?!

— Тормозит. Похоже, он собирается остановиться.

— Где это? — крикнула Риццоли.

— Стоянка в лесу. Он только что заехал туда!

Это он.

— Корсак, есть! — прошипела она из окна. Она чувствовала, как дрожит от волнения каждый нерв.

Корсак застегнул брюки и вернулся в машину.

— Что? Что?

— Автомобиль только что съехал с Эннекинг... Второй, что он делает?

— Просто сидит в машине. Фары потушены.

Она подалась вперед, сильнее вдавливая в ухо наушник. Время шло, эфир молчал, все затаились в ожидании.

Он проверяет территорию. Хочет убедиться в полной безопасности.

— Ждем указаний, Риццоли, — заговорил Фрост. — Брать его?

Она колебалась, взвешивая все варианты. Опасаясь слишком рано захлопнуть ловушку.

— Постойте, — сказал Фрост. — Он опять включил фары. А, черт, он выезжает со стоянки. Кажется, передумал.

— Он заметил вас, Фрост? Заметил?

— Я не знаю! Он выехал обратно на Эннекинг. Следует в направлении на север...

— Мы спугнули его! — В эту долю секунды в ее голове выкисталлизовалось единственно верное решение. Она рявкнула в микрофон: — Всем постам, вперед, вперед, вперед! Блокируйте его немедленно!

Она запустила двигатель и резко тронула с места. Колеса бешено крутились, оставляя глубокую борозду в мягкой грязи и опавшей листве, ветки деревьев яростно хлестали по лобовому стеклу. Скрип тормозов патрульных машин и вой сирен разорвали ночную тишину.

— Говорят третий. Мы заблокировали Эннекинг с севера...

— Говорят второй. Преследую...

— Он приближается! Бьет по тормозам...

— Блокируйте его! Блокируйте!

— Не атакуйте самостоятельно! — приказала Риццоли. — Дождитесь подкрепления!

— Понял. Его автомобиль остановился. Мы заняли позицию.

К моменту приезда Риццоли Эннекинг-Парквей уже была запружена полицейскими машинами и пестрела огнями мигалок. Риццоли даже зажмурилась от яркого света. Погоня здорово всех взбодрила, и она слышала нотки лихорадочного возбуждения в голосах разгоряченных мужчин. Фрост широко распахнул дверцу задержанного автомобиля, и голова водителя оказалась под прицелом десятка пистолетов.

— Выйти из машины, — скомандовал Фрост.

— Что... что я сделал?

«Выйти из машины». Ночь, проведенная в засаде, вывела из себя даже Барри Фроста, и в его голосе уже звучали угрожающие нотки.

Таксист медленно вылез из машины, высоко подняв руки. Как только его ноги коснулись земли, его быстро скрутили и уложили лицом вниз на капот.

— Что я сделал? — кричал он, пока его обыскивал Фрост.

— Назовите ваше имя! — приказала Риццоли.

— Я не понимаю, в чем дело...

— Ваше имя!

— Виленски. — Он всхлипнул. — Вернон Виленски...

— Проверим, — сказал Фрост, читая водительское удостоверение таксиста. — Вернон Виленски, белый, мужчина, год рождения тысяча девятьсот пятьдесят пятый.

— Совпадает с разрешением на извоз, — подтвердил Корсак, который залез в салон и сверился с бумажкой, прикрепленной к солнцезащитному щитку.

Риццоли огляделась по сторонам, щурясь от яркого света фар, наступавших со всех сторон. Даже в три часа ночи парковая аллея не пустовала и, перекрытая полицейскими машинами, грозила превратиться в гигантскую пробку в обоих направлениях.

Она опять перевела взгляд на таксиста. Схватив его за рубашку, она развернула его лицом к себе и направила луч фонарика прямо в глаза. Перед ней был мужчина средних лет, с поредевшей шевелюрой и морщинистой кожей, еще больше съежившейся под безжалостным светом фонаря. Не таким она представляла себе лицо неизвестного маньяка. Ей слишком часто доводилось смотреть в глаза убийц, и лица этих монстров навсегда остались в ее памяти. Но этот испуганный человечек никак не вписывался в галерею тех образов.

— Что вы здесь делаете, мистер Виленски? — спросила она.

— Я просто... приехал на вызов.

— Какой вызов?

— Какой-то парень позвонил, вызвал такси. Сказал, что у него кончился бензин на Эннекинг-Парквей...

— Где он?

— Я не знаю! Я остановился там, где он должен был ждать, но его там не оказалось. Поверьте, это какая-то ошибка. Позвоните моему диспетчеру! Она подтвердит мои слова!

Риццоли обратилась к Фросту:

— Попросите открыть багажник.

Лишь только шагнув к багажнику, она почувствовала, что ее начинает подташнивать от нехорошего предчувствия. Подняв крышку, она осветила фонариком темное нутро. Секунд пять, которые показались вечностью, она молча смотрела в пустой багажник, и тошнота усилилась, угрожая обернуться полноценной рвотой. Она натянула перчатки. Чувствуя, как полыхает лицо, а грудь сдавливает отчаянием, она стала срывать серую ковровую обивку, под которой обнаружились запасная шина, домкрат и какие-то инструменты. Она никак не могла остановиться; накопившаяся ярость толкала ее вперед, заставляя рвать обшивку, заглядывать в каждую щель. Она была словно сумасшедшая, отчаянно пытающаяся вырваться на свободу из насильственного заточения. Когда рвать уже было нечего, поскольку под руками был голый металл, она обреченно уставилась в пустоту, отказываясь мириться с тем, что и так бросалось в глаза, — неоспоримым доказательством того, что она проиграла.

Инсценировка. Это была инсценировка, чтобы отвлечь нас. Но от чего?

Ответ пришел с пугающей скоростью. По радио передали вызов:

— Десять-пятьдесят четыре, десять-пятьдесят четыре, кладбище Фэйрвью. Всем патрулям, десять-пятьдесят четыре, кладбище Фэйрвью.

Она встретилась взглядом с Фростом, и это мгновение обернулось для них обоих осознанием страшной реальности. Десять-пятьдесят четыре. Код убийства.

— Оставайтесь с таксистом! — приказала она Фросту и бросилась к своей машине. В этом месиве ее машина, по счастью, оказалась с краю, так что вырулить было несложно. Уже вставляя ключ в зажигание, она все продолжала ругаться себя за собственную глупость.

— Эй! Эй! — раздался крик Корсака. Он бежал рядом с машиной и барабанил в дверь.

Она притормозила лишь на секунду, которой ему хватило, чтобы впрыгнуть и захлопнуть за собой дверь. Тогда она выжалла в пол педаль акселератора, так что бедняга Корсак едва удержался на сиденье.

— Какого черта? Вы что, хотели оставить меня? — заорал он.

— Пристегнитесь.

— Я ведь не какой-то там попутчик.

— Пристегивайтесь!

Он протянул через плечо ремень безопасности и щелкнул застежкой. Даже несмотря на треск радио она слышала его затрудненное дыхание,

щедро сдобренное одышкой.

— Первый выехал на десять-пятьдесят четыре, — доложила она диспетчеру.

— Где вы?

— Эннекинг-Парквей, только что проехали пересечение с Тертл-Понд. Через минуту будем на месте.

— Вы первые.

— Как обстановка?

— Нет информации. Предполагается десять-пятьдесят восемь.

Вооружен и крайне опасен.

Риццоли не спускала ногу с педали газа. Дорога на кладбище Фэйрвью появилась так скоро, что она едва не проскочила мимо. На бешеной скорости, едва вписавшись в поворот, Риццоли крепко сжала руль.

— Ух ты! — У Корсака перехватило дыхание, когда они чуть не врезались в придорожный камень. Чугунные ворота кладбища были распахнуты, и она заехала на территорию. На кладбище было темно, и в свете фар надгробия выделялись, словно белые зубы на черном фоне ровных дорожек.

Шагах в ста от ворот стоял автомобиль частной охраны. Дверца со стороны водителя была открыта, и в салоне горела лампочка. Риццоли ударила по тормозам и, выйдя из машины, инстинктивно схватилась за оружие. Она едва отдавала себе отчет в своих действиях, сейчас ее почему-то больше волновали детали: запах свежескошенной травы и влажной земли, гулкое биение собственного сердца.

И страх. Впиваясь взглядом в темноту, она чувствовала его липкое прикосновение. Кладбище могло быть такой же инсценировкой, как и такси. Кровавой игрой, в которую она оказалась втянутой, сама того не сознавая.

Она оцепенела, когда ее взгляд выхватил из темноты лужу возле мемориального обелиска. Посветив фонарем, она увидела скрюченное тело охранника.

Подойдя ближе, она ощутила запах крови. Этот запах нельзя было спутать ни с каким другим, он автоматически включал в ее мозгу самый примитивный сигнал тревоги. Она встала коленями на траву, еще влажную от крови, еще теплую. Корсак стоял рядом, выдавая себя сиплым, похожим на похрюкивание, дыханием, и тоже светил фонарем.

Охранник лежал лицом вниз. Она перевернула его на спину.

— Боже! — едва не задохнулся Корсак, отпрянув так резко, что луч его фонарика взметнулся прямо в небо.

Фонарь в руках Риццоли тоже заметно дрожал, когда она смотрела на практически отрубленную шею, мерцающие белым хрящи на фоне развороченной плоти. Зрелище было не для слабонервных.

Вспышки синих огней в темноте показались ей сюрреалистическим калейдоскопом. Она поднялась с травы, чувствуя, как липнет к коленям пропитавшаяся кровью ткань брюк. Фары приближающихся патрульных машин слепили глаза, и она отвернулась, уставившись в черную бездну кладбища. В это же мгновение луч света прорезал темноту, и среди могил мелькнула фигура. Это было похоже на галлюцинацию, поскольку следующая вспышка осветила лишь мертвое море из камня и гранита.

— Корсак, — выдохнула она. — Там кто-то есть.

— Ни черта не вижу.

Она напрягла зрение. И вновь увидела фигуру, которая двигалась вниз по склону, торопясь укрыться в зарослях деревьев. Буквально в ту же секунду Риццоли ринулась вперед, отчаянно преодолевая преграды в виде могильных камней, не боясь разбудить спящих мертвых. Она слышала за спиной хриплое дыхание Корсака, который, хотя и старался, никак не мог догнать ее. Мощный выброс адреналина прибавил ей ускорения, и в считанные секунды она была возле рощицы, где в последний раз видела фигуру, но теперь перед ней была только темнота. Она замедлила шаг, потом остановилась и огляделась по сторонам, пытаясь уловить хотя бы какое-то движение тени.

Пульс учащенно бился, подгоняемый страхом. Она кожей чувствовала, что он где-то рядом. Он наблюдает за ней. В то же время ей совсем не хотелось включать фонарик, выдавая себя.

Хруст ветки заставил ее вздрогнуть и резко повернуться вправо. Деревья стояли перед ней глухой стеной. Но даже гулкое биение сердца и тяжелое дыхание не помешали ей расслышать шорох листвьев, сопровождаемый потрескиванием веток.

Он идет прямо на меня.

Риццоли приросла к земле, держа оружие наготове, чувствуя, как напряжена каждая ее клеточка.

Шаги замерли.

Она схватила фонарь и направила луч прямо в чащу. Вот и он, весь в черном, среди деревьев. Ослепленный светом, человек отвернулся в сторону, прикрывая глаза рукой.

— Стоять! — рявкнула она. — Полиция!

Человек стоял, не двигаясь, лишь рука его потянулась к лицу. И он тихо произнес:

— Я только сниму очки.

— Нет, мерзавец! Ты замрешь на месте!

— И что потом, детектив Риццоли? Обменяемся «корочками»?

Похлопаем друг друга по плечу?

Она опешила, вдруг узнав его голос. Медленно, непринужденно Габриэль Дин снял темные очки и повернулся к ней лицом. В глаза ему по-прежнему был свет фонаря, так что он ее не видел, зато она могла без труда разглядеть его спокойное и невозмутимое лицо. Лучом фонарика она скользнула по его фигуре, отметив не только черную одежду, но и кобуру с пистолетом на бедре. А в руке — очки ночного видения, которые он только что снял. Почему-то сразу вспомнились слова Корсака: «Джеймс Бонд чертов».

Дин сделал шаг вперед.

Она тут же вскинула пистолет.

— Стойте, где стоите.

— Полегче, Риццоли. Не вижу причин, чтобы простреливать мне голову.

— В самом деле?

— Я просто хочу подойти поближе, чтобы мы могли поговорить.

— Мы прекрасно можем говорить и на расстоянии.

Он обернулся в сторону огней полицейских мигалок.

— Как вы думаете, кто передал радиограмму по убийству?

Она твердо держала его на мушке.

— Пораскиньте мозгами, детектив. Надеюсь, у вас с ними все в порядке. — Он сделал еще шаг.

— Замрите, черт возьми!

— Хорошо. — Он поднял руки вверх. И уже более миролюбиво повторил: — Хорошо.

— Что вы здесь делаете?

— То же, что и вы. Присутствую на месте событий.

— Откуда вы узнали? Если вызов дежурному передали вы, откуда вы узнали, что события будут разворачиваться именно здесь?

— Я и не знал.

— Случайно проходили мимо и обнаружили труп?

— Я слышал, как диспетчер вызывал группу на проверку территории кладбища. На случай незаконного проникновения.

— Ну, и?

— Ну, я и подумал, не наш ли это неизвестный.

— Просто подумали?

— Да.

— Должно быть, у вас были веские основания.

— Интуиция.

— Не морочьте мне голову, Дин. Вы явились сюда, полностью экипированным для ночной слежки, а я должна поверить, будто вы решили выручить полицию и проверить, не хулиганит ли кто на кладбище?

— Просто у меня очень хорошая интуиция, — снова повторил Дин.

— Полагаю, для хорошей интуиции нужна хорошая осведомленность.

— Мы напрасно тратим время, детектив. Либо арестуйте меня, либо работайте со мной.

— Я склоняюсь к первому варианту.

Он невозмутимо смотрел на нее. Слишком много он недоговаривал, слишком много секретов ей предстояло узнать от него. Но не здесь и не сейчас. Наконец она опустила пистолет, но не убрала его в кобуру. Габриэль Дин не заслуживал такой степени доверия.

— Раз уж вы были первым на месте происшествия, что вы увидели?

— Я нашел охранника уже мертвым. Воспользовался рацией в его машине, чтобы передать сигнал диспетчеру. Кровь была еще теплой. Я подумал, что наш убийца не успел далеко уйти, и кинулся его искать.

— Среди деревьев? — недоверчиво фыркнула Риццоли.

— Других автомобилей на кладбище не было. Вы хорошо знаете здешние места, детектив?

Она поколебалась.

— С востока район Дедхэм. Гайд-парк — с севера и юга.

— Совершенно верно. Это все жилые кварталы, и там есть где припарковать автомобиль. А до кладбища легко дойти пешком.

— Зачем убийце приходить сюда?

— Что мы о нем знаем? Парень одержим мертвыми. Ему нравится ощущать их запах, касаться их тел. Он держит у себя трупы до последней возможности, а когда вонь разложения становится невыносимой для окружающих, ему приходится избавляться от останков. Возможно, его заводит одно лишь посещение кладбища. И вот он оказался здесь, в темноте, чтобы совершить маленькое эротическое путешествие.

— Отвратительно.

— Попробуйте заглянуть в его мир, проникнуться его мыслями. Возможно, нам его фантазии и покажутся отвратительными, но для него кладбище — это уголок рая. Место, где покоятся мертвые. Именно сюда тянет Властелина. Он бродит среди могил, представляя, что у него под ногами целый гарем спящих женщин... И в этот момент его вспугивает

внезапно появившийся охранник, который, видимо, не ожидал здесь встретить никакой опасности, разве что компанию подростков, пустившихся в ночную авантюру.

— И охранник позволяет одионокому мужчине подойти к нему и вот так запросто перерезать горло?

Дин промолчал. На это у него не было объяснений. Впрочем, как и у Риццоли.

К тому времени, когда они вернулись к кладбищенским воротам, ночное небо вовсю полыхало голубыми огнями мигалок, а полицейские уже натягивали ленту оцепления. Риццоли молча смотрела на эту мрачную суету и ловила себя на том, что ей совсем не хочется участвовать в этом действии. Она редко сомневалась в своей правоте, интуиция ее никогда не подводила. Но сейчас, когда ее проигрыш оказался слишком очевидным, она подумала о том, что, возможно, Габриэль Дин прав — ей не по зубам руководить расследованием. Видимо, травма, нанесенная Уорреном Хойтом, настолько повредила ее психику, что она больше вообще не может работать в полиции. Сегодня она сделала неправильный выбор, отказалась послать кого-то из своей команды на осмотр территории кладбища.

Мы были всего в миле отсюда. Сидели в своих машинах, неизвестно чего ожидая, а в это время умирал человек.

Череда поражений оказалась слишком тяжелой ношей, и она даже сснутилась, как будто ее нагрузили мешками с бульжниками. Она вернулась к своей машине и открыла крышку сотового телефона. Ответил Фрост.

— Диспетчер таксопарка подтверждает показания таксиста, — доложил он. — Они получили вызов в два часа шестнадцать минут. Мужчина просил прислать такси, поскольку в его машине кончился бензин, как раз на Эннекинг-Парквей. Диспетчер передала вызов мистеру Виленски. Мы пытаемся выяснить, откуда был звонок.

— Наш мальчик не дурак. Наверняка звонил из автомата. Или с украденного мобильника. Проклятье. — Она хлопнула по приборной панели.

— Так что с таксистом? Выходит, он чист.

— Отпустите его.

— Вы уверены?

— Все это было игрой, Фрост. Неизвестный знал, что мы его ждем. Он играет с нами. Демонстрирует свою власть. Хочет доказать, что он умнее и хитрее нас. *И только что ему это удалось.*

Она нажала отбой и какое-то время сидела в машине, собираясь с

силами, чтобы выйти и противостоять тому, что последует дальше. Расследованию очередного убийства. Вопросам, которые непременно будут заданы по поводу принятых ею сегодня решений. Надо же, как слепо она уверовала в то, что убийца будет действовать по привычной схеме. А он воспользовался этой схемой, чтобы подразнить ее. Устроить ей фиаско.

Полицейские, стоявшие в оцеплении, повернули головы и посмотрели в ее сторону — сигнал к тому, что, несмотря на усталость, ей все-таки придется выбираться из автомобиля. Она вспомнила про термос Корсака; каким бы отвратительным ни был его кофе, все-таки немного взбодриться не мешало. Она повернулась, чтобы пошарить на заднем сиденье, и ее будто током ударило.

Взгляд ее скользнул по полицейским, стоявшим среди патрульных машин. Она видела Габриэля Дина, который, словно тощий черный кот, бродил по периметру оцепления. Видела своих коллег, которые с фонариками в руках обшаривали каждый клочок земли. Но Корсака нигде не было.

Риццоли вышла из машины и подошла к офицеру Доуду, который тоже был придан команде наблюдения.

— Вы не видели детектива Корсака? — спросила она.

— Нет, мэм.

— Его здесь не было, когда вы приехали? Он разве не ждал вас возле трупа?

— Я вообще его здесь не видел.

Она уставилась на рощицу, в которой встретила Габриэля Дина.

Корсак бежал следом за мной. Но так и не догнал меня. И не вернулся сюда...

Риццоли пошла к деревьям, стараясь воспроизвести прежний маршрут. Во время того спринта она была настолько поглощена преследованием, что совсем забыла про Корсака, который бежал сзади. Она помнила свой страх, бешеное сердцебиение, свист ночного ветра, бьющего в лицо. И еще помнила тяжелое дыхание Корсака, отчаянно пытающегося не отстать. А потом она все-таки оторвалась от него.

Она ускорила шаг, направляя фонарь то влево, то вправо. Тем ли маршрутом она шла? Нет-нет, это совсем другие надгробия. А вот слева мелькнул знакомый обелиск.

Скорректировав курс, она направилась к обелиску и едва не упала, споткнувшись о ноги Корсака.

Он лежал, скрючившись, возле могильного камня, и его грузное тулowiще почти сливалось с гранитом. В тот же миг она рухнула на колени

и с криками о помощи перевернула его на спину. Одного взгляда на его опухшее серое лицо было достаточно, чтобы определить остановку сердца.

Риццоли прижала руку к его шее, пытаясь нащупать сонную артерию, от волнения ошибочно принимая пульсацию собственных пальцев за биение его пульса. Пульса, которого не было.

Она ударила кулаком по его грудине. Но даже зверский толчок не заставил его сердце проснуться.

Тогда она запрокинула ему голову и, схватив безвольную челюсть, попыталась открыть ему рот. Как много в Корсаке ее когда-то раздражало. Запах пота и сигарет, сиплое дыхание, вялое пожатие пухлой руки. Но сейчас, когда она впилась губами в его полуоткрытый рот, пытаясь вдохнуть воздух в его легкие, все это даже не вспомнилось. Она чувствовала, как расширяется его грудная клетка, как с шипением вырывается назад из легких с трудом закачанный воздух. Положив руки ему на грудь, она начала реанимацию, выполняя ту работу, которую отказывалось делать его сердце. Она продолжала трудиться, пока не подоспели коллеги, только тогда она почувствовала, как у нее дрожат руки, как промокла рубашка. Все это время она мысленно корила себя. Как она могла проглядеть его, лежащего здесь? Почему сразу не заметила его отсутствия? Мышцы ее горели, колени ныли, но она не останавливалась. Она была в долгу перед ним и не собиралась вновь бросать его на произвол судьбы.

Сирена скорой помощи была слышна уже совсем близко.

Она все делала массаж, когда прибыли реаниматологи. Только когда чья-то сильная рука подняла ее и отстранила от тела, она сдала вахту. Дрожа от изнеможения, она наблюдала за тем, как работают врачи, как ставят капельницу, подвешивают мешочек с физраствором. Они запрокинули Корсаку голову и пытались просунуть ему в горло клинок ларингоскопа.

— Не вижу голосовых связок!

— Господи, ну и шея у него.

— Помоги мне его передвинуть.

— Хорошо. Давай еще раз попробуем.

Реаниматологи вновь впихнули в горло клинок ларингоскопа, пытаясь удержать тяжелую челюсть Корсака. Со своей массивной шеей и распухшим языком Корсак был похож на свежезабитого быка.

— Клинок на месте!

Они сорвали с Корсака остатки рубахи, обнажив спутанные волосы на груди, и установили кардиодефибриллятор. На мониторе

электрокардиографа появилась изломанная линия.

— У него V-тахикардия!

Последовал разряд электрического тока, который сотряс грудь Корсака. Его тело оторвалось от земли и тут же рухнуло обратно бесформенной массой. Фонарики в руках полицейских освещали жестокую сцену в подробностях, не скрывая анатомических особенностей вроде бледного пивного живота и почти женских грудей, которых так стесняются многие мужчины с избыточным весом.

— Отлично! Есть ритм. Синусовая тахикардия.

— Давление?

Датчики опоясали мясистые руки.

— Сердечное девяносто. Давай носилки!

Корсака давно перенесли в карету скорой помощи, и ее огни уже скрылись в ночи, но Риццоли по-прежнему не двигалась с места. Безучастная к происходящему, она все смотрела вслед машине и думала лишь о том, что будет с ним дальше. Резкий свет реанимационной палаты. Новые иглы, новые трубки. Она вдруг поймала себя на мысли о том, что следовало бы позвонить его жене, но она даже не знала ее имени. По правде говоря, она практически ничего не знала о его личной жизни, и ей стало невыносимо грустно оттого, что о мертвых Йигерах ей известно гораздо больше, чем о живом, дышащем человеке, который работал бок о бок с ней. О партнере, которого она предала.

Риццоли устремила взгляд на траву, где он только что лежал. Земля до сих пор хранила отпечаток его тела. Она опять представила себе, как он бежал за ней, задыхаясь. Мужская гордость не позволила ему остаться на месте. Схватился ли он за грудь, прежде чем упасть? Позвал ли на помощь?

Да я бы все равно не услышала. Я была слишком занята погоней за тенью. Пыталась спасти свою честь.

— Детектив Риццоли! — прозвучал рядом голос офицера Доуда. Он подошел так тихо, что она даже не услышала.

— Да!

— Боюсь, мы нашли еще...

— Что?!

— Еще один труп.

Ошеломленная известием, она молча двинулась за Доудом, который своим фонариком уверенно резал темноту. Появившиеся впереди огоньки обозначили пункт назначения. К тому времени, как она уловила первые нотки трупного запаха, они уже были на приличном расстоянии от места гибели охранника.

— Кто обнаружил? — спросила она.

— Агент Дин.

— Что он здесь все время выискивает?

— Думаю, проводит генеральную уборку.

Дин вышел ей навстречу.

— Похоже, мы нашли Каренну Гент, — сказал он.

Женщина лежала на могильном холме, укутанная своими черными волосами, в которых, словно нелепая декорация, застягивали жухлые листья. Судя по вздутому животу и струящейся из ноздрей жидкости, она была мертва уже давно. Но все эти подробности меркли на фоне того, во что превратилась нижняя часть ее живота. Риццоли с ужасом уставилась на зияющую рану. Одиночный поперечный разрез.

Земля как будто покачнулась под ней, и она слегка попятилась назад, инстинктивно хватаясь руками за воздух.

Дин подхватил ее и крепко удержал за локоть.

— Это не совпадение, — сказал он.

Риццоли молчала, не в силах оторвать взгляд от жуткой раны. Она вспомнила такие же раны на других женских телах. Вспомнила еще более жаркое, чем нынешнее, лето.

— Он в курсе последних новостей, — сказал Дин. — И знает, что вы возглавляете расследование. И еще он умеет играть в кошки-мышки. Вот что это теперь для него. Игра.

Хотя она и слышала его слова, их смысл до нее не доходил.

— Какая еще игра?

— Вы разве не видите имя? — Он осветил фонариком могильную плиту, на которой было выбито:

Любимому мужу и отцу

Энтони Риццоли

1901–1962

— Он издевается, — сказал Дин. — И прежде всего над вами.

13

Возле больничной койки Корсака сидела женщина с темными прямыми волосами, которые, казалось, не мыли и не расчесывали вот уже несколько дней. Она не касалась его, а просто сидела, опустив руки на колени, пустым взглядом уставившись на кровать, похожая на манекен. Риццоли стояла за стеклянной перегородкой, не решаясь войти. Наконец женщина подняла взгляд и заметила ее, так что у Риццоли не оставалось выбора. Она зашла в палату.

— Миссис Корсак? — спросила она.

— Да.

— Я детектив Риццоли. Джейн. Пожалуйста, называйте меня по имени.

Выражение лица женщины оставалось таким же безучастным; имя ей явно ни о чем не говорило.

— Простите, я не знаю вашего имени, — сказала Риццоли.

— Диана. — Женщина на мгновение замолчала, а потом нахмурилась. — Извините. Вы не могли бы еще раз сказать, кто вы?

— Джейн Риццоли. Я из бостонской полиции. Работаю с вашим мужем по одному делу. Возможно, он упоминал.

Диана еле заметно пожала плечами и вновь перевела взгляд на мужа. Ее лицо не выражало ни печали, ни страха. Лишь тупое равнодушие усталого человека.

Какое-то время Риццоли молча стояла возле постели больного. Как много трубок, думала она. Как много приборов. И в центре этого нагромождения — Корсак, превратившийся в бесчувственную плоть. Врачи подтвердили инфаркт, и, хотя кардиограмма уже была стабильной, он оставался без сознания. Из его открытого рта словно пластиковая змея выползла эндотрахейная трубка. Резервуар, подвешенный у края кровати, собирал редкие капли мочи. Хотя больничные простыни прикрывали его гениталии, грудь и живот были обнажены, и из-под простыни выглядывала одна волосатая нога с грубой ступней, на которой выделялись желтые нестриженые ногти. Ей вдруг стало стыдно оттого, что она вторглась в его интимный мир, увидела его таким жалким и беспомощным. И все равно не смела отвернуться. Словно какая-то неведомая сила приковывала ее взгляд к тем частям тела, которые обычно не демонстрируются посторонним.

— Его нужно побрить, — сказала Диана.

Хотя и столь тривиальное, но это замечание оказалось единственным проявлением чувств со стороны его жены. При этом ни один мускул не дрогнул на ее лице, она по-прежнему сидела безучастная словно каменное изваяние.

Риццоли с трудом подыскивала слова для ответа, она ведь должна была сказать что-то утешительное, но в голову пришли лишь банальности:

— Он боец. Он так легко не сдастся.

Слова, тяжелые как булыжники, словно ухнули в бездонный пруд, не вызвав ни ряби, ни всплеска. Повисла долгая пауза, прежде чем тусклый взгляд голубых глаз Дианы наконец остановился на ней.

— Боюсь, я опять забыла ваше имя.

— Джейн Риццоли. Мы с вашим мужем вместе вели расследование.

— А-а, та самая.

Риццоли внутренне съежилась, вновь испытав чувство вины.

Да, та самая. Которая бросила его. Оставила умирать в темноте, потому что была слишком увлечена самоутверждением.

— Спасибо вам, — произнесла Диана.

Риццоли нахмурилась.

— За что?

— За все, что вы сделали, чтобы помочь ему.

Риццоли посмотрела в прозрачные голубые глаза женщины и впервые заметила, какие у нее суженные зрачки. «Глаза обколового», — мелькнуло в голове. Похоже, Диана Корсак была в наркотическом дурмане.

Риццоли посмотрела на Корсака. Вспомнила тот вечер, когда она вызвала его на место убийства Гента, а он приехал пьяным. Вспомнился и другой вечер, когда они вместе стояли на парковке возле морга, и Корсаку явно не хотелось идти домой. Может, именно с этим он сталкивался ежедневно? Возвращаясь домой, всякий раз встречал женщину с пустым взглядом и голосом робота?

Ты никогда не говорил мне. А я не удосужилась спросить.

Она подошла к кровати и сжала его руку. Вспомнила, как когда-то брезговала его влажным рукопожатием. Но только не сегодня; сегодня она была бы счастлива этим. Но его рука оставалась вялой и безжизненной.

* * *

Было одиннадцать утра, когда она наконец добралась до своей квартиры. Закрылась на два глухих замка, щелкнула предохранителем,

навесила цепочку. Раньше все эти затворы показались бы ей проявлением паранойи; когда-то она чувствовала себя в полной безопасности с примитивной защелкой на двери и пистолетом в прикроватной тумбочке. Но год назад Уоррен Хойт изменил ее жизнь, и с тех пор ее дверь приобрела все эти блестящие латунные аксессуары. Она уставилась на россыпь замков, вдруг подумав о том, что становится похожей на типичную жертву разбойного нападения, которая отчаянно баррикадирует свою дверь, пытаясь защититься от жестокого мира.

Такой ее сделал Хирург.

И вот теперь к скопищу монстров, скребущихся в ее дверь, прибавился этот неизвестный, Властелин. Габриэль Дин сразу догадался, что могила, на которую положили труп Каренны Гент, была выбрана не случайно. И хотя обитатель той могилы, Энтони Риццоли, не был ее родственником, общая фамилия явно была сигналом, адресованным именно ей.

Властелин знает мое имя.

Она не снимала кобуру, пока не закончила осмотр всей квартиры. Впрочем, пространство было невелико, и ей хватило минуты, чтобы окинуть взглядом кухню, гостиную, потом переместиться по короткому коридору в спальню, где она открыла шкаф и заглянула под кровать. Только после этого она расстегнула кобуру и выложила пистолет в ящик тумбочки. После чего разделась и направилась в ванную. Она закрыла за собой дверь — еще один рефлекс, совершенно ненужная мера предосторожности, но только благодаря ей она смогла зайти в душевую кабинку и задернуть за собой штору. Чуть позже, когда ее волосы были густо намазаны бальзамом, ее вдруг охватило ощущение, будто она не одна. Распахнув шторку, она выглянула в пустую ванную, чувствуя, как бьется сердце, как стекает по плечам вода.

Она выключила воду. Прислонилась к кафельной стене, стараясь дышать глубже, чтобы унять сердцебиение. Сквозь глухие удары собственного пульса она различила гул вентилятора. Это было рабочее состояние вентиляционной шахты, привычный звук, на который раньше она не обращала никакого внимания, но почему-то сейчас сознание сконцентрировалось именно на этом пустяке.

К тому времени, когда сердцебиение вернулось к нормальному ритму, ее кожа успела высохнуть и стало зябко. Она вышла из душа, обмоталась полотенцем, нагнулась, чтобы подтереть мокрый пол. Пусть на работе она была жестким полицейским, но сейчас превратилась в дрожащую овцу. Взглянув на себя в зеркало, она увидела, как изменил ее страх. На нее смотрела женщина, которая заметно исхудала, и прежде изящная фигура

стала казаться усохшей. Лицо, некогда круглое и волевое, теперь стало тонким и бледным, делая ее похожей на привидение с темными глазницами.

Она отвернулась от зеркала и прошла в спальню. С еще влажными волосами плюхнулась на кровать и долго лежала с открытыми глазами, уговаривая себя поспать хотя бы пару часов. Но дневной свет упрямо сочился в щели жалюзи, а с улицы доносился шум транспорта. Был полдень, и она провела без сна последние тридцать часов, а ела часов двенадцать назад. И все равно не чувствовала ни голода, ни сонливости. Воспоминания о событиях раннего утра обжигали нервы. Она вновь видела перед собой разверстую гортань охранника, его неестественно вывернутую голову. А потом перед глазами появлялась Каренна Гент с застрявшими в волосах листьями.

И, наконец, Корсак, обвитый трубками и проводами.

Эти три образа яркими вспышками озаряли ее воспаленный мозг, и она никак не могла отключить этот свет. Как не могла заглушить звуки окружающего мира. Может, именно так начинают сходить с ума?

Не так давно доктор Цукер настоятельно предлагал ей прийти на консультацию, но она категорически отвергла его помощь. Возможно, уже тогда что-то насторожило его в ее словах, взгляде, а она этого не заметила. Первые трещинки в сознании, которые становились все глубже и шире, с тех пор как Хирург перевернул ее жизнь...

* * *

Ее разбудил телефон. Казалось, будто она только-только закрыла глаза, и первой реакцией на звонок была ярость. Сняв трубку, она резко бросила:

— Риццоли.

— Э-э... детектив Риццоли, говорит Йошима из судмедэкспертизы. Доктор Айлз ожидала вас на вскрытии Гент.

— Я еду.

— Э-э... она уже начала, и...

— Который час?

— Почти четыре. Мы пытались связаться с вами по пейджеру, но вы не ответили.

Она так резко села на кровати, что комната поплыла перед глазами. Тряхнув головой, уставилась на часы, которые стояли на тумбочке: 3:52. Она проспала сигналы не только будильника, но и пейджера.

— Извините, — сказала она. — Я постараюсь приехать как можно быстрее.

— Минуточку. С вами хочет поговорить доктор Айлз.

Она расслышала, как звякнули инструменты в металлическом лотке, и через мгновение в трубке раздался голос Айлз:

— Детектив Риццоли, вы ведь приедете, я правильно поняла?

— Да, через полчаса буду.

— Тогда я подожду вас.

— Я бы не хотела вас задерживать.

— Доктор Тирни тоже едет. Вам обоим стоит это увидеть.

Это было в высшей степени необычно. С чего бы вдруг доктор Айлз понадобилось вытаскивать недавно вышедшего на пенсию доктора Тирни? Неужели других патологоанатомов мало?

— Есть какие-то проблемы? — спросила Риццоли.

— Эта рана на животе жертвы, — сказала Айлз. — Здесь не простое ножевое ранение. Разрез хирургический.

* * *

К моменту приезда Риццоли доктор Тирни уже находился в секционном зале. Как и доктор Айлз, он обычно пренебрегал респиратором, и сегодня его единственной защитой был пластиковый шлем, сквозь который Риццоли отчетливо видела его мрачное лицо. Впрочем, все остальные тоже выглядели хмурыми, и появление Риццоли было встречено напряженным молчанием. Присутствие агента Дина больше не удивляло ее, и она встретила его взгляд еле заметным кивком, мысленно задаваясь вопросом, удалось ли и ему ухватить хотя бы несколько часов сна. Впервые за все это время она увидела следы усталости в его глазах. Похоже, даже Габриэль Дин начинал горбиться под тяжестью этого расследования.

— Что я пропустила? — спросила она. Пока не готовая разглядывать останки, она предпочитала смотреть на доктора Айлз.

— Мы закончили внешний осмотр. Криминалисты уже взяли образцы на анализ волокон, собрали ногти и волосы.

— Как насчет вагинальных мазков?

Айлз кивнула:

— Обнаружена подвижная сперма.

Риццоли набрала в грудь воздуха и наконец решилась взглянуть на

труп Каренны Гент. Тошнотворный запах едва не перебил ментол с пластинки, которую она все-таки предусмотрительно наклеила под нос. Она больше не доверяла собственному желудку. В эти последние недели все шло кувырком, и она вообще утратила уверенность в том, что у нее хватит сил довести расследование до конца. Входя в зал, она боялась не самой процедуры вскрытия; скорее, своей реакции на нее. Она не могла предсказать ее, а тем более проконтролировать, и это пугало больше всего.

Дома она съела пригоршню крекеров, чтобы не идти на вскрытие на голодный желудок, и сейчас с облегчением заметила, что ее вовсе не тошнит, несмотря на ужасающее состояние трупа. На вздувшийся зеленоватый живот она смотрела без содрогания, тем более что Y-образный надрез еще не был сделан. Но вот взглянуть на зияющую рану все же осмеливалась. Вместо этого она сосредоточилась на шее, на круглых синяках, различимых по обе стороны челюсти, несмотря на посмертное изменение цвета кожи. Отметины, оставленные пальцами убийцы, впившимися в живую плоть.

— Мануальное удушение, — пояснила Айлз. — Как и у Гейл Йигер.

Самый интимный способ убийства, как сказал однажды доктор Щукер. Кожа к коже. Ваши руки касаются ее тела, сжимают горло, чувствуя, как из него вытекает жизнь.

— А что показывает рентген?

— Перелом левого рога щитовидного хряща.

Вмешался доктор Тирни:

— Не шея нас занимает, а рана. Я предлагаю вам надеть перчатки, детектив. Вам необходимо исследовать ее самой.

Риццоли подошла к шкафу, где хранились перчатки. Выбрала самые маленькие по размеру и неспешно принялась их натягивать, словно отсрочивая приговор. Наконец она вернулась к столу.

Доктор Айлз уже отрегулировала свет лампы, направив луч на нижнюю часть живота. В ярком свете края раны казались почерневшими губами.

— Кожа была вскрыта единственным чистым надрезом, — сказала Айлз. — Гладким лезвием. За внешним надрезом последовали другие, глубинные. Сначала поверхностной фасции, затем мышц и, наконец, тазовой брюшины.

Риццоли уставилась прямо в пасть раны, думая о руке, которая скимала лезвие. Рука была твердой и опытной, раз смогла одним взмахом прочертить такую ровную линию.

Она тихо спросила:

— Жертва была жива, когда это сделали?

— Нет. Скобы он не ставил, кровотечения не было. Это был посмертный надрез, выполненный уже после того, как у жертвы остановились сердце и кровоток. Но манера, в которой была выполнена процедура — я имею в виду последовательность надрезов, — указывает на то, что убийца имел хирургический опыт. Он это уже делал.

— Вперед, детектив. Осмотрите рану, — сказал доктор Тирни. Риццоли заколебалась, чувствуя, как коченеют руки в латексных перчатках. Медленно она погрузила руку в рану, продвигаясь все глубже в область малого таза Каренны Гент. Она уже точно знала, что обнаружит там, и все равно ее затрясло от собственного открытия. Риццоли взглянула на доктора Тирни и увидела в его глазах подтверждение своих худших опасений.

— Матка удалена, — произнес он.

Риццоли вытащила руку.

— Это он, — тихо произнесла она. — Уоррен Хойт.

— И в то же время все остальные признаки указывают на Властелина, — сказал Габриэль Дин. — Похищение, удушение. Половой акт с трупом...

— Но только не это. — Она уставилась на рану. — Это фантазии Хойта. Это его заводит. Он забирает тот самый орган, который делает женщину женщиной и дает ей ту власть, которой он лишен от природы. — Она посмотрела в глаза Дину. — Я знаю его работу. Я уже видела ее.

— Мы оба видели, — поддержал ее доктор Тирни. — В прошлом году я проводил вскрытие жертв Хойта. Это его почерк.

Дин недоверчиво покачал головой.

— Два разных убийцы объединили свои усилия?

— Властелин и Хирург, — сказала Риццоли. — Они нашли друг друга.

Риццоли сидела в своей машине, под струей теплого воздуха, которую гнал кондиционер, и чувствовала, что обливается потом. Ее по-прежнему знобило, и даже тепло не согревало. Должно быть, вирус, подумала она, массируя виски. Да и неудивительно: в эти дни на нее столько всего навалилось; и для вируса это оказалось благодатной почвой. Голова раскалывалась от боли, и ей хотелось лишь одного — забраться в постель и уснуть на целую неделю.

Она поехала прямо домой. Зашла в квартиру и проделала привычный ритуал, который стал важным этапом в ее борьбе за сохранение рассудка. Почти машинально она поставила предохранители на замках, навесила цепочку и, только завершив все работы по обеспечению собственной безопасности, заглянув во все шкафы, скинула туфли, снянула брюки и блузку, после чего плюхнулась на кровать и принялась растирать виски, мучаясь вопросом, есть ли в аптечке аспирин. Подняться и проверить не было сил.

Раздался зуммер домофона. Риццоли резко вскочила, чувствуя, как натянулись нервы. Она не ждала гостей и тем более не хотела никого видеть.

Зуммер повторился, и его звук проскрежетал по нервным окончаниям словно железо по стеклу.

Она прошла в гостиную и сняла трубку домофона.

— Да.

— Это Габриэль Дин. Я могу подняться?

Из всех людей на свете именно его она меньше всего ожидала услышать. Она настолько опешила, что на какое-то время лишилась дара речи.

— Детектив Риццоли! — повторил он.

— А в чем дело, агент Дин?

— Есть вопросы, которые нужно обсудить.

Она открыла замок и тотчас пожалела об этом. Дин не вызывал у нее доверия, а между тем она собиралась впустить его в свою обитель. Легкомысленным нажатием кнопки она приняла решение, отменить которое уже не могла.

Она едва успела накинуть махровый халат, когда он постучал в дверь. Линзы дверного глазка искажали острые черты его лица, отчего они

выглядели зловещими. И этот жуткий образ почему-то стоял у нее перед глазами, пока она отпирала бесконечные замки. Но реальность оказалась далеко не такой угрожающей. У мужчины, который появился в дверях, были усталые глаза, а лицо выглядело измученным после тех ужасов, что пришлось пережить за день, и хронического недосыпа.

И все-таки его первый вопрос был связан с ней:

— Как вы, в порядке?

Риццоли поняла его по-своему, уловив намек на то, что она не в порядке, что за ней нужно присмотреть; иначе она, коп с нестабильной психикой, совсем расклейтесь.

— У меня все отлично, — отчеканила она.

— Вы так быстро ушли после вскрытия. Мы даже не успели поговорить.

— О чем?

— О Уоррене Хойте.

— Что вы хотите о нем узнать?

— Все.

— Боюсь, это растянется на всю ночь, а я слишком устала. — Она плотнее закуталась в халат, вдруг испытав неловкость. Для нее всегда было важно выглядеть профессионально, и, отправляясь на место происшествия, она привычно надевала пиджак. И вот сейчас она стояла перед Дином в халате и нижнем белье, чувствуя себя как никогда уязвимой.

Она потянулась к двери, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен.

Но он не двинулся с места.

— Послушайте, я признаю, что допустил ошибку. Мне следовало прислушаться к вам с самого начала. Вы первая провели параллель с делом Хойта. А я проигнорировал это.

— Это потому, что вы его не знаете.

— Так расскажите мне о нем. Мы должны работать вместе, Джейн.

Ее смех оказался колким, как стекло.

— Выходит, теперь вы заинтересованы работать в команде? Это что-то новое.

Смирившись с тем, что уходить он не собирается, она развернулась и пошла в гостиную. Дин последовал за ней, захлопнув входную дверь.

— Расскажите мне про Хойта, — снова попросил он.

— Вы можете прочитать его дело.

— Уже прочитал.

— Значит, вам известно все.

— Нет, не все.

Она обернулась:

— А чего же не хватает?

— Я хочу знать то, что знаете вы. — Он подошел ближе, и в ней шевельнулась тревога; ведь она стояла перед ним такая незащищенная, слабая, неспособная отразить нападение. Ей в самом деле казалось, будто и его слова, и взгляд, проникающий сквозь ее хлипкую одежду, не что иное, как нападение.

— Между вами существует какая-то духовная связь, — заявил Дин. — Своего рода привязанность.

— Только не называйте это привязанностью, черт возьми.

— А как бы вы это назвали?

— Он преступник. Я полицейский, упрятавшая его за решетку. Все очень просто.

— Судя по тому, что мне известно, все было не так уж просто. Хотите вы в этом признаться или нет, но между вами все-таки существует привязанность. Он намеренно вернулся в вашу жизнь. Та могила, на которой оставили труп Каренны Гент, была выбрана не случайно.

Она промолчала. На это ей нечего было возразить.

— Он охотник, такой же, как и вы, — продолжал Дин. — Вы оба охотитесь на людей. Это первое, что вас связывает. И основное.

— Ничего нас не связывает.

— Но ведь вы понимаете друг друга. Пусть даже он вызывает у вас отрицательные эмоции, но вы его чувствуете. Вы первая заметили его влияние на Властелина. В этом смысле вы опередили всех нас.

— И тогда вы решили, что мне следует обратиться к психиатру.

— Да. В тот момент я так думал.

— Выходит, я все-таки не сумасшедшая. А гениальная.

— Вы способны понять ход его мысли. И можете помочь нам вычислить его следующий шаг. Чего он хочет?

— Откуда мне знать?

— Вы же ближе всех общались с ним.

— О какой близости вы говорите? Этот сукин сын чуть не убил меня.

— Нет ничего более интимного, чем убийство. Не так ли?

В этот момент она его ненавидела, поскольку он говорил правду, от которой ей так хотелось укрыться. Он произнес то, в чем она боялась признаться даже себе: они с Уорреном Хойтом связаны навеки. Что страх и ненависть сильнее, чем любовь.

Риццоли села на диван. Раньше она бы боролась. Она бы не спустила

мужчине такие слова. Но сегодня она слишком устала, и у нее не было сил отражать нападки Дина. Она понимала, что он будет продолжать, пока не получит ответы на свои вопросы, и она будет вынуждена уступить — лишь бы только он оставил ее в покое.

Она выпрямилась и поймала себя на том, что смотрит на свои обезображеные шрамами ладони. Это были самые заметные сувениры, оставленные Хойтом; остальные шрамы были не так очевидны: зажившие переломы ребер и лицевых костей были различимы только под рентгеновскими лучами. И уж совсем незаметными были трещинки, которые до сих пор расползались по ее жизни словно следы землетрясения. В последние недели они стали глубже, как будто земля угрожала развернуться под ее ногами.

— Я не думала, что он там, — прошептала Риццоли. — Что окажется у меня за спиной, в том подвале. В том доме...

Дин сел на стул напротив нее.

— Это ведь вы его нашли. Вы были единственным полицейским, который знал, где его искать.

— Да.

— Откуда вы знали?

Она пожала плечами и усмехнулась.

— Просто повезло.

— Нет, это не простое везение.

— Не стоит преувеличивать мои заслуги.

— Скорее, я их недооценивал, Джейн.

Она подняла взгляд и увидела, что он пристально смотрит на нее, отчего ей стало не по себе. Но отступать было некуда, да и вообще ей нечего было противопоставить этому проницательному взгляду. «Насколько глубоко он видит? — задалась она вопросом. — И понимает ли, насколько сильно смущает меня?»

— Расскажите мне, что произошло в подвале, — попросил он.

— Вы знаете, что произошло. Это отражено в моем отчете.

— Не все можно отразить в отчете.

— Мне нечего добавить.

— Даже не хотите попробовать?

Ее вдруг охватила злость.

— Я не хочу вспоминать об этом.

— Но вы ведь все равно не можете это забыть. Разве не так?

Она не понимала, какую игру он ведет, и удивлялась тому, как ловко попалась на его удочку. Она знаяла мужчин с харизмой, которым

удавалось привлечь женщин одним лишь взглядом. Риццоли хватало ума и здравого смысла держаться подальше от таких красавчиков, которых справедливо оценивала исключительно как генетически выдающихся особей среди простых смертных. Она была женщиной не для них, так же как они были не ее героями. Но сегодня она обладала информацией, в которой так нуждался Габриэль Дин, и он пустил в ход все свое обаяние. Это сработало. Еще ни одному мужчине не удавалось одновременно и смутить, и возбудить ее.

— Он заманил вас в этот подвал, — сказал Дин.

— Я сама вошла туда. Я не знала.

— Почему не знали?

Это был странный вопрос, и она даже растерялась. Она мысленно вернулась в тот день, когда стояла перед открытой дверью подвала и с ужасом представляла, что придется спускаться вниз, в темноту. Она помнила, как невыносимо душно было в том доме, как пот ручейками струился по ее груди, заползая в бюстгальтер. Как страх воспламенял каждый ее нерв. Да, она знала: что-то не так. Знала, что в глубине подвала ее ждет нечто страшное.

— Что было не так, детектив?

— Жертва, — прошептала она.

— Кэтрин Корделл?

— Она была в подвале. Связана...

— Наживка, — произнес Дин.

Она закрыла глаза и почти ощутила запах крови Корделл, запах сырой земли, собственного пота, пропитанного страхом.

— Да, я заглотнула наживку.

— Он знал, что так и будет.

— Я должна была предвидеть...

— Но вы были сосредоточены на жертве. На этой Корделл.

— Я хотела спасти ее.

— И в этом была ваша ошибка.

Она открыла глаза и бросила на него гневный взгляд.

— Ошибка?

— Вы не проверили объект. Не подстраховались. Вы совершили самую непростительную ошибку. Удивительно для такого опытного полицейского.

— Вас там не было. Вы не знаете ситуацию, в которой мне пришлось работать.

— Я читал ваш отчет.

— Корделл лежала там. Истекала кровью...

— Итак, вы повели себя как любой нормальный человек: попытались помочь ей.

— Да.

— И угодили в ловушку. Вы рассуждали не как полицейский.

Ее разъяренный вид, казалось, ничуть его не смущал. Он невозмутимо смотрел на нее, и от его спокойствия и сдержанности ей стало еще больше.

— Я всегда рассуждаю как полицейский, — парировала Риццоли.

— В том подвале вы забыли о профессионализме. Позволили жертве вас отвлечь.

— Я всегда в первую очередь думаю о жертве.

— Даже если это опасно для вас двоих? Где же логика?

Логика. Да, в этом был весь Габриэль Дин. Ей еще не доводилось встречать человека, который одинаково безучастно относился и к живым, и к мертвым.

— Я не могла позволить ей умереть, — сказала она. — Это было моей первой и единственной мыслью.

— Вы знали ее? Эту Корделл?

— Да.

— Вы были подругами?

— Нет. — Ее ответ прозвучал слишком поспешно, и это не ускользнуло от Дина, который вопросительно повел бровью. Риццоли постаралась исправить ошибку: — Она проходила по делу Хирурга. Вот и все.

— Вы ее недолюбливали?

Риццоли сделала паузу, пораженная проницательностью Дина. Потом добавила:

— Скажем так, я не испытывала к ней теплых чувств. Не более того. — *Я ей завидовала. Завидовала ее красоте. И тому, что от нее без ума Томас Мур.*

— Между тем Корделл оказалась жертвой, — уточнил Дин.

— Я не была уверена в том, какую роль он ей отвел. Во всяком случае поначалу. Но уже по ходу дела мне стало ясно, что она была мишенью для Хирурга.

— Должно быть, вы чувствовали себя виноватой в том, что сомневались в ней.

Риццоли не ответила.

— Поэтому вы так отчаянно пытались спасти ее?

Она напряглась, оскорблена этим вопросом.

— Она была в опасности. Других причин для меня не существовало.

— Вы пошли на неоправданный риск.

— Мне кажется, что слова «риск» и «оправданный» несовместимы.

— Хирург расставил ловушку. А вы угодили в нее.

— Да, вы правы. В этом была ошибка...

— Он знал, что вы ее совершили.

— Откуда он мог знать?

— Он знает о вас слишком много. Это к вопросу о том, что между вами существует связь.

Риццоли резко вскочила с дивана.

— Все это чушь! — бросила она и вышла из гостиной.

Он последовал за ней на кухню, по пути все нагружая ее своими теориями. Мысль о духовной связи между ней и Хойтом казалась ей возмутительной, она больше не могла слушать его рассуждения на эту тему. Но он находился рядом, в ее тесной кухоньке, и скрыться от него было негде.

— Точно так же, как вы понимаете психологию Уоррена Хойта, — продолжал Дин, — он понимает вашу.

— Да он и не знал меня тогда.

— Вы уверены? А я думаю, он следил за ходом расследования и знал, что вы в команде.

— В таком случае, это все, что он мог знать обо мне.

— Мне кажется, он понимает гораздо больше, чем вы думаете. Он питается женскими страхами. Это все прописано в его психологическом портрете. Его влечет к ущербным женщинам, эмоционально подавленным. Женская боль и страдания заводят его, он их тонко чувствует. И легко может определить душевное состояние женщины по тону ее голоса, по тому, как она держит голову или избегает смотреть в глаза. Он улавливает тончайшие психологические нюансы, на которые большинство из нас не обратит и внимания. Но только не он. Он мгновенно выделит из толпы страдающую женщину, и только такая жертва нужна ему.

— Я не жертва.

— Теперь и вы жертва. Он вас сделал такой. — Дин придинулся ближе, так близко, что они почти касались друг друга. Риццоли вдруг испытала дикое желание упасть в его объятия и крепко прижаться к нему. Посмотреть, как он на это отреагирует. Но гордость и здравый смысл помогли ей преодолеть соблазн.

Она выдавила из себя смешок.

— Кто это жертва, агент Дин?! Только не я. Не забывайте, я упрятала его за решетку.

— Да, — тихо произнес он. — Вы задержали Хирурга. Но не без ущерба для себя.

Риццоли оцепенела. Ущербная. Да, именно такой сделал ее Хирург. Превратил в женщину, у которой руки обезображенны шрамами, а дом забаррикадирован словно крепость. И каждый жаркий август будет напоминать о летнем дне, пропитанном запахом крови.

Не проронив ни слова, она развернулась и вышла из кухни, направляясь обратно в гостиную. Там она опять плюхнулась на диван и молча уставилась в пустоту. Он не сразу проследовал за ней, и какое-то время она сидела в блаженном одиночестве. Больше всего ей хотелось, чтобы он исчез, растворился, предоставив ей право на уединение, которого заслуживает любое раненое животное. Но ей не повезло. Она услышала шаги и, подняв взгляд, увидела его с двумя стаканами в руках. Один из них он протянул ей.

— Что это? — удивилась Риццоли.

— Текила. Я нашел у вас в шкафчике.

Она взяла стакан и нахмурилась.

— Я и забыла про нее. Сто лет уже стоит.

— Во всяком случае бутылка была не распечатана.

Разумеется, ведь у нее даже не возникало желания попробовать. Бутылка была очередным бесполезным подарком от брата Фрэнки — наряду с ликером «Калуа», привезенным с Гавайев, и сакэ из Японии. Так Фрэнки демонстрировал, каким гражданином мира он стал благодаря Военно-морским силам США. Сейчас его сувенир из солнечной Мексики оказался куда как кстати. Она сделала глоток и едва не задохнулась. Пока текила прокладывала себе путь в желудок, ей вдруг вспомнилась деталь из прошлого Уоррена Хойта. Своих первых жертв он выводил из строя, подмешивая в напитки транквилизатор. Как легко нас одурманить, подумала она. Если женщину отвлечь или внушить ей доверие, она без всяких сомнений примет из рук мужчины бокал с напитком. Вот и она приняла из чужих рук текилу. И даже впустила малознакомого мужчину в свою квартиру.

Она вновь взглянула на Дина. Он сидел напротив, и их глаза были на одном уровне. Текила, уже осевшая в желудке, начала заявлять о себе разлившейся в ногах слабостью. Анестезия алкоголем. Она стала спокойной и отрешенной, и в этом крылась опасность.

Он наклонился к ней, и Риццоли не стала по привычке отстраняться. Дин вторгся в ее душу, что до него мало кому удавалось, и она его впустила. Она сдалась.

— Отныне мы имеем дело не с убийцей-одиночкой, — сказал он. — Нам противостоит своеобразное товарищество. И один из партнеров известен вам, как никому другому. Хотите вы признаться в этом или нет, но между вами и Уорреном Хойтом существует особая связь. А это значит, что вы связаны и с Властелином.

Она глубоко вздохнула и тихо проговорила:

— Такой стиль самый эффективный для Уоррена. Он всегда мечтал о партнере. О наставнике.

— У него уже был один, в Саванне.

— Да. Врач по имени Эндрю Капра. После того как Капра был убит, Уоррен остался один. Тогда-то он и подался в Бостон. Но он никогда не оставлял попыток найти нового партнера. Кого-то, с кем он мог бы разделить свои фантазии.

— Боюсь, теперь он его нашел.

Они молча смотрели друг на друга, без слов, понимая весь ужас этого открытия.

— Теперь они вдвое эффективнее, — сказал Дин. — Волки лучше охотятся в стае, нежели в одиночку.

— Совместная охота.

Он кивнул.

— К тому же это упрощает им задачу. Вдвоем легче выследить жертву. Загнать в ловушку. Держать под контролем...

Риццоли выпрямилась.

— Чашка, — пробормотала она.

— Что вы имеете в виду?

— На месте убийства Гента не было чашки. Теперь понятно, почему.

— Потому что ему помогал Уоррен Хойт.

Она кивнула.

— Властелину уже не нужна была эта своеобразная тревожная кнопка. У него был партнер, который мог подать сигнал, если бы муж шевельнулся. Партнер, который стоял рядом и наблюдал за действием. И Уоррену такая миссия была в радость. Это вполне в его вкусе — смотреть, как насилуют женщину.

— А Властелина как раз заводит присутствие зрителей.

Она снова кивнула.

— Потому-то он и выбирал пары. Чтобы кто-то наблюдал, видел, как он демонстрирует свою власть над женским телом.

Они затронули чересчур интимную тему, и ей было больно смотреть в глаза Дину. И все-таки она выдержала его взгляд. Преступления, связанные

с сексуальным насилием над женщиной, всегда вызывали повышенный интерес у мужчин. Единственная женщина-оперативник, она не раз наблюдала за тем, как на утренних совещаниях коллеги-мужчины в деталях обсуждают преступления такого рода, слышала звонкие напряженные нотки в их голосах, даже при том, что они старались спрятать свое оживление под маской мрачного профессионализма. Они подолгу сmakовали отчеты патологоанатомов по результатам вскрытия изнасилованных жертв, с особым вниманием разглядывали фотографии распластанных женских тел с мест происшествия. Их реакцию Риццоли воспринимала как надругательство и над ней, и с годами научилась угадывать в глазах мужчин даже малейшую вспышку интереса к теме насилия. Сейчас, глядя в глаза Дину, она искала этот огонек, но не находила. Точно так же она видела в его глазах лишь мрачную решимость, когда он разглядывал изуродованные трупы Гейл Йигер и Каренны Гент. Дина вовсе не занимали извращения; они приводили его в ужас.

— Вы говорили, что Хойт мечтает о наставнике, — напомнил он.

— Да. О ком-то, кто указал бы ему путь, научил.

— Научил чему? Он уже знает, как убивать.

Риццоли сделала паузу, чтобы глотнуть еще текилы. Когда она вновь подняла на него взгляд, то увидела, что он придвинулся еще ближе, словно боялся пропустить хотя бы одно слово ее откровений.

— Ему нужны вариации на тему, — сказала она. — Женщины и боль. И потом: сколько существует вариантов сокрытия трупов? Сколько способов пыток? В течение нескольких лет Уоррен действовал по заданной схеме. Возможно, он готов расширить свои горизонты.

— Или наш неизвестный готов расширить свои.

Она задумалась.

— Властелин?

— Можно ведь посмотреть на дело и с другой стороны. Что если это наш неизвестный ищет наставника? И выбрал себе в учителя Уоррена Хойта.

Она уставилась на него в изумлении, чувствуя, как бежит по телу холодок. Слово «учитель» предполагало мастерство, авторитет. Неужели за несколько месяцев, проведенных за решеткой, Хойт примерил на себя новую роль? Что если заточение вскормило его фантазии, ожесточило еще больше? Он и до ареста был чудовищем, а сейчас ей даже страшно было подумать о более могущественной инкарнации Уоррена Хойта.

Дин откинулся на спинку стула, и его голубые глаза уставились на стакан с текилой. Пил он очень умеренно, и сейчас его стакан опять стоял

на столике. Ее всегда поражало, что он не дает себе поблажек, не допускает слабости. Впрочем, усталость брала свое: плечи его поникли, глаза налились красными прожилками. Он потер рукой лицо.

— Как этим двум монстрам удалось найти друг друга в городе такого масштаба, как Бостон? — озадаченно произнес он. — Как они встретились?

— И к тому же так быстро? — добавила она. — Нападение на Гентов было совершено всего через два дня после побега Уоррена.

Дин поднял голову и посмотрел на нее.

— Они уже были знакомы.

— Или же знали друг о друге.

Разумеется, Властелин мог знать об Уоррене Хойте. Прошлой осенью описания его зверств можно было найти во всех бостонских газетах. Даже если они не встречались, Хойт тоже мог знать о неизвестном убийце, хотя бы из выпусков новостей. Наверняка он слышал о смерти Йигеров и догадался о том, что где-то орудует убийца, очень похожий на него. Его должен был заинтересовать этот хищник, брат по крови. Заочное знакомство состоялось с помощью телерепортажей и «Бостон глоуб».

Он и меня видел по телевизору. Хойт знал, что я была на месте убийства Йигера. И сейчас пытается напомнить о себе.

Прикосновение Дина заставило ее вздрогнуть. Он хмурился, глядя на нее, наклоняясь все ближе, и ей казалось, будто никто и никогда не смотрел на нее таким пытливым взглядом.

Никто, кроме Хирурга.

— Это не Властелин затеял со мной игру, — сказал она. — Это Хойт. Ложная тревога в парке была направлена на то, чтобы унизить меня. Только так он может приблизиться к женщине — сначала раздавив ее морально. Разорвав ее жизнь в клочья. Вот почему он выбирает для убийства изнасилованных женщин, женщины, которые уже были символически уничтожены. Прежде чем он нанесет смертельный удар, ему нужно поставить женщину на колени, заставить бояться.

— Вас-то уж никак не отнесешь к тем, кого можно заставить бояться.

Она зарделась от похвалы, поскольку знала, что не заслуживает ее.

— Я просто пытаюсь объяснить вам, как он действует, — продолжила она. — Как он выслеживает добычу. Парализует ее, прежде чем наброситься. Так было с Кэтрин Корделл. Перед решительным ударом он долго вел с ней психологическую игру, наводя ужас. Посыпал ей сигналы, убеждая в том, что может войти в ее жизнь так, что она даже не заметит этого. Как привидение, проходящее сквозь стены. Она не знала, когда он возникнет в очередной раз, откуда нанесет удар. Но знала, что он придет.

Вот это и деморализует. Сознание того, что однажды, когда ты этого меньше всего ожидаешь, он явится за тобой.

Несмотря на жуткий смысл этих слов, ей удавалось произносить их ровным голосом. Пожалуй, неестественно ровным. Дин молча и внимательно наблюдал за ней, словно искал хотя бы намек на слабость. Она не позволила ему увидеть это.

— А теперь у него есть сообщник, — сказала она. — Кто-то, у кого он может поучиться. И кому может передать кое-что взамен из собственного опыта. Короче, команда охотников.

— Вы полагаете, что они останутся вместе?

— Уоррену этого наверняка хочется. Он всегда мечтал о партнере. Они уже один раз убили вместе. А союз, скрепленный кровью, вдвое сильнее. — Риццоли наконец сделала последний глоток текилы, осушив свой стакан. Может, это избавит ее сегодня оточных кошмаров? Или же анестезия не подействует?

— Вы просили об охране? — неожиданно спросил Дин.

Вопрос удивил ее.

— Об охране?

— Ну, хотя бы поставили патрульную машину. Чтобы наблюдала за вашей квартирой.

— Я же полицейский.

Он слегка наклонил голову, словно ожидая конца фразы.

— Если бы я была мужчиной, вы бы задали этот вопрос? — спросила она.

— Но вы не мужчина.

— И это означает, что мне автоматически требуется защита?

— Почему в вашем голосе столько обиды?

— А почему вы считаете, что женщина не способна защитить свой дом?

Он вздохнул.

— Вам всегда нужно щелкнуть мужчину по носу, детектив?

— Я очень много работала, чтобы ко мне относились как к равной, — сказала она. — И не собираюсь выпрашивать для себя какие-то особые привилегии лишь потому, что я женщина.

— Именно потому, что вы женщина, ситуация для вас особая. Сексуальные фантазии Хирурга распространяются только на женщин. И Властелин нападает не на мужей, а лишь на их жен. Он насиливает чужих жен. И не пытайтесь убедить меня в том, что ваш женский пол здесь совершенно ни при чем.

При упоминании об изнасиловании она поморщилась. До сих пор они обсуждали тему сексуального насилия лишь применительно к другим женщинам. Но мысль о ней самой как о потенциальной жертве уводила разговор в другое русло, и ей уже было неловко продолжать его. Тем более с Дином, который все это время так пристально изучал ее, словно поставил перед собой задачу вывернуть ее душу наизнанку.

— Речь не о том, что вы полицейский, и не о том, можете ли вы себя защитить, — сказал он. — Прежде всего вы женщина. Женщина, о которой, вполне возможно, Уоррен Хойт мечтал все эти месяцы.

— Нет, он мечтал не обо мне. Ему нужна Кордэлл.

— Кордэлл далеко. Он ее не достанет. А вы рядом. Женщина, которую он однажды уже почти покорил. Женщина, которую он пригвоздил к полу в том подвале. Он держал нож у вашего горла. И уже чувствовал запах вашей крови.

— Перестаньте, Дин!

— В каком-то смысле он уже заявил свои права на вас. Вы почти принадлежите ему. И вы каждый день открыто появляетесь на улице, работаете на местах совершенных им убийств. Каждый труп — это послание для вас. Прелюдия к тому, что он готовит вам.

— Я сказала: хватит!

— И вы думаете, вам не нужна защита? Думаете, что пушка и «корочка» гарантируют жизнь? Значит, вы недооцениваете собственную интуицию. Вы же знаете, каков будет его следующий шаг. Знаете, о чем он мечтает, что его заводит. А заводите его — вы. Вернее, то, что он планирует сделать с вами.

— Заткнитесь же, черт возьми! — Ее гневная вспышка явилась неожиданностью для обоих. Она уставилась на него, мысленно проклиная себя за несдержанность и бесконтрольные слезы, которые взялись неизвестно откуда. Черт бы их побрал, нет, она не заплачет. Никогда еще она не показывала мужчинам свою слабость и не собиралась делать этого перед Дином.

Риццоли глубоко вздохнула и тихо произнесла:

— Я хочу, чтобы вы сейчас ушли.

— Я лишь прошу вас прислушаться к собственной интуиции. И принять те меры предосторожности, которые вы сами рекомендовали бы другим женщинам.

Она встала и подошла к двери.

— Спокойной ночи, агент Дин.

Он не шевельнулся, и она задалась вопросом, удастся ли ей когда-

нибудь выпихнуть этого мужчину из собственного дома. Наконец он поднялся, но уже у двери обернулся и сказал:

— Вы не всемогущи, Джейн. И никто от вас этого не требует.

Дин уже давно ушел, а Риццоли все стояла с закрытыми глазами, прислонившись к запертой двери, пытаясь успокоиться после его визита. Да, она не была всемогущей и непобедимой. Она поняла это год назад, когда смотрела в лицо Хирургу, ожидая смертельного укуса его скальпеля. Ей не нужно было напоминать об этом, и жестокая правда, с которой явился в ее дом Дин, тоже была не нужна.

Она вернулась в гостиную и взяла со стола телефонную трубку. В Лондоне еще даже не светало, но она не могла откладывать звонок.

Мур ответил после второго гудка, в его хриплом голосе звучала настороженность, несмотря на столь ранний час.

— Это я, — сказала Риццоли. — Извини, что разбудила.

— Подожди, я выйду в другую комнату.

Она подождала. Ей было слышно, как скрипнули под ним пружины кровати, как хлопнула дверь.

— Что случилось? — спросил он.

— Хирург вновь вышел на охоту.

— Уже есть жертвы?

— Несколько часов назад я была на вскрытии. Это его работа.

— Выходит, он время зря не теряет.

— Все гораздо хуже, Мур.

— Куда же хуже?

— У него новый партнер.

Повисла долгая пауза. И потом тихо прозвучало:

— Кто он?

— Мы полагаем, что это тот самый, который убил супругов в Ньютоне. Каким-то образом они с Хойтом нашли друг друга. И теперь охотятся вместе.

— Так скоро? Как они могли так быстро найти друг друга?

— Они знакомы. Они должны быть знакомы.

— Где же они познакомились? Когда?

— Это-то мы и должны выяснить. В этом ключ к установлению личности Властелина. — Ей вдруг вспомнилась операционная, из которой сбежал Хойт. Наручники — их отстегнул не охранник. Кто-то другой, кто вошел в операционную, чтобы освободить Хойта. Возможно, он замаскировался, надев медицинский халат или форму лаборанта.

— Я должен быть там, — заявил Мур. — Должен работать с тобой...

— Нет, не надо. Тебе нужно оставаться с Кэтрин. Я не думаю, что Хойту удастся найти ее. Но он будет пытаться. Он никогда не сдается и не отступает от намеченной цели, ты же знаешь. А теперь их двое, и мы понятия не имеем, как выглядит его напарник. Если он объявится в Лондоне, ты даже не узнаешь его в лицо. Так что нужно быть в полной готовности.

Как будто можно быть готовым к атаке Хирурга, устало подумала она, вешая трубку. Год назад Кэтрин Корделл думала, что готова. Она превратила свой дом в настоящую крепость и жила как в осаде. И все равно Хойту удалось усыпить ее бдительность, прорвать оборону; он нанес удар в тот момент, когда она меньше всего этого ожидала, и в том месте, которое она считала самым безопасным.

Так же, как и я считаю свой дом безопасным местом.

Риццоли подошла к окну. Глядя на улицу, она задавалась вопросом, не смотрит ли сейчас кто-то на нее, застывшую в оконном проеме. В сущности, отыскать ее совсем несложно. Хирургу достаточно открыть телефонный справочник и увидеть знакомую фамилию: РИЦЦОЛИ Дж.

Внизу у тротуара притормозила машина. Полицейский патруль. Она понаблюдала за ней, но машина не двигалась с места, и фары погасли, явно указывая на то, что она здесь надолго. Риццоли не просила присылать наружное наблюдение, но знала, кто это сделал.

Габриэль Дин.

* * *

История наполнена эхом женских криков.

Страницы учебников скрупультно освещают именно те эпизоды, которые особенно интересны. Вместо этого нас пичкают сухими описаниями военной стратегии и полевых сражений, рассказами о коварных генералах и армейских подвигах. Мы видим иллюстрации, на которых мужчины в военных доспехах, с оружием в руках запечатлены в момент наивысшего напряжения сил в бою с врагом. Или же маршалы с высоких холмов взирают на свои войска, ожидающие сигнала к атаке. Нам подсовывают карты, на которых стрелками изображены походы великих полководцев, мы читаем баллады, сложенные во славу короля и страны. Триумф мужчин воспевается из поколения в поколение.

И никто не говорит о женщинах.

Но мы-то знаем, что они тоже были в истории; их мягкая и нежная

коща, ароматы их духов тоже оставили след на ее страницах. Мы знаем, хотя и не говорим об этом, что война — это не только баталии. Что когда побежден последний вражеский солдат, торжествующие воины-победители устремляют свои взгляды на завоеванных женщин.

Так было всегда, хотя история предпочитает замалчивать жестокую реальность. Вместо этого я читаю о войне, которую представляют как средство достижения великой цели. Вот греки сражаются под неусыпным оком богов, и падение Трои преподносится поэтом Виргилием как победа героев: Ахиллеса и Гектора, Аякса и Одиссея, навеки прославивших свои имена. Он описывает скрежет мечей, полет стрел, пропитанную кровью землю.

Но упускает самые прекрасные моменты.

Только драматург Еврипид осмеливается рассказать о последствиях завоевания Трои и о судьбе ее женщин, но даже он осторожничает. Утаивает самые пикантные детали. Вот Аякс тащит испуганную Кассандру из святилища Афины Паллады, но нам самим приходится фантазировать о том, что происходит дальше. Как рвет он ее одежды, обнажая плоть. Как раздирает ее девственные бедра. Как кричит она от боли и отчаяния.

Павшая Троя была пронизана эхом таких криков. Они рвались из груди женщин, покоренных греками, которые по праву победителей присваивали себе живые трофеи. Интересно, кого-то из мужчин Трои оставили в живых, чтобы они могли наблюдать эти сцены? Историки ничего не пишут об этом. Но разве есть более сладкий способ отпраздновать победу, чем растерзать тело любимой на глазах побежденного врага? Разве это не есть высшее доказательство того, что ты окончательно добил его, унизил, уничтожил?

Вот это я твердо усвоил: триумф требует зрителей.

Я думаю о троянских женщинах, пока наш автомобиль скользит по Коммонвелс-авеню в плотном потоке транспорта. Это оживленная улица, и даже в девять вечера машины еле тащатся, так что у меня есть время рассмотреть интересующий меня дом.

В окнах темно; ни Кэтрин Корделл, ни ее нового мужа нет дома.

Это все, что я могу себе позволить, — взглянуть на здание из окна машины. Я знаю, что квартал находится под наблюдением, и все равно не могу удержаться от искушения еще раз увидеть эту неприступную крепость. Отныне она пустует, а потому не представляет для меня интереса.

Я смотрю на своего водителя, чье лицо скрыто в тени. Я вижу

только его силуэт и горящие глаза — глаза голодного зверя в ночи.

На канале «Дискавери» я видел фильм о ночной охоте львов, видел, как светятся в ночи их зеленые глаза. Сейчас я вспомнил тех хищников, голодных, затаившихся перед решающим прыжком. Такой же голод я вижу в глазах своего компаньона.

А он видит этот голод в моих глазах.

Я опускаю стекло и глубоко вдыхаю теплый запах города. Словно лев, обнюхивающий саванну, чтобы учуять запах добычи.

Они ехали вместе в машине Дина, направляясь на запад, в городок Ширли, находившийся в сорока пяти милях от Бостона. Дин мало говорил, но царившее в машине молчание лишь усиливало его спокойную уверенность. Она старалась не смотреть в его сторону, опасаясь, что он увидит в ее глазах смятение, причиной которого являлся именно он.

Вместо этого Риццоли уставилась под ноги, и в глаза сразу бросился темно-синий коврик. Интересно, подумала она, тот ли это нейлон шесть и шесть, номер 802 — синий, и сколько же машин имеют одинаковую обивку салона. Цвет был довольно популярным; ей казалось, она теперь видела его повсюду, куда ступала ее нога.

Кондиционер гнал слишком холодный воздух — она закрыла решетку вентилятора со своей стороны и взглянула в окно, за которым проплывали поля с высокой травой. Ей так и хотелось поскорее выбраться в тепло из этого переохлажденного агрегата. Утренняя дымка словно марлей накрывала зеленые поля, а деревья стояли, не шелохнувшись. Риццоли редко выбиралась в провинциальную часть Массачусетса. Дитя большого города, она не знала и не понимала прелестей загородных просторов и жалящих насекомых. Вот и сегодня она не испытывала восторга от мелькавших за окном пейзажей.

Прошлой ночью она плохо спала. Несколько раз просыпалась, с замиранием сердца вслушивалась в темноту, пытаясь различить чужие шаги и дыхание. В пять утра она встала, чувствуя себя вконец разбитой. Только после двух чашек кофе она нашла в себе силы позвонить в больницу и узнать о состоянии здоровья Корсака.

Он все еще был в реанимации. И до сих пор на аппарате искусственного дыхания.

Она приоткрыла окно, и в салон ворвался теплый воздух, пропитанный ароматами травы и земли. Ей стало грустно при мысли о том, что Корсак, возможно, никогда уже не сможет насладиться этими свежими запахами, почувствовать дыхание ветра. Она попыталась вспомнить их последний разговор — приятный ли он был? дружеский? — но так и не смогла.

На выезде с шоссе номер тридцать шесть Дин проследовал в сторону указателя на исправительное учреждение штата Массачусетс. Справа замаячила тюрьма «Соуза-Барановски», учреждение высшего уровня

безопасности, на время приютившее Уоррена Хойта. Дин припарковался на стоянке для посетителей и повернулся к ней.

— Если вы почувствуете, что вам нужно выйти, сразу говорите, — сказал он.

— А почему вы думаете, что я испугаюсь?

— Потому что я знаю, что он с вами сделал. Любой на вашем месте испытывал бы дискомфорт.

Она увидела искреннюю заботу в его глазах, но ей как раз этого и не хотелось; она еще сильнее ощущала, насколько хрупка ее отвага.

— Давайте просто делать дело, договорились? — Риццоли распахнула дверцу машины. Гордость заставила ее твердой походкой двинуться к зданию. Она же помогла невозмутимо пройти через пропускной пункт, где они с Дином предъявили свои удостоверения и сдали оружие. Ожидая сопровождающего, она принялась читать дресс-код, вывешенный в приемной для посетителей.

Посетителям запрещено являться на свидания с заключенными: с голыми ногами; в купальниках и шортах; в одежде, выдающей принадлежность к какой-либо бандитской группировке; в одежде, сходной с формой персонала тюремного заведения; в одежде с двойной подкладкой; в одежде вызывающих фасонов, с глубоким декольте; в чересчур мешковатой одежде, одежде из толстой и тяжелой ткани...

Список казался бесконечным и прописывал буквально все, от резинок для волос до резинок на трусах.

Наконец появился офицер внутренней службы — грузный мужчина, одетый в летнюю форму.

— Детектив Риццоли и агент Дин? Я офицер Кертис. Следуйте за мной.

Кертис был настроен дружелюбно, даже шутил, пропуская их через первую линию охраны. Риццоли задалась вопросом: был бы он так же любезен с ними, если бы они не оказались служителями закона? Он попросил их снять и выложить на стол для осмотра ремни, туфли, пиджаки, часы, ключи. Риццоли положила свой «Таймекс» рядом со сверкающей «Омегой» Дина. Потом стала снимать пиджак. Когда она расстегивала ремень и вытаскивала его из петель брюк, она почувствовала, что на нее смотрит Кертис — причем смотрит так, как смотрит мужчина на раздевающуюся женщину. Она сняла свои лодочки на низком каблуке,

выставила их рядом с ботинками Дина и холодно встретила взгляд Кертиса. Только после этого он отвел глаза в сторону. Вывернув карманы, она проследовала за Дином сквозь металлоискатель.

— Знаете, вам повезло, — сказал Кертис, обращаясь к ней. — Вы едва не попали на тотальный осмотр.

— Что?!

— Каждый день наш начальник смены наугад назначает порядковый номер посетителя, которого подвергают тотальному осмотру. Вы только что миновали эту участь. Следующий, кто будет за вами, будет подвергнут обыску по полной программе.

— Для меня это было бы незабываемое впечатление, — сухо ответила Риццоли.

— Можете одеваться. И вам обоим разрешается надеть часы.

— Вы так говорите, будто это великая привилегия.

— Только адвокатам и офицерам внутренней службы разрешено выходить из этой двери в часах. Всем остальным предписано оставлять ценности здесь. А теперь я должен поставить вам клеймо на левое запястье, чтобы вы могли пройти в камеры.

— У нас на девять назначена встреча с суперинтендантом Окстоном, — уточнил Дин.

— Он опаздывает. Попросил меня сначала показать вам камеру заключенного. А потом я проведу вас в кабинет Окстона.

Как объяснял по дороге Кертис, тюрьма «Соуса-Барановски» была новейшим исправительным учреждением с уникальной системой безопасности, которая обеспечивалась сорока двумя компьютерными терминалами. Он показал многочисленные камеры видеонаблюдения.

— Они фиксируют каждое мгновение жизни заключенных. Большинство посетителей даже не видят живых надзирателей. Они только слышат их указания, которые передаются по системе внутренней связи.

Пока они шли по длинному коридору, минуя многочисленные решетчатые ворота, Риццоли имела возможность убедиться в том, что каждое ее движение фиксируется на мониторе. Простым нажатием кнопки на клавиатуре компьютера охранники, не покидая своего рабочего места, могли заблокировать любой проход, любую камеру.

На входе в блок С голос по интеркому дал им команду приложить свои пропуска к окошку для считывания. Они опять повторили свои имена и звания, и офицер Кертис подтвердил:

— Двое посетителей для осмотра камеры заключенного Хойта.

Открылась стальная дверь, и они вошли в комнату отдыха блока С,

общую для заключенных. Стены здесь были выкрашены в больничный тускло-зеленый цвет. Риццоли увидела вмонтированный в стену телевизор, диван и стулья, стол для пинг-понга, где двое зэков гоняли шарик. Вся мебель была привинчена к полу. Десяток уголовников в синих робах мгновенно повернули к ним головы и вытаращили глаза.

Смотрели, конечно, на Риццоли, единственную женщину.

Игравшие в пинг-понг тотчас прекратили игру. Какое-то мгновение единственным источником звука оставался телевизор, настроенный на канал CNN. Риццоли смело встретила взгляды заключенных, не выказывая и тени смущения, хотя и знала, о чем думает сейчас каждый из этих мужчин, о чем мечтает. Она даже не заметила, как Дин встал рядом, пока не почувствовала, что он твердо держит ее за руку.

Голос по интеркому скомандовал:

— Посетители, вы можете пройти в камеру С-восемь.

— Это сюда, — подсказал офицер Кертис. — Этажом выше.

Они поднялись по лестнице, звонко клацая подошвами по металлическим ступеням. С верхней галереи, которая вела к одиночным камерам, можно было заглянуть в колодец общей комнаты. Кертис довел их до камеры под номером 8.

— Вот она, камера заключенного Хойта.

Риццоли остановилась на пороге и уставилась в клетку. Ничего особенного в этой камере не было — такая же, как и все остальные. Ни фотографии, ни личные вещи не напоминали о том, что когда-то здесь обитал Уоррен Хойт, и тем не менее ей стало не по себе. Как будто воздух был отравлен его присутствием. Если бы существовал вирус зла, это место вполне можно было бы считать заразным.

— Вы можете зайти, если хотите, — предложил Кертис.

Она вошла в камеру. Увидела три голые стены, нарды и матрас, умывальник и унитаз. Польский куб. Вполне во вкусе Уоррена. Он был аккуратистом, педантом, ведь когда-то работал в стерильном мире медицинской лаборатории, где единственными цветными пятнами были пробирки с кровью. Ему не нужно было окружать себя мрачными картинками: в тех, что он рисовал в своем сознании, жути хватало.

— В эту камеру новенького еще не посадили? — спросил Дин.

— Пока нет, сэр.

— И со времени побега Хойта здесь никого не было?

— Нет, сэр.

Риццоли подошла к матрасу и приподняла уголок. Дин схватился с другого края, и вместе они подняли матрас и заглянули под него. Ничего.

Перевернув матрас, они тщательно проверили, нет ли прорезей в ткани, тайников, куда он мог бы спрятать контрабанду. Сбоку обнаружилась крохотная дырка, куда Риццоли сунула палец, но так ничего и не нашла.

Она выпрямилась и окинула взглядом камеру, пытаясь представить, как это выглядело при Хойте. Как он лежал на этом матрасе, уставившись в голый потолок, предаваясь фантазиям, которые повергли бы в ужас любого нормального человека. Но Хойта они лишь раззадоривали. Он покрывался потом, возбуждаясь от воображаемых криков женщин.

Она обернулась к офицеру Кертису.

— Где его личные вещи? Корреспонденция?

— В кабинете суперинтенданта. Сейчас мы туда отправимся.

* * *

— Сразу же после вашего звонка сегодня утром я распорядился принести сюда для осмотра все личные вещи заключенного, — сказал суперинтендант Окстон, указывая на большую картонную коробку на столе. — Мы сами уже все осмотрели. И не нашли никакой контрабанды. — Он так выразительно произнес последнюю фразу, словно это снимало с него всю ответственность за случившееся.

Окстон показался Риццоли человеком, не терпящим никаких отступлений от правил и безжалостно насаждающим бесконечные указы и распоряжения. Разумеется, при нем не могло быть никакой контрабанды, нарушители внутреннего распорядка подвергались изоляции, а свет в камерах выключался в строго назначенное время и ни секундой позже. Ей достаточно было одного взгляда на кабинет, украшенный фотографиями молодого ряного Окстона в армейской форме, чтобы понять, что здесь была вотчина человека, привыкшего к порядку и дисциплине. И все же, несмотря на его старания, заключенному удалось бежать, и теперь Окстону приходилось защищаться. Он встретил их сухим рукопожатием и холодным взглядом голубых глаз.

Он открыл коробку и достал оттуда застегнутый на молнию пластиковый мешок, который передал Риццоли.

— Туалетные принадлежности заключенного, — прокомментировал Окстон. — Обычный набор для личной гигиены.

Риццоли увидела зубную щетку, расческу, мочалку и мыло. Лосьон. Она поспешила отложить пакет в сторону, испытав отвращение при мысли о том, что Хойт каждый день пользовался этими предметами, ухаживая за

собой. На расческе оставались мелкие светлые волоски.

Окстон продолжил выкладывать на стол содержимое коробки. Нижнее белье, стопка журналов «Нэшнл джеографик», несколько номеров газеты «Бостон глобус»; два батончика «Сникерс», блокнот желтой почтовой бумаги, белые конверты, три пластмассовые шариковые ручки.

— Вот его корреспонденция, — сказал Окстон и достал еще один застегнутый на молнию пластиковый пакет с пачкой писем. — Мы просмотрели каждое письмо, — сообщил он. — Полиция штата переписала имена и адреса всех его корреспондентов. — Он передал связку писем Дину. — Разумеется, здесь только та почта, которую он хранил. Возможно, что-то он и выбросил.

Дин открыл пакет и вытащил письма. Их было с десяток, и все они были в конвертах.

— А вы разве не просматриваете почту? — спросил Дин. — Прежде чем отдавать ее заключенным?

— У нас есть такое право. В зависимости от типа почтовых отправлений.

— В каком смысле?

— Если корреспонденция под грифом «привилегированная», надзирателям разрешается просматривать лишь конверты на предмет обнаружения контрабанды. Но читать письма им не разрешается.

— Выходит, вы понятия не имеете, о чем ему писали.

— Если это была привилегированная почта.

— А какая разница между привилегированной и непривилегированной почтой? — поинтересовалась Риццоли.

Судя по взгляду, который метнул на нее Окстон, вопрос Риццоли пришелся ему не по душе.

— Непривилегированная почта приходит от друзей, семьи или знакомых. Например, многие из наших подопечных имеют друзей по переписке, которые выполняют благотворительную миссию.

— Переписываясь с убийцами? Они что, сумасшедшие?

— Многие из них — наивные и одинокие женщины. Идеальные объекты для жуликов и мошенников. Такие письма считаются непривилегированными, и надзиратели имеют право читать их. Но у нас не всегда хватает времени прочитать их все. К нам приходят мешки писем. Если говорить конкретно о Хойте, так он получал много почты.

— От кого? Насколько мне известно, родных у него практически не было, — заметил Дин.

— В прошлом году о нем столько говорили. Он стал прямо-таки

популярным. И его буквально заваливали письмами.

Риццоли пришла в ужас.

— Вы хотите сказать, что он получал письма от поклонников?

— Да.

— Боже! Люди сошли с ума.

— Разговор с убийцей будоражит кровь. Люди мечтают хотя бы как-то прикоснуться к славе. Мансон, Дамер, Гейси — все эти отъявленные мерзавцы получали письма от своих фанатов. Наши заключенные получают даже предложения о женитьбе. Женщины присылают им наличность, свои фотографии в бикини. Мужчины спрашивают, каково это — совер什ить убийство. В мире полно психопатов, которые заводятся от одной только мысли, что они знакомы с настоящим убийцей.

Но один из них пошел дальше. Ему мало было переписки, он по-настоящему вступил в эксклюзивный клуб последователей Хойта. Риццоли со злостью смотрела на связку писем — свидетельство бешеної популярности Хирурга. Убийца в роли рок-звезды. Она вспомнила о шрамах на своих ладонях и подумала о том, что каждое из этих писем ранит ее так же больно, как некогда его скальпель.

— Ну а что с привилегированной почтой? — спросил Дин. — Вы сказали, что она не подвергается цензуре. И что к ней относится?

— Это конфиденциальная почта, которая поступает от должностных лиц штата или федерального уровня. Скажем, от окружного судьи или адвоката. Почта от президента, губернатора, из органов судебной власти.

— А что, Хойт получал и такую почту?

— Вполне возможно. Мы не ведем учет всей входящей корреспонденции.

— А как вы узнаете, что письмо относится к привилегированной почте? — спросила Риццоли.

Окстон раздраженно посмотрел на нее.

— Я же вам только что сказал. Если это письмо от федерального или иного официального...

— Нет. Я имею в виду, откуда вы знаете, что оно не написано на фальшивом или украденном бланке? Предположим, я составлю для кого-то из заключенных подробный план побега и отправлю его в конверте из офиса ну, скажем, сенатора Конвея. — Пример, который она привела, был не случайным. Она наблюдала за Дином и увидела, как при упоминании имени Конвея у него дернулся подбородок.

Окстон замялся.

— Это невозможно. Это же наказуемо...

— Выходит, такое все-таки случалось?

Окстон неохотно кивнул.

— Было несколько случаев. Криминальную информацию пересылали под видом официальной корреспонденции. Мы стараемся проявлять бдительность, но иногда что-то проскальзывает.

— А что с исходящей почтой? С письмами, которые отсыпал Хойт? Вы их просматривали?

— Нет.

— Что, ни одного?

— Мы не видели необходимости в этом. Он не считался проблемным заключенным. Всегда охотно сотрудничал с администрацией. Был очень тихим и вежливым.

— Примерный заключенный, — съязвила Риццоли. — Все верно.

Окстон устремил на нее ледяной взгляд.

— У нас здесь содержатся такие отморозки, что вырвут вам руки и только посмеются. А могут запросто сломать охраннику шею только за то, что еда не понравилась. Хойт в этом смысле нас совсем не беспокоил.

Дин спокойно вернулся разговор в прежнее русло:

— Итак, мы не знаем, кому он мог писать?

Этот непринужденный вопрос, казалось, снял напряженность. Окстон отвернулся от Риццоли и сосредоточил свое внимание на Дине. Тем более что тот был мужчиной.

— Нет, не знаем, — сказал он. — Заключенный Хойт мог писать кому угодно.

* * *

В комнате для совещаний, куда они прошли из кабинета Окстона, Риццоли и Дин надели латексные перчатки и выложили на стол письма, адресованные Уоррену Хойту. Каких только конвертов здесь не было — и в пастельных тонах, и в цветочек, и даже с вензелем «Спаси и сохрани». Самым нелепым показался конверт, декорированный резвящимися котятами. Да, именно такие образы стоило посыпать Хирургу. Риццоли представила, как он умилялся, получая их.

Она открыла конверт с котятами и обнаружила в нем фотографию улыбающейся женщины с глазами, полными надежды. И еще было письмо, написанное девичьим почерком, со смешными загогулинами:

Мистеру Уоррену Хойту, заключенному.
Исправительное учреждение штата Массачусетс

Уважаемый мистер Хойт!

Сегодня я видела вас по телевизору, когда вас вели к зданию суда. Мне кажется, я очень хорошо умею читать по лицам. Так вот в вашем лице я увидела столько грусти и боли. Господи, сколько же в нем боли! Но я знаю, что в вас много доброты. Если бы только рядом с вами оказался человек, который помог бы вам открыть ее в себе...

В ярости, Риццоли едва не скомкала письмо. Ей захотелось найти эту дуреху и устроить ей хорошую взбучку. Ткнуть ее носом в фотографии изуродованных жертв Хойта, заставить прочитать отчеты патологоанатомов с описанием агонии, через которую пришлось пройти этим бедным женщинам, прежде чем они дождались страшного конца. Она с трудом заставила себя дочитать до конца письмо с его сахарными призывами к человечности и доброте, «которая живет в каждом из нас».

Она потянулась к следующему конверту. На нем не было никаких котят, это был обычный почтовый конверт с письмом на линованной бумаге. И опять от женщины, которая тоже приложила свою фотографию — явно передержанный снимок, с которого подмигивала крашеная блондинка.

Уважаемый мистер Хойт!

Нельзя ли получить ваш автограф? Я уже собрала много автографов у таких людей, как вы. У меня даже есть автограф Джейфри Дамера. Если вам захочется написать мне, это было бы здорово. Ваш друг Глория.

Риццоли уставилась на эти строчки, отказываясь верить в то, что их написал человек в здравом уме: «это было бы здорово», «ваш друг».

— Боже правый, — пробормотала она. — Да они сумасшедшие.

— Притягательная сила славы, — сказал Дин. — У них нет своей жизни. Они чувствуют себя никчемными, убогими. Поэтому и пытаются притереться к тому, чье имя на слуху. Хотят, чтобы и им перепало от этой известности.

— Известности? — Она посмотрела на Дина. — Вы так предпочитаете называть это?

— Вы понимаете, что я имею в виду.

— Нет, не понимаю. Я не понимаю, что заставляет женщин писать письма таким монстрам. Они что, ищут романтики? Или мечтают, чтобы кто-то их изнасиловал в извращенной форме? Может, это принесет наслаждение их возвышенным натурам? — Риццоли резко отодвинулась от стола и, поднявшись, прошла к стене с узкими прорезями окон.

Сложив на груди руки, она уставилась на тонкую полоску солнечного света, кусочек голубого неба. Даже такой вид из окна доставлял большее удовольствие, нежели чтение писем поклонниц Уоррена Хойта. Она не сомневалась в том, что Хойту льстила такая популярность. Каждое полученное письмо было живым свидетельством того, что он до сих пор имел власть над женщинами, что, даже находясь за решеткой, мог по-прежнему манипулировать ими. Обращать в свою собственность.

— Это пустая трата времени, — с горечью произнесла она, наблюдая за тем, как порхает птица среди зданий, где в клетках сидели люди, а железные решетки служили преградой чудовищам, а не птичьим песням. — Он не дурак. Наверняка уничтожил все следы, которые могут привести к Властелину. Он защитил своего нового друга. И вряд ли оставил нам хотя бы какую-то зацепку.

— Может, это и бесполезно, — произнес Дин, шурша бумагами. — Но в высшей степени увлекательно.

— О, да. Думаете, мне так интересно читать, что пишут ему эти безумные женщины? Да меня тошнит от этих откровений.

— Может, в этом все и дело?

Риццоли резко обернулась к Дину. Луч света падал ему на лицо так, что ярко блестел один голубой глаз. Она всегда находила его лицо привлекательным, но сейчас особенно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Вам неприятно читать письма его поклонниц.

— Да меня от них воротит. Неужели не видно?

— Он это понимал. — Дин кивнул на пачку писем. — Он знал, что они вас расстроят.

— Вы думаете, он рассчитывал выбить меня из колеи? Этими письмами?

— Это психологическая игра, Джейн. Он специально оставил эти письма, для вас. Коллекция любовных посланий. Он знал, что вы обязательно приедете сюда после его побега и прочтете эти признания, адресованные ему. Может быть, он хотел показать вам, что и у него есть воздыхатели. Что вы вот презираете его, а есть женщины, которые им

восхищаются, тянутся к нему. Он ведет себя словно отвергнутый любовник: заставляет вас ревновать, пытается вывести вас из равновесия.

— Не морочьте мне голову.

— И его расчет оказался верным, не так ли? Посмотрите на себя. Он так вас возбудил, что вы даже не усидели на месте. Он знает, как манипулировать вами, как свести вас с ума.

— Вы его переоцениваете.

— Разве?

Она жестом указала на письма:

— Вы хотите сказать, что все это для меня? Я что, центр Вселенной для него?

— Так же, как и он для вас, — тихо произнес Дин.

Риццоли уставилась на него, не смея возразить, поскольку только сейчас поняла, насколько он прав. Уоррен Хойт действительно был для нее центром Вселенной. Он был ее мрачным повелителем — и когда являлся вочных кошмарах, и когда мерещился повсюду днем. В том подвале она как будто получила клеймо его собственности, как бывает со всеми жертвами, и выжечь его было невозможно. Оно отпечаталось на ее ладонях, проросло в душе.

Она вернулась к столу и села, заставив себя продолжить прерванное занятие.

Следующий конверт был с отпечатанным на машинке обратным адресом: доктор Дж. П. О'Доннелл, 1634 Брэттл-стрит, Кембридж, МА 02138. Расположенная по соседству с Гарвардским университетом, Брэттл-стрит была оазисом фешенебельных домов, обителью научной элиты, где профессора университетов и промышленные магнаты на пенсии бегали по утрам по одним и тем же дорожкам и помахивали друг другу из-за аккуратно подстриженных изгородей. И уж никак нельзя было заподозрить, чтобы в таком районе проживал сообщник маньяка-убийцы.

Она развернула письмо, находившееся в конверте. На нем стояла дата шестинедельной давности.

Дорогой Уоррен!

Спасибо за твоё последнее письмо и подпись на двух документах. Сведения, которые ты сообщил, очень помогут мне в понимании тех трудностей, с которыми тебе пришлось столкнуться. У меня к тебе еще много вопросов, и очень хорошо, что ты по-прежнему готов встретиться со мной, как мы и планировали. Если ты не возражаешь, мне бы хотелось записать

интервью на видеопленку. Ты конечно же понимаешь, что твоя помощь неоценима в моем проекте.

С искренними пожеланиями, доктор О'Доннелл.

— Кто такой этот Дж П. О'Доннелл? — спросила Риццоли.

Дин удивленно взглянул на нее:

— Джойс О'Доннелл?

— На конверте просто значится: доктор Дж. П. О'Доннелл. Кембридж, Массачусетс. По всей видимости, она брала у него интервью.

Он нахмурился, уставившись на конверт.

— Я не знал, что она переехала в Бостон.

— Вы с ней знакомы?

— Она нейропсихиатр. Скажем так, мы с ней встречались по разные стороны баррикад, в зале суда. Адвокаты защиты просто обожают ее.

— Можете не объяснять. Эксперт-свидетель, горой стоит за отъявленных негодяев.

Он кивнул.

— Независимо от того, что натворил ее подопечный, скольких людей отправил на тот свет, О'Доннелл с радостью свидетельствует в его пользу, подводя научную базу.

— Интересно, зачем она пишет Хойту. — Риццоли перечитала письмо. Оно было проникнуто явным уважением, благодарностью за сотрудничество. Она уже заочно невзлюбила доктора О'Доннелл.

Следующий конверт тоже был от О'Доннелл, но письма в нем не было. Вместо этого там были три поляроидных снимка, явно любительских. Два из них были сделаны на улице днем, третий — в помещении. Какое-то мгновение она просто смотрела на них, чувствуя, как поднимаются волосы на затылке, пока взгляд фиксирует то, что отказывается воспринимать мозг. Потом резко отпрянула, и фотографии выскоились из ее рук, словно раскаленные угли.

— Джейн? В чем дело?

— Это я, — прошептала она.

— Что?

— Она следила за мной, фотографировала меня и посыпала снимки ему.

Дин поднялся со стула и подошел к ней, заглянув через плечо.

— Я не вижу вас здесь...

— Смотрите, смотрите. — Она ткнула пальцем в темно-зеленую «Хонду», припаркованную на улице. — Это моя машина.

— Но вы же не видите номеров.

— Я могу узнать свою машину!

Дин взял в руки снимок. На обороте кто-то нарисовал лицо с идиотской улыбкой и приписал синими чернилами: «Моя машина».

Страх уже сковал ее грудь.

— Посмотрите следующий, — сказала она.

Он взял второй снимок. Тот тоже был сделан на улице, при дневном свете, и на нем был запечатлен фасад здания. Ему не надо было объяснять, что это за здание; вчера ночью он был в нем. Он перевернул фото и прочел на обороте: «Мой дом». Под этими словами улыбалось еще одно лицо.

Дин взял третий снимок, который был сделан в зале ресторана.

На первый взгляд, фотография являла собой неудачную композицию, в которой фигурировали почтенные посетители за столиками и официантка с подносом в руках. Риццоли хватило нескольких секунд, чтобы заметить сидящую слева от центра темноволосую женщину, снятую в профиль. Она подождала, пока Дин разглядит ее.

Он тихо спросил:

— Вы узнаете место?

— Кафе «Старфиш».

— Когда сделан снимок?

— Не знаю...

— Вы часто там бываете?

— По воскресеньям. Завтракаю. Это единственный день недели, когда я... — У нее дрогнул голос. Она смотрела на собственный профиль, расслабленную позу, чуть наклоненную вперед голову, уткнувшуюся в раскрытую газету. Должно быть, воскресную. По воскресеньям она баловала себя завтраками в «Старфиш». Брала утренний французский тост с беконом.

Оказывается, за ней наблюдали. Она этого не замечала. А между тем ее фотографировали. И отсылали фотографии тому самому человеку, который являлся ей вочных кошмарах.

Дин перевернул снимок обратной стороной.

Там была нарисована еще одна улыбающаяся рожица, а под ней — обрамленное сердечком единственное слово:

Я.

16

Моя машина. Мой дом. Я.

Возвращаясь в Бостон, Риццоли кипела от ярости. Хотя Дин сидел рядом, она даже не смотрела в его сторону; она была слишком сосредоточена на своих эмоциях, пестовала свою злобу, которая становилась всепоглощающей.

Она разозлилась еще больше, когда Дин подкатил к дому О'Доннелл на Брэттл-стрит. Риццоли уставилась на особняк в колониальном стиле — ослепительно-белый, с серыми ставнями. Витая решетка забора огораживала палисадник с идеальным газоном и выложенной гранитными плитами дорожкой. Даже по меркам Брэттл-стрит, это был роскошный дом, о котором государственный служащий и мечтать не мог. А между тем, думала она, именно такие государственные служащие, как я, очищают мир от мерзавцев вроде Уоррена Хойта, а потом страдают от нервного срыва. Это она запирала на ночь окна и двери, а по ночам вздрагивала от каждого шороха, в котором ей мерещились шаги призрака. Она боролась с монстрами и страдала от последствий этой борьбы, в то время как здесь, в этом шикарном особняке, жила женщина, которая предлагала этим же монстрам свою дружбу, ходила по судам и добивалась для них оправданий. Это был дом, построенный на костях жертв.

Платиновая блондинка, открывшая дверь, была такой же ухоженной, как и ее резиденция; волосы уложены сияющим венцом, а рубашка и брюки от «Брукс Бразерз» безукоризненно отглажены. На вид ей было около сорока, и ее лицо казалось вылепленным из алебастра. Как и в настоящем алебастре, в нем не было тепла. Глаза излучали лишь холодный интеллект.

— Доктор О'Доннелл? Я детектив Джейн Риццоли. А это агент Габриэль Дин.

Женщина сосредоточила свой взгляд на Дине.

— Мы встречались с агентом Дином.

И, очевидно, произвели друг на друга впечатление, причем неблагоприятное, подумала Риццоли.

Явно не обрадованная визитом, О'Доннелл механически и без тени улыбки провела их через просторный холл в небольшую гостиную. Белая шелковая обивка дивана эффектно выделялась на фоне каркаса из палисандрового дерева, а восточные ковры в густых красных тонах подчеркивали красоту полов из тика. Риццоли слабо разбиралась в

искусстве, но даже она поняла, что картины на стенах были оригиналами, причем весьма ценными. Костей становится все больше, машинально отметила она. Они с Дином сели на диван, напротив О'Доннелл. Им не было предложено ни чая, ни кофе, ни даже воды, и это недвусмысленно указывало на то, что хозяйка не расположена к длительному разговору.

О'Доннелл перешла сразу к делу и обратилась к Риццоли:

— Вы сказали, это касается Уоррена Хойта.

— Вы переписывались с ним.

— Да. Разве это противозаконно?

— Каков был характер вашей переписки?

— Раз уж вам известно о ней, то, я полагаю, вы читали письма.

— Каков был характер вашей переписки? — Риццоли невозмутимо повторила вопрос.

О'Доннелл на мгновение уставилась на нее, словно оценивая противника. Она уже поняла, что Риццоли противник, и повела себя соответствующим образом, настроившись на оборону.

— Для начала я должна задать вам вопрос, детектив, — парировала О'Доннелл. — С чего вдруг моя переписка с мистером Хойтом заинтересовала полицию?

— Вам известно, что он бежал из тюрьмы?

— Да, конечно. Это передавали в выпуске новостей. И потом, полиция штата связывалась со мной на предмет того, не пытался ли он искать встречи со мной. Они опрашивали всех, кто переписывался с Уорреном.

Уоррен. Выходит, они называли друг друга по имени.

Риццоли открыла большой почтовый конверт, который принесла с собой, достала оттуда застегнутый на молнию пластиковый мешок с тремя поляроидными снимками и протянула его О'Доннелл.

— Вы посыпали эти фотографии мистеру Хойту?

О'Доннелл едва взглянула на снимки.

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Вы ведь их даже не разглядели.

— В этом нет необходимости. Я никогда не посыпала мистеру Хойту никаких фотографий.

— Они были обнаружены в его камере. В конверте с вашим обратным адресом.

— Должно быть, он использовал мой конверт для хранения фотографий. — Она вернула снимки Риццоли.

— А что именно посыпали ему вы?

— Письма, документы, которые он должен был подписать и вернуть.

— Что за документы?

— Его школьная характеристика, выписка из педиатрической истории болезни. Мне важна любая информация, которая помогла бы осмыслить его личность.

— И сколько раз вы ему писали?

— Кажется, четыре-пять раз.

— И он ответил?

— Да. Я подшила его письма в дело. Можете взять копии.

— Он не пытался связаться с вами после побега?

— Неужели вы всерьез полагаете, что я бы призналась в этом властям?

— Не знаю, доктор О'Доннелл. Я не знаю характера ваших отношений с мистером Хойтом.

— Это была переписка. Никаких отношений не было.

— И все-таки вы писали ему. Четыре или пять раз.

— Я еще и ездила к нему. Интервью записано на видеопленку, можете взглянуть.

— Почему вы решили взять у него интервью?

— Ему есть что рассказать. У него есть чему поучиться всем нам.

— Например, тому, как кромсать женские тела? — Слова сорвались с губ, прежде чем Риццоли успела подумать. Ее горечь устала биться о броню равнодушия этой женщины.

Даже не дрогнув, О'Доннелл ответила:

— Как служитель закона вы видите лишь конечный результат: жестокость, насилие — ужасные преступления, которые являются естественным результатом пережитых этими людьми страданий.

— А что видите вы?

— То, что этому предшествовало. Историю их жизни.

— Сейчас вы станете убеждать меня в том, что во всем виновато тяжелое детство.

— А что вы знаете о детстве Уоррена?

Риццоли почувствовала, как у нее поднялось кровяное давление. У нее не было ни малейшего желания копаться в истоках навязчивых идей Хойта.

— Его жертвам было наплевать на его детство. Так же, как и мне.

— Но вы о нем знаете?

— Насколько мне известно, оно было абсолютно нормальным. Во всяком случае гораздо лучше, чем у многих других мужчин, которые не вспарывают женщинам животы.

— Нормальным. — Казалось, О'Доннелл находила это слово забавным. Она перевела взгляд на Дина, причем впервые за все время

разговора. — Агент Дин, почему бы вам не поделиться с нами своим определением «нормального»?

В глазах обоих промелькнула враждебная искорка — эхо давних споров, так до конца и не разрешенных. Но, какие бы эмоции Дин сейчас ни испытывал, это ничуть не отразилось на его интонации. Совершенно спокойно он ответил:

— Детектив Риццоли задает вопросы. Я советую вам отвечать на них, доктор.

Риццоли удивило, что до сих пор он не взял бразды правления в свои руки. Дин всегда казался ей человеком, привыкшим контролировать любую ситуацию, а сегодня он явно уступил ей ведущую роль, а сам предпочел остаться наблюдателем.

Она позволила эмоциям внести некоторую сумятицу в разговор. Теперь пришло время продемонстрировать свою силу, а для этого нужно было взять себя в руки, действовать четко и методично.

— Когда вы начали переписываться? — продолжила она.

О'Доннелл ответила, причем весьма деловито:

— Примерно три месяца назад.

— А почему вы решили написать ему?

— Минуточку. — О'Доннелл усмехнулась. — У вас неверная информация. Не я была инициатором переписки.

— Вы хотите сказать, что это был Хойт?

— Да. Он первым написал мне. Сообщил, что много слышал о моих работах в области психологии насилия. Он знал, что я неоднократно выступала в суде в качестве свидетеля защиты.

— Он хотел нанять вас?

— Нет. Он знал, что его приговор не может быть изменен. Во всяком случае в обозримом будущем. Но он думал, что меня может заинтересовать его случай. Так оно и вышло.

— Почему?

— Вы хотите знать, почему он меня заинтересовал?

— Почему вы решили тратить время на переписку с таким, как Хойт?

— Он как раз тот человек, о котором мне интересно узнать как можно больше.

— Его обследовали десятки психиатров. У него нет никаких отклонений. Он абсолютно нормальный, если не считать того, что ему нравится убивать женщин. Связывать их, а потом вспарывать животы. Он заводится от того, что играет в хирурга. Правда, режет он своих жертв без наркоза. Чтобы они знали и видели, что он с ними делает.

— И вы называете его нормальным...

— Его нельзя назвать сумасшедшим. Он прекрасно сознавал, что делал, и ему это нравилось.

— Так вы полагаете, что он просто родился злодеем?

— Так бы я и выразилась, — сказала Риццоли.

О'Доннелл устремила на нее взгляд, который, казалось, проникал прямо в душу. Насколько глубоко она видела? Вдруг профессиональные навыки позволили ей заглянуть сквозь маску полицейского и увидеть скрывающуюся под ней искалеченную душу?

О'Доннелл вдруг резко поднялась.

— Почему бы вам не пройти в мой кабинет? — предложила она. — Вам нужно кое-что увидеть.

Риццоли и Дин последовали за ней по коридору; их шаги мягко утопали в винно-красной ковровой дорожке. Комната, в которую она их привела, резко контрастировала с богато декорированной гостиной. Офис О'Доннелл был сугубо деловым: белые стены, книжные полки со специализированной литературой, типовые металлические шкафы с картотекой. Риццоли подумала, что, входя в кабинет, сразу настраивается на рабочий лад. Иказалось, для О'Доннелл это именно так и было. С мрачной решимостью во взгляде она подошла к своему столу, схватила лежавший на нем конверт с рентгеновскими снимками и поднесла его к проектору, смонтированному на стене. Вставив снимок, она включила аппарат.

Вспыхнул экран, и на нем появились контуры человеческого черепа.

— Фронтальный вид, — пояснила О'Доннелл. — Рабочий-строитель, белый мужчина, двадцать восемь лет. Он был законопослушным гражданином, внимательным и добрым мужем, любящим отцом своей шестилетней дочери. Потом на стройке получил черепно-мозговую травму. — Она посмотрела на своих гостей. — Агент Дин, вероятно, уже видит ее. А вы, детектив?

Риццоли подошла ближе к экрану. Ей не часто доводилось изучать рентгеновские снимки, и она по привычке видела лишь общую картину: свод черепа, полые отверстия глазниц, частокол зубов.

— Я поставлю боковой вид, — сказала О'Доннелл и вставила в аппарат второй снимок. — Теперь видите?

Второй снимок показывал череп в профиль. Риццоли увидела тончайшую паутину трещин, покрывавшую лобную часть черепа. Она ткнула в нее пальцем.

О'Доннелл кивнула.

— Он был без сознания, когда его привезли в операционную. Томография показала кровоизлияние с обширной субдуральной гематомой — скопление крови, — которая давила на фронтальные доли мозга. Хирургическим путем кровь откачали, и он пошел на поправку. Или, во всяком случае, так казалось. Он выписался из больницы и вскоре приступил к работе. Но он уже был другим. Все чаще он стал срываться на работе, и в конце концов его уволили. Он начал сексуально домогаться собственной дочери. Потом, после очередного скандала с женой, он так жестоко избил ее, что тело невозможно было узнать. Он бил ее и не мог остановиться. Даже после того, как выбил ей все зубы. И после того, как ее лицо превратилось в лохмотья кожи и фрагменты костей.

— Вы хотите сказать, что виновато во всем это? — произнесла Риццоли, указывая на трещины в черепе.

— Да.

— Да перестаньте.

— Взгляните на этот снимок, детектив. Видите, где прошла трещина? И вспомните, какой участок мозга находится прямо под ней. — Она обернулась и посмотрела на Дина.

Он невозмутимо встретил ее взгляд и произнес:

— Лобные доли.

Легкая улыбка пробежала по губам О'Доннелл. Ей явно доставляло удовольствие сразиться с давним оппонентом.

— А какой смысл был в этом снимке? — спросила Риццоли.

— Меня пригласил адвокат обвиняемого и попросил сделать нейропсихиатрическое заключение. Я провела так называемый Висконсинский тест по сортировке карточек и тест из батареи Холстеда-Райтана, сделала магниторезонансное сканирование его мозга. И все эти исследования подтвердили один и тот же диагноз: человек получил серьезнейшую травму обеих лобных долей головного мозга.

— Но вы же сказали, что он совершенно оправился от травмы.

— Так казалось.

— И все же он был психически ненормальный или нет?

— Даже при сильном повреждении фронтальных долей вы можете спокойно ходить, говорить, выполнять свои ежедневные обязанности. Вы можете побеседовать с тем, кто перенес фронтальную лоботомию, и не заметить никаких отклонений. Но на самом деле мозг серьезно поврежден. — Она опять указала на снимок. — У этого человека так называемый синдром растормаживания. Лобные доли мозга отвечают за предусмотрительность и адекватность поступков. За способность

контролировать импульсы. Если доли повреждены, вы становитесь социально опасным. Вы демонстрируете неадекватное поведение, не испытывая при этом ни чувства вины, ни душевной боли. Вы теряете способность контролировать вспышки жестокости. А мы все подвержены таким импульсам, когда нас охватывает ярость и мы готовы ударить. Скажем, кто-то «подрезал» вас на машине, и вам уже хочется протаранить обидчика. Я уверена, что вам знакомы такие чувства, детектив. Когда от злости хочется кого-то убить.

Риццоли ничего не ответила, да и что было говорить, если она сознавала правоту О'Доннелл.

— Общество полагает, что акты насилия и жестокости есть проявление зла или порока. Нас уверяют в том, что мы способны контролировать собственное поведение, что каждый из нас волен выбирать, ударить или не ударить другого человека. Но нашими поступками руководит не только мораль. Есть еще и биология. Лобные доли мозга помогают нам интегрировать мысли и действия, просчитывать их последствия. Не будь такого контроля, мы бы поддавались каждой эмоции. То же самое случилось и с этим человеком. Он утратил способность контролировать собственное поведение. Он испытывал сексуальное влечение к дочери, и он стал ее домогаться. Жена разозлила его, и он забил ее до смерти. Время от времени у каждого из нас появляются порочные мысли, пусть даже мимолетные. Мы видим привлекательного незнакомца, и вот уже нас неудержимо тянет заняться с ним сексом. Это всего лишь мгновение мысли. Но что, если мы уступим ей? Что, если не сможем остановиться? Этот сексуальный импульс может привести к насилию. Или хуже того.

— И на этом строилась его защита? «Мой мозг приказал мне сделать это»?

Во взгляде О'Доннелл промелькнуло недовольство.

— Синдром растормаживания является официальным неврологическим диагнозом.

— Я понимаю, но в суде он принимался в расчет?

Последовала ледяная пауза.

— Наша судебная система до сих пор оперирует понятиями, принятymi еще в девятнадцатом веке. Неудивительно, что суды игнорируют заключения неврологов. В общем, тот человек ожидает сейчас исполнения смертного приговора в Оклахоме. — Помрачнев, О'Доннелл вытащила рентгеновские снимки из проектора и убрала их в конверт.

— И какое это имеет отношение к Уоррену Хойту?

О'Доннелл подошла к столу, взяла другой конверт и извлекла из него

следующую партию рентгеновских снимков. На экране появились новые изображения черепа, фронтальный и боковой виды, но уже меньших размеров. Это был череп ребенка.

— Этот мальчик упал, взбираясь на забор, — сказала О'Доннелл. — Упал лицом вниз и ударился головой о мостовую. Взгляните на фронтальный снимок. Видите крохотную трещину, которая тянется вверх над левой бровью?

— Вижу, — кивнула Риццоли.

— А теперь посмотрите на имя пациента.

Риццоли взгляделась в надпись, сделанную по краю снимка, и оцепенела.

— Ему тогда было десять лет, — продолжила О'Доннелл. — Нормальный активный мальчик, росший в богатом пригороде Хьюстона. По крайней мере так записано в его педиатрической карте и характеристике из начальной школы. Здоровый ребенок, умственное развитие на уровне выше среднего. Хорошо ладил со сверстниками.

— Пока не вырос и не начал их убивать.

— Да, но почему Уоррен стал убивать? — О'Доннелл вновь обратилась к снимкам. — Эта травма могла быть причиной.

— Ну, знаете, я тоже упала с перекладины, когда мне было семь лет. Занималась на домашнем турнике. Сильно ударились головой. Но я же не режу людей.

— И все равно вы охотитесь на них. Так же, как и он. Что ни говори, а вы — профессиональный охотник.

Риццоли почувствовала, как ее обдало жаром ярости.

— Как вы смеете сравнивать меня с ним?

— Я и не сравниваю, детектив. Но только подумайте, какие чувства вы сейчас испытываете. Вы ведь с радостью ударили бы меня, не так ли? Так что вас останавливает? Что сдерживает? Мораль? Хорошие манеры? Или просто холодная логика, которая подсказывает, какие могут быть последствия? Боязнь того, что вас арестуют? Все эти перечисленные факторы удерживают вас от нападения на меня. И этот мыслительный процесс проходит как раз в лобных долях головного мозга. Благодаря этим нейронам вы способны контролировать свои деструктивные импульсы. — О'Доннелл сделала паузу. И многозначительно добавила: — Хотя и не всегда.

Последняя фраза, словно отравленная стрела, достигла своей цели, впившись в болевую точку. Всего лишь год назад, во время расследования дела Хирурга, Риццоли совершила ужасную ошибку, которая останется в

памяти вечным позором: в азарте погони она выстрелила и убила невооруженного человека. Сейчас она взглянула в глаза О'Доннелл и увидела в них удовлетворение.

— Вы сказали, что Хойт первым связался с вами, — нарушил молчание Дин. — На что он надеялся? На внимание? Сочувствие?

— А может, на простое человеческое понимание? — предположила О'Доннелл.

— Он просил у вас только этого?

— Уоррен пытается найти ответы. Он не знает, что заставляет его убивать. Но чувствует, что он не такой, как все. И хочет понять, почему.

— Он сам вам об этом сказал?

О'Доннелл подошла к столу и взяла папку.

— Здесь его письма. И видеокассета с записью интервью.

— Вы ездили в «Союза-Барановски»? — спросил Дин.

— Да.

— А чья это была идея?

О'Доннелл замялась.

— Мы оба посчитали, что это будет полезно.

— Но кто первый подал идею встречи?

За О'Доннелл ответила Риццоли:

— Конечно, Хойт. Разве нет? Это он попросил о встрече.

— Возможно, это было его предложение. Но мы оба хотели встретиться.

— У вас нет ни малейшей догадки, зачем на самом деле он попросил вас приехать? — спросила Риццоли.

— Мы должны были встретиться. Я не могу оценивать пациента, до тех пор пока не встречусь с ним лицом к лицу.

— И, пока вы там сидели лицом к лицу, о чем он думал, как вы считаете?

О'Доннелл усмехнулась:

— А вы умеете читать чужие мысли?

— О да. Я очень хорошо знаю, что у Хирурга на уме. — Риццоли вновь обрела уверенность, и слова ее звучали холодно, уверенно, безапелляционно. — Он попросил вас приехать, потому что хотел вас изучить. Он это проделывает со всеми женщинами. Улыбается, говорит приятные вещи. Это ведь отмечено в его школьной характеристике, не так ли? «Вежливый юноша», — говорили учителя. Быось об заклад, он и на вас произвел такое впечатление при первой встрече.

— Да, он был...

— ...обыкновенный парень, открытый к сотрудничеству...

— Детектив, я не настолько наивна, чтобы считать его абсолютно нормальным человеком. Но он действительно был готов сотрудничать. Его самого беспокоили собственные поступки. Он хотел понять, в чем причины такого его поведения.

— И вы сказали ему, что все дело в той давней травме...

— Я сказала, что травма была одним из факторов.

— Представляю, как он был счастлив это услышать. Получить оправдание своим зверствам!

— Я честно поделилась с ним своим мнением.

— А знаете, от чего еще он был счастлив?

— От чего?

— От того, что находился в одной комнате с вами. Вы ведь были с ним наедине?

— Мы встречались в комнате для интервью. И там велось постоянное видеонаблюдение.

— Но между вами не было никаких барьеров. Ни стеклянного окна, ни плексигласа.

— Он ни разу не угрожал мне.

— Он мог наклоняться к вам, рассматривать ваши волосы, нюхать вашу кожу. Он очень любит вдыхать женские запахи. Это его заводит. Но больше всего его возбуждает запах страха. Собаки чуют страх, вам это известно? Когда нам страшно, наш организм вырабатывает гормоны, которые улавливают собаки. Уоррен Хойт тоже способен их улавливать. В этом смысле он ничем не отличается от любого зверя, который охотится. Он чует запах страха, запах незащищенности. Это питает его фантазии. И я могу представить, что он воображал, пока сидел с вами в одной комнате. Я видела, к чему приводят такие фантазии.

О'Доннелл попыталась рассмеяться, но смех получился натянутым.

— Если вы пытаетесь запугать меня...

— У вас длинная шея, доктор О'Доннелл. Наверное, такую называют лебединой. Он наверняка обратил на это внимание. Вы ни разу не заметили, как он смотрит на ваше горло?

— О, прошу вас...

— Разве вы не видели, как скользит его взгляд сверху вниз? Может, вы подумали, что он смотрит на ваши груди, как это делают другие мужчины. Но только не Уоррен. Груди его не волнуют. Его влекут шеи. Женское горло для него вроде десерта, в который ему не терпится впиться. Но он оставляет его на потом, когда будет покончено с другими частями тела.

Вспыхнув, О'Доннелл повернулась к Дину:

— Ваша коллега ведет себя недостойно.

— Нет, я так не считаю, — тихо произнес Дин. — Детектив Риццоли действует в рамках закона.

— Она пытается меня запугать.

Риццоли рассмеялась.

— Вы находились в одной комнате с Уорреном Хойтом. Разве это вас не пугало?

О'Доннелл смерила ее ледяным взглядом.

— Это было чисто клиническое интервью.

— Вы так думали. Но он вкладывал в это совсем другой смысл. — Риццоли двинулась к ней, и в ее позе затаилась тихая агрессия, которая не ускользнула от О'Доннелл. Хотя О'Доннелл была выше и мощнее, она явно проигрывала Риццоли в темпераменте и все глубже заливалась краской, пока слова Риццоли продолжали хлестать ее по щекам. — Вы сказали, он был вежлив, открыт диалогу. Ну, разумеется. Он получил в точности то, что хотел: с ним в комнате оказалась женщина. Причем совсем рядом, и это его возбуждало. Но он умело скрывал свое волнение — в этом он мастер. Ведет совершенно безобидную беседу, хотя думает в этот момент только о том, как бы перерезать вам горло.

— Вы выходите за рамки, — оборвала ее О'Доннелл.

— Все еще думаете, что я пытаюсь запугать вас?

— А разве это не так?

— Я вам сейчас скажу кое-что, от чего вы действительно испугаетесь до смерти: Уоррен Хойт завелся от вас, вы его возбудили. И вот теперь он снова на свободе и вышел на охоту. И знаете что? Он никогда не забывает запах женщины.

О'Доннелл отшатнулась от нее, и в глазах ее наконец промелькнул ужас. Риццоли невольно испытала удовлетворение, заметив этот страх. Ей почему-то хотелось, чтобы О'Доннелл ощутила хотя бы привкус того, что ей пришлось испытать год назад.

— Привыкайте к страху, — сказала Риццоли. — Это вам теперь пригодится.

— Я уже работала с такими пациентами, как он, — сказала О'Доннелл. — Я знаю, когда стоит бояться.

— Хойт не похож ни на одного из тех, с кем вам доводилось встречаться.

О'Доннелл расхохоталась. К ней вернулась прежняя бравада, подхлестываемая гордостью.

— Все они не похожи друг на друга. Все уникальны. И я никогда не отворачиваюсь от них.

Дорогая доктор О'Доннелл!

Вы просили поделиться с вами воспоминаниями о моем раннем детстве. Я слышал, что мало кто помнит первые три года своей жизни, поскольку незрелый мозг еще не способен усваивать язык, который необходим, чтобы воспроизводить образы и звуки. Впрочем, каким бы ни было объяснение детской амнезии, ко мне оно не относится, поскольку я отчетливо помню многое из моего младенчества. Я даже могу вызвать в памяти образы, которые относятся к периоду, когда мне было всего одиннадцать месяцев. Вы наверняка не поверите и сочтете, что они выстроены на рассказах родителей. Уверяю вас, они реальны, и, если бы мои родители были живы, они бы подтвердили вам, что мои воспоминания точны и не могут основываться на чьих-то рассказах, тем более что относятся к событиям, о которых в нашей семье говорить не принято.

Я помню свою детскую кроватку с белыми деревянными прутьями, на которых остались отметины от моих зубов. Голубое одеяльце с нарисованными на нем крохотными существами — птичками, пчелками или медвежатами. А над кроваткой висела эдакая хитрая штуковина — теперь-то я знаю, что ее называют «мобайл», а тогда она мне казалась совершенным волшебством. Блестящие звезды, месяцы, планеты — что там еще подвешивал отец — медленно проплывали над моей головой. Мой отец был авиакосмическим инженером и полагал, что можно сделать из ребенка гения, если просто стимулировать работу его мозга — будь то мобайлом, картинками или записанным на пленку голосом, твердящим таблицу умножения.

Я всегда был первым в математике.

Но вам вряд ли интересны эти воспоминания. Я знаю, вы ждете мрачных подробностей, а не умилительных картинок с колыбельками и мобайлами. Вы хотите знать, почему я такой, какой я есть.

Тогда мне придется рассказать вам про Мэйрид Донохью.

Я узнал ее имя гораздо позже, когда поделился с тетушкой своими ранними воспоминаниями, и она воскликнула: «О, Боже! Так ты, выходят, помнишь Мэйрид?» Да, конечно, я помню ее. Когда я вызываю в памяти воспоминания о первых месяцах своей жизни, то передо мной встает женское лицо — но не моей матери, а Мэйрид, склонившейся над колыбелью. Ее белая кожа с родинкой, которая черной мушкой выделяется

на щеке. Зеленые глаза, которые одновременно прекрасны и холодны. И улыбка — я, младенец, смог увидеть в ней то, чего не замечали взрослые: в той улыбке была ненависть. Она ненавидит дом, в котором работает. Ненавидит запах подгузников. Ненавидит мои голодные крики, которые нарушают ее сон. Она ненавидит обстоятельства, которые привели ее в этот жаркий техасский город, совсем не похожий на ее родную Ирландию.

Но сильнее всего она ненавидит меня.

Я это знаю, потому что она демонстрирует свою ненависть самыми разными способами, но всегда исподтишка. Она никогда не оставляет следов своего коварства, нет, она слишком умна для этого. Ее ненависть выражается в злобном шепоте, тихом, словно шипение змеи, с которым она склоняется над моей кроваткой. Я не понимаю слов, но слышу скрытую в них угрозу, вижу ярость в ее прищуренных глазах. Она четко исполняет свои обязанности по уходу за ребенком: мой подгузник всегда свежий, а молоко в бутылочке теплое. Но я постоянно ощущаю тайные щипки, скручивание кожи, жжение спирта, вылитого на мою уретру. Естественно, я кричу от боли, но у меня никогда не остается ни синяков, ни шрамов. Просто я беспокойный ребенок, с неустойчивой психикой, как объясняет она родителям. Бедная труженица Мэйрид! Ей приходится иметь дело с этим горластым отродьем, пока моя мама отдает себя служению обществу. Мама, которая пахнет духами и норковым манто.

Вот что я помню. Ослепляющие вспышки боли, звук собственного крика и надо мной — белая шея Мэйрид, которая наклоняется ко мне, чтобы в очередной раз ущипнуть или впиться в мою нежную кожу.

Не знаю, возможно ли, чтобы такой младенец, каким был тогда я, испытывал ненависть. Скорее всего наказание может вызвать у ребенка сильное удивление. Не понимая смысла происходящего, он может лишь связать причину и следствие. И, должно быть, я уже тогда понял, что причиной моих мучений была женщина с холодными глазами и белой молочной шеей.

* * *

Риццоли сидела за рабочим столом, уставившись в письмо Уоррена Хойта, написанное аккуратным почерком, с четко выдержаными полями и ровными строчками. Хотя оно было написано чернилами, в нем не было ни единой помарки, ни одного зачеркнутого слова. Каждое предложение было

тщательно выстроено и только потом перенесено на бумагу. Она представила, как он склонялся над этой страницей, как его тонкие пальцы сжимали ручку, как скользила по бумаге его кожа, и ей вдруг нестерпимо захотелось вымыть руки.

В женской комнате отдыха она тщательно намылила руки и принялась скрести их, пытаясь стереть его следы, но даже и после того как руки были вымыты и высушены, она все равно чувствовала себя заразной, словно яд его слов просочился сквозь кожу. А впереди были другие письма, и значит, ей предстояло впитать еще больше отравы.

В дверь постучали, и она вздрогнула.

— Джейн? Вы здесь? — Это был Дин.

— Да, — отозвалась она.

— Я подготовил видеомагнитофон в зале совещаний.

— Сейчас буду.

Она посмотрела на себя в зеркало и осталась недовольна тем, что увидела: усталые глаза, затравленное выражение лица. «Не позволяй ему видеть тебя такой», — приказала она себе.

Риццоли открыла кран, умылась холодной водой и промокнула лицо бумажным полотенцем. Потом выпрямилась и сделала глубокий вдох. «Уже лучше, — подумала она, глядя на свое отражение. — Никогда не показывай слабость».

Она вошла в зал совещаний и по-деловому кивнула Дину.

— Ну, готово?

Телевизор был уже включен, и горела красная лампочка видеомагнитофона. Он взял пакет, который им передала О'Доннелл, и достал оттуда видеокассету.

— Датировано седьмым августа, — сказал он.

«Всего три недели тому назад», — подумала она, чувствуя себя неуютно, оттого что мысли и образы, которые ей предстояло услышать и увидеть, были столь свежими.

Она села за стол, подготовила ручку и блокнот для записей.

— Начинайте.

Дин вставил кассету и нажал на кнопку воспроизведения записи.

Первой, кого они увидели, была О'Доннелл с идеальной прической, на фоне белой стены тюремного пропускного пункта, до неприличия элегантная в своем голубом трикотажном костюме.

— Сегодня седьмое августа. Я нахожусь у здания тюрьмы «Соуз-Барановски» в городе Ширли, штат Массачусетс. Цель моего визита — интервью с мистером Уорреном Д. Хойтом.

Экран погас, и уже через мгновение появился новый образ — лицо настолько омерзительное, что Риццоли в ужасе отпрянула. Кому-то другому внешность Хойта могла показаться обычной, ничем не примечательной. Его светло-коричневые волосы были аккуратно подстрижены, а лицо выражало полное смирение. Арестантская роба синего цвета мешковато висела на его стройной фигуре. Те, кто знал Хойта в повседневной жизни, описывали его как вежливого и услужливого человека; такое же впечатление он производил и на экране: безобидный и вполне симпатичный молодой мужчина.

Его взгляд смеялся в сторону. Они расслышали скрип стула, а вслед за этим и голос О'Доннелл:

— Тебе удобно, Уоррен?

— Да.

— Тогда начнем?

— Как скажете, доктор О'Доннелл. — Он улыбнулся. — Я никуда не тороплюсь.

— Хорошо. — Опять скрипнул стул, и О'Доннелл откашлялась. — В своих письмах ты уже рассказал кое-что о своей семье и детстве.

— Я постарался представить полную картину. Думаю, вам будет важно знать все аспекты, чтобы понять, кто я такой.

— Да, я ценю твою откровенность. Мне нечасто выпадает возможность взять интервью у человека с такой отменной памятью и столь заинтересованного в выяснении причин собственного поведения.

Хойт пожал плечами.

— Ну, познать собственную жизнь всем важно. Иначе и жить не стоит.

— Иногда самоанализ заводит слишком далеко. Это своего рода защитная реакция. Давай попытаемся отделить интеллект от голых эмоций.

Хойт сделал паузу. А потом с легкой насмешкой в голосе произнес:

— Вы хотите поговорить со мной о чувствах?

— Да.

— О каких-то конкретных чувствах?

— Я хочу знать, что заставляет человека убивать. Что влечет его к жестокости. Мне интересно, какие мысли посещают тебя в этот момент. Что ты чувствуешь, когда убиваешь другого человека.

Он какое-то время молчал, словно обдумывая ответ.

— Это не так легко описать.

— Попытайся.

— Во имя науки? — В его голос вернулись насмешливые нотки.

— Да. Во имя науки. Так что ты испытываешь?

Долгая пауза.

— Удовольствие.

— Выходит, убийство доставляет тебе удовольствие?

— Да.

— Опиши это состояние.

— Вам действительно хочется это знать?

— Это ключевой вопрос моего исследования, Уоррен. Я хочу знать, что ты испытываешь, когда убиваешь. Это не праздное любопытство. Мне необходимо знать, проявляются ли у тебя симптомы, характерные для неврологических аномалий. Например, головные боли, странные запахи или вкусовые ощущения.

— Запах крови мне очень нравится. — Он сделал паузу. — О, мне кажется, я вас шокировал.

— Продолжай. Расскажи мне про кровь.

— Вы знаете, я ведь работал с ней.

— Да, я знаю. Ты был лаборантом-технологом.

— Люди думают, что кровь — это просто красная жидкость, циркулирующая в наших венах. Как моторное масло. Но на самом деле это сложное вещество, и ее формула для каждого человека индивидуальна. Кровь уникальна. Так же, как уникально каждое убийство. И нет такого, которое можно было бы описать как типичное.

— Но все они доставляли тебе удовольствие?

— Некоторые в большей степени.

— Тогда расскажи о том, которое больше всего запомнилось. Есть такое?

Он кивнул.

— Да, есть одно, о котором я чаще всего думаю.

— Чаще, чем о других?

— Да. Оно не выходит у меня из головы.

— Почему?

— Потому что я его не закончил. Мне не удалось насладиться им в полной мере. Знаете, это как рана, которая чешется, а почесать ее нельзя.

— Как-то тривиально звучит.

— Разве? Но со временем даже самый тривиальный зуд может свести с ума. Он занимает все ваши мысли. Знаете, есть такая пытка — щекотать пятки. Поначалу кажется, что ничего особенного. Но вот щекотка продолжается день за днем. Она становится самой изощренной формой пытки. Кажется, я упоминал в своих письмах о том, что мне интересна история человеческой неприязни. Искусство причинения боли.

— Да. Ты писал об этом... хм... интересе.

— Долгая история пыток доказывает, что даже самый невинный источник дискомфорта со временем становится невыносимой мукой.

— И что, тот зуд, который ты только что описывал, действительно стал невыносимым?

— Да, он заставляет меня просыпаться по ночам. Я думаю о том, что могло бы произойти. Думаю об удовольствии, которого оказался лишен. Всю свою жизнь я педантично относился к любому начатому делу. Мне обязательно нужно его завершить. И сейчас меня это очень беспокоит. Я все время думаю об этом. Зрительные образы постоянно прокручиваются в моем сознании.

— Опиши их. Что ты видишь, что чувствуешь.

— Я вижу ее. Она другая, не такая, как все остальные.

— Почему?

— Она ненавидит меня.

— А другие не испытывали ненависти?

— Другие были голые и испуганные. Покоренные. А эта до сих пор борется со мной. Я это чувствую, когда касаюсь ее. Ее кожа наэлектризована яростью, хотя она и знает, что я победил. — Он подался вперед, как будто собирался поделиться самыми сокровенными мыслями. Его взгляд теперь был сосредоточен не на О'Доннелл, он был устремлен прямо в объектив камеры, словно Хойт видел перед собой Риццоли. — Я чувствую ее злость, — продолжал он. — Я впитываю ее ярость, когда просто касаюсь ее кожи. Она доводит меня до белого каления. В этот момент я чувствую себя густоком энергии, сокрушительной и опасной. Я вновь хочу испытать это чувство.

— Это тебя возбуждает?

— Да. Я думаю о ее шее, очень изящной. У нее прекрасная белая шея.

— О чем еще ты думаешь?

— Я думаю о том, как сорву с нее одежду. Какими тугими окажутся ее груди. И живот. Красивый плоский живот...

— Итак, твои фантазии о докторе Корделл можно назвать сексуальными?

Он сделал паузу. Моргнул, как будто его вывели из состояния транса.

— Доктор Корделл?

— Мы ведь о ней говорим, не так ли? О жертве, которую тебе так и не удалось убить, о Кэтрин Корделл.

— О! Да, я и о ней тоже думаю. Но сейчас я имел в виду не ее.

— Так о ком же ты говорил?

— О другой. — Хойт так пристально уставился в объектив, что Риццоли словно обожгло его взглядом. — Эта женщина служит в полиции.

— Ты имеешь в виду ту, которая тебя нашла? Об этой женщине твои фантазии?

— Да. Ее зовут Джейн Риццоли.

18

Дин встал и нажал на кнопку СТОП. Экран погас. Последние слова Уоррена Хойта эхом повисли в тишине. В своих фантазиях он срывал с нее одежду, топтал ее достоинство, превращал ее тело в обнаженные куски плоти: шею, груди, живот. Ей вдруг стало интересно, не отпечатались ли фантазии Хойта в сознании Дина, не смотрит ли он теперь на нее глазами чудовища.

В этот момент он как раз обернулся. Ей всегда было сложно читать по его лицу, но сейчас его глаза полыхали гневом, и ошибиться в этом было невозможно.

— Вы все поняли, не так ли? — сказал он. — Эта пленка предназначалась для вас. Он проложил тропинку, по которой вы должны были следовать. Конверт с обратным адресом привел к О'Доннелл, к его письмам, к этой пленке. Он знал, что рано или поздно вы все это увидите.

Риццоли сидела, уставившись на экран телевизора.

— Да. Он говорил со мной.

— Вот именно. О'Доннелл он использует как проводника. Он дает ей интервью, но на самом деле обращается к вам. Рассказывает вам о своих фантазиях. Пытается запугать вас, унизить. Послушайте только, что он говорит.

Дин вновь запустил пленку. И опять на экране возникло лицо Хойта.

— Да, он заставляет меня просыпаться по ночам. Я думаю о том, что могло бы произойти. Думаю об удовольствии, которого оказался лишен. Всю свою жизнь я педантично относился к любому начатому делу. И сейчас меня это очень беспокоит. Я все время думаю об этом...

Дин остановил кассету и посмотрел на нее.

— Ну, и каково вам после этого? Знать, что вы постоянно у него на уме?

— Вы прекрасно знаете, каково мне.

— И он тоже. Вот почему он хотел, чтобы вы это услышали. — Дин нажал на кнопку быстрой перемотки, а потом снова включил воспроизведение записи.

Взгляд Хойта был устремлен на несуществующего зрителя.

— Я думаю о том, как сорву с нее одежду. Какими тугими окажутся ее груди. И живот. Красивый плоский живот...

Дин опять остановил запись. Его взгляд смущил ее, и она вспыхнула

румянцем.

— Только не спрашивайте, — сказала она. — Вы ведь хотите знать, какие чувства это вызывает.

— Вы чувствуете себя раздетой?

— Да.

— Незащищенной?

— Да.

— Изнасилованной?

Она слегка сглотнула слюну и отвернулась. Потом тихо произнесла:

— Да.

— Именно то, чего он и добивается. Вы мне сами говорили, что его влечет к женщинам с покалеченной психикой. Женщинам, которые подверглись насилию. И сейчас он добивается, чтобы и вы стали такой. С помощью записанных на пленку слов вы тоже становитесь его жертвой.

Риццоли твердо посмотрела ему в глаза.

— Нет, — сказала она. — Я не жертва. Хотите знать, что я чувствую сейчас?

— Что же?

— Я готова разорвать этого мерзавца на куски. — Ее ответ был сущей бравадой. Но Дин опешил и, нахмурившись, какое-то время изучал ее. Неужели он догадался, чего ей стоит казаться храброй? Неужели расслышал фальшивые нотки в ее голосе? А она продолжала, распаляясь все больше, не давая ему шанса вникнуть в ее блеф. — Вы говорите, он уже тогда знал, что я увижу это, что эта пленка предназначалась мне?

— А вам разве так не показалось?

— Нет, мне показалось, что это очередной бред психопата.

— Мы имеем дело не с простым психопатом. И не с обычновенной жертвой. Он говорит о вас, Джейн. О том, что он хотел бы проделать с вами.

Она почувствовала, как натянулись нервы. Дин вновь переводил разговор на личное. Может, ему доставляло удовольствие видеть, как она страдает? Или он преследовал иные цели, желая не просто усилить ее страхи?

— В то время, когда было записано интервью, он уже имел план побега, — заявил Дин. — Помните, это он был инициатором переписки с О'Доннелл. Он знал, что она ухватится за идею интервью, не сможет устоять. Она для него стала открытым микрофоном, рупором, в который он мог сказать все, что хотел донести людям. Вам в частности. А потом он просто выстроил логическую цепочку, и вы увидели эту запись.

— Не слишком ли гениальный план?

— А разве Хойту такое не под силу? — Это была еще одна стрела, выпущенная с целью прорвать ее оборону, заставить признать очевидное. — Он провел за решеткой целый год. И все это время жил фантазиями, — сказал Дин. — Фантазиями о вас.

— Нет, он всегда хотел Кэтрин Корделл. Ему нужна была Корделл...

— О'Доннелл он сказал совсем другое.

— Значит, он лжет.

— Зачем?

— Чтобы достать меня. Разозлить...

— Выходит, вы все-таки согласны с тем, что эта пленка предназначалась вам. Это послание, адресованное именно вам.

Риццоли уставилась на пустой экран телевизора. Ей казалось, будто призрак Хойта все еще смотрит на нее. Все, что он делал, было направлено на то, чтобы разрушить ее мир, подорвать ее психику. То же самое он проделал с Корделл, прежде чем приступил к убийству. Он запугивал свои жертвы, доводил их до крайнего морального истощения и наносил удар, когда они уже были истерзаны страхом. И отрицать это было глупо.

Дин сел к столу и посмотрел на нее.

— Я считаю, что вам нужно отойти от этого расследования, — тихо произнес он.

— Отойти? — опешив, прошептала она.

— Оно приобретает оттенок личного.

— Между мной и преступником всегда присутствует личное. Сведение счетов.

— Но не до такой степени. Он хочет, чтобы вы вели расследование, ему нравится играть в эти игры. Нравится быть в курсе всего, что происходит в вашей жизни. Как детектив, возглавляющий следствие, вы всегда на виду и уязвимы. Вы находитесь в самой гуще событий. А теперь он начинает выстраивать сцены преступления с вашим участием. Начинает общаться с вами.

— И это лишний раз доказывает, что мне нужно остаться.

— Нет. Как раз наоборот — что вам нужно отойти в сторону, дистанцироваться от Хойта.

— Я никогда и ни от чего не отступаюсь, агент Дин, — выпалила она в ответ.

После паузы он сухо произнес:

— Не сомневаюсь.

Теперь настала ее очередь перейти в наступление. Перегнувшись через

стол, Риццоли бросила:

— В чем вы видите проблему со мной? Вы с самого начала были настроены против меня. Шептались с Маркеттом за моей спиной. Высказывали сомнения насчет меня...

— Я никогда не ставил под сомнение ваш профессионализм.

— Тогда в чем проблема?

На ее гневную тиранию он ответил спокойно и рассудительно:

— Подумайте, с кем мы имеем дело. С человеком, которого вы однажды загнали в угол. Который считает вас виновной в том, что его поймали. И он до сих пор мечтает о расправе. А вы, в свою очередь, весь этот год пытались забыть, что он сделал с вами. Он жаждет сыграть второй акт, Джейн. Закладывает фундамент, направляет вас туда, куда ему нужно. Это опасная игра.

— Вас в самом деле беспокоит исключительно моя безопасность?

— Вы намекаете на то, что есть другие соображения? — спросил Дин.

— Не знаю. Я еще не вычислила.

Он встал и подошел к видеомагнитофону. Вытащил кассету и убрал ее обратно в конверт. Он явно тянул время, пытаясь придумать правдоподобный ответ. Потом вернулся к столу и сел.

— По правде говоря, — сказал он, — я вас тоже еще до конца не вычислил.

Она рассмеялась.

— Меня? Да я вся на виду.

— Вы позволяете видеть в себе лишь полицейского. А как насчет Джейн Риццоли, женщины?

— Это одно и то же.

— Вы сами знаете, что это неправда. Вы никому не разрешаете заглядывать за «корочку».

— А что я должна показать? Что у меня отсутствует пресловутая хромосома Y? Мое служебное удостоверение — единственное, что я хочу показывать.

Он наклонился к ней, и его лицо оказалось в пугающей близости.

— Это к вопросу о вашей незащищенности. Есть преступник, который знает ваши слабые места. И однажды ему уже удалось подобраться к вам слишком близко. Так, что вы этого даже не заметили.

— В следующий раз я буду начеку.

— Откуда такая уверенность?

Они уставились друг на друга, и их лица почти соприкасались, как будто они были влюбленной парой. Прилив сексуального желания был

настолько сильным и неожиданным, что Риццоли испытала одновременно и боль, и наслаждение. Она резко встала, чувствуя, как пылает лицо, но даже на безопасном расстоянии испытывала смущение. Она не умела скрывать свои эмоции, а потому была безнадежно отсталой во всем, что касалось флирта и прочих нюансов в отношениях между мужчиной и женщиной. Она отчаянно пыталась сохранить невозмутимое выражение лица, но поймала себя на том, что под его пристальным взглядом чувствует себя раздетой.

— Вы ведь понимаете, что следующий раз обязательно наступит, — сказал он. — Но теперь Хойт будет не один. Их двое. И не пытайтесь убедить меня в том, что это вас не пугает.

Риццоли бросила взгляд на конверт с видеокассетой, которую прислал ей Хойт. Игра только начиналась, Хойт вел в счете, и... да, она боялась.

В молчании она собрала свои бумаги.

— Джейн!

— Я выслушала все, что вы хотели сказать.

— И все равно не хотите прислушаться, не так ли?

Она посмотрела на него.

— Знаете что? На улице меня может сбить автобус. Или я могу умереть от сердечного приступа за рабочим столом. Но я не думаю о таких вещах. Я не могу допустить, чтобы подобные мысли мешали мне жить. Знаете, я чуть было не поддалась. Ночные кошмары, не скрою, здорово подкосили меня. Но сейчас я чувствую, что у меня открылось второе дыхание. А может, я просто привыкла к боли и уже не ощущаю ее. Поэтому единственный выход для меня — это двигаться вперед. Только так я смогу преодолеть это — не останавливаясь. Впрочем, как и любой из нас.

С явным облегчением она услышала сигнал своего пейджера. Это позволило ей отвести взгляд, сосредоточив его на цифровой панели. Риццоли чувствовала, что Дин наблюдает за ней, пока она шла к телефонному аппарату и набирала номер.

— Лаборатория. Волчко слушает, — ответил голос.

— Риццоли. Мне звонили на пейджер.

— Это насчет тех зеленых нейлоновых волокон, которые мы сняли с кожи Гейл Йигер. Аналогичные волокна мы обнаружили и на коже Каренны Гент.

— Значит, он заворачивает все трупы в одну и ту же ткань. В общем, никаких сюрпризов.

— Но один маленький сюрприз у меня для тебя все-таки найдется.

— Какой?

— Я знаю, какую ткань он использовал.

* * *

Эрин кивнула на микроскоп.

— Я уже подготовила вам все образцы. Смотрите.

Риццоли и Дин устроились друг против друга, уставившись в окуляры двойного микроскопа. Они рассматривали один и тот же препарат: два волокна, выложенные рядом для сравнения.

— Волокно слева было снято с Гейл Йигер, правое — с Каренны Гент, — пояснила Эрин. — Что вы думаете?

— Они выглядят идентичными, — сказала Риццоли.

— Так и есть. Оба волокна — нейлон фирмы «Дюпон», тип шесть и шесть, темно-зеленый. Нити чрезвычайно тонкие. — Эрин раскрыла папку и достала две диаграммы, которые выложила на рабочий стол. — Здесь спектральный анализ. Номер один — Йигер, номер два — Гент. — Она взглянула на Дина. — Вы знакомы с техникой полного внутреннего отражения, агент Дин?

— Это инфракрасный метод, не так ли?

— Совершенно верно. Мы используем его, чтобы распознать характер обработки самого волокна; определить, какие химикаты были нанесены на волокно после плетения.

— И что обнаружили?

— Да, силиконовую резину. На прошлой неделе мы с детективом Риццоли прикидывали, с какой целью могла быть произведена такая обработка. Мы не знали, для чего предназначалась такая ткань. Но нам было точно известно, что эти волокна жаро- и светоустойчивы. И нити настолько тонкие, что ткань получается водонепроницаемой.

— Мы подумали, что это могла быть ткань для палаток или брезент, — пояснила Риццоли.

— А какие свойства придает силикон?

— Антистатические, — сказала Эрин. — Износостойкость, прочность. Кроме того, как выясняется, он практически до нуля сокращает проницаемость ткани. Другими словами, она не пропускает даже воздух. — Эрин взглянула на Риццоли. — Никаких догадок?

— Ты же сказала, что уже знаешь ответ.

— Ну, мне немножко помогли. Лаборатория полицейского управления Коннектикута. — Эрин выложила на стол третью спектrogramму. — Вот,

прислали сегодня днем. — Это спектrogramма волокон, собранных на месте убийства в сельском районе Коннектикута. Волокна были сняты с перчаток подозреваемого и с куртки из овечьей шерсти. Сравните с волокнами Каренны Гент.

Риццоли взгляделась в разложенные перед ними спектrogramмы.

— Спектры сходятся. Волокна идентичны.

— Совершенно верно. Только цвет разный. Волокна с наших двух убийств темно-зеленого цвета. А волокна с коннектикутского убийства двух цветов: одни — неонового оранжевого, другие — ярко-зеленого.

— Ты шутишь.

— Ярковато, правда? Но если не считать цвета, коннектикутские волокна в точности совпадают с нашими. Тот же нейлон марки «Дюпон», тип шесть и шесть, нити тридцатого сечения, обработка силиконовой резиной.

— Расскажите нам о коннектикутском деле, — попросил Дин.

— Несчастный случай с парашютистом. Парашют жертвы не раскрылся. Только когда на одежде подозреваемого были обнаружены эти ярко-оранжевые и зеленые волокна, несчастный случай переквалифицировали в убийство.

Риццоли уставилась на спектrogramму.

— Так это парашют!

— Точно. Подозреваемый накануне прыжка повредил парашют жертвы. Эта спектrogramма характерна для парашютной ткани. Она и прочная, и водонепроницаемая. Легко собирается и складывается для хранения. Вот во что ваш неизвестный заворачивает трупы.

Риццоли взглянула на Эрин.

— Парашют, — сказала она. — Идеальный саван.

19

Бумаги были повсюду, стол был завален раскрытыми папками, между ними поблескивали фотографии с мест происшествия. Ручки строчили в желтых служебных блокнотах. Хотя век был компьютерный и на столе сверкали экранами включенные лаптопы, полицейские по-прежнему больше доверяли бумаге. Риццоли оставила свой лаптоп на рабочем столе, также предпочитая делать пометки в блокноте. Страница уже была испещрена малопонятными словами, стрелками и кружочками, обозначавшими важные детали. В этом видимом беспорядке была своя логика, а чернила обеспечивали сохранность записей. Она перевернула страницу и попыталась сосредоточиться на том, что говорил доктор Цукер своим приглушенным голосом, больше похожим на шепот. Попыталась не отвлекаться на Габриэля Дина, который сидел рядом и тоже что-то записывал, но гораздо более аккуратным почерком. Время от времени она все-таки косилась на его руку, замечая и вздувшиеся на ней вены, и идеально белые манжеты рубашки, торчавшие из рукавов серого пиджака. Он пришел на совещание позже и выбрал место рядом с ней. Что бы это значило?

Ничего, Риццоли, это не значит. Только то, что единственный свободный стул оказался рядом с тобой.

Она понимала, что попусту тратит время, отвлекаясь на такие мысли. Но все равно не могла сосредоточиться, и ее заметки все больше напоминали каракули. В комнате находились еще пятеро мужчин, но ее внимание было приковано только к Дину. Теперь она знала его запах и могла без труда выделить холодный свежий аромат его лосьона из массы других ароматов. Риццоли, никогда не пользовавшаяся духами, была окружена мужчинами, которые источали всевозможные ароматы парфюма.

Она посмотрела на только что сделанную запись:

Мутуализм: взаимовыгодный симбиоз двух и более организмов.

Этим словом определяли союз Уоррена Хойта с его новым партнером. Хирург и Властелин. Вместе выходят на охоту и избавляются от падали.

— Уоррен Хойт всегда эффективнее работал в паре, — говорил доктор Цукер. — Ему нравится охотиться вместе с напарником. Так он когда-то

работал с Эндрю Капрой, пока тот не умер. В самом деле, Хойту требуется участие второго человека, чтобы соблюсти ритуал.

— Но в прошлом году он охотился в одиночку, — заметил Барри Фрост. — У него тогда не было партнера.

— В каком-то смысле он был, — возразил Цукер. — Подумайте о жертвах, которых он выбирал здесь, в Бостоне. Все они были женщинами, подвергшимися сексуальному насилию — не Хойтом, но другими мужчинами. Его тянет к женщинам с травмированной психикой, к женщинам, пережившим насилие. В его глазах они грязные, заразные. А потому доступные. В глубине души Хойт боится нормальных женщин, и страх делает его импотентом. Он чувствует силу только перед слабой женщиной. Символически уничтоженной. Когда он охотился с Капрой, тот насиловал женщин. А после этого появлялся Хойт со своим скальпелем. И тогда он получал полное удовлетворение от ритуала. — Цукер обвел глазами присутствовавших и заметил, что сыщики кивают в знак согласия. Эти детали были уже всем известны. Все, кроме Дина, работали по делу Хирурга, и его почерк всем был хорошо знаком. Цукер открыл папку, лежавшую перед ним на столе. — Теперь перейдем к личности второго убийцы, Властелина. Ритуал, которому он следует, — почти зеркальное отражение почерка Уоррена Хойта. Он не боится женщин. Не боится он и мужчин. Даже предпочитает нападать на женщин, которые живут с мужчинами. Присутствие на месте преступления мужчины не случайно. Нет, Властелин намеренно хочет присутствия мужчины и готовитсянейтрализовать его. Приносит с собой скотч, электрошокер. Усаживает мужчину так, чтобы он был вынужден смотреть на то, что последует дальше. Властелин не сразу убивает мужчину, что было бы практичнее. Его возбуждает наличие зрителя. Сознание того, что другой мужчина наблюдает за тем, как он овладевает своим трофеем.

— А Уоррен Хойт возбуждается оттого, что наблюдает, — вставила Риццоли.

Цукер кивнул.

— Совершенно верно. Один убийца предпочитает действовать. Другому нравится наблюдать. Это показательный пример мутуализма. Эти двое мужчин — партнеры от природы. Их желания дополняют друг друга. Вместе они более эффективны и могут контролировать свою добычу. Они объединяют свои таланты. Пока Хойт находился в тюрьме, Властелин копировал его технику. Он уже позаимствовал у Хирурга некоторые элементы.

Это Риццоли поняла раньше других, но никто из присутствовавших ее

не поддержал и никогда в этом не признается. Возможно, они просто забыли, но она-то помнила.

— Мы знаем, что Хойт получал немало писем с воли. Даже находясь в тюрьме, ему удалось найти последователя. Он воспитывал его, может быть, даже инструктировал.

— Подмастерье, — тихо произнесла Риццоли.

Цукер посмотрел на нее.

— Интересное слово вы подобрали. Да, действительно подмастерье. Тот, кто приобретает мастерство и навыки под руководством опытного наставника. В нашем случае речь идет о мастерстве охотника.

— Но кто здесь ученик? — спросил Дин. — И кто наставник?

Вопрос Дина вновь заставил Риццоли нервничать. Уоррен Хойт представлялся ей худшим из всех зол. Вряд ли кто мог соперничать с ним в жестокости. И вот теперь Дин заговорил о том, что Хирург, возможно, лишь сообщник кого-то еще более зловещего. Ей было страшно даже думать об этом.

— На чем бы ни строились их взаимоотношения, — сказал Цукер, — надо отметить, что вдвоем они действуют гораздо более эффективно, нежели поодиночке. И вполне возможно, что в команде они изменят свою тактику.

— Как это? — не понял Слипер.

— До сих пор Властелин выбирал пары. Он использует мужчину в качестве зрителя. Ему нужен этот мужчина, чтобы он наблюдал за тем, как победитель завоевывает свой приз.

— Но теперь у него есть партнер, — сказала Риццоли. — Мужчина, который будет наблюдать. Который хочет наблюдать.

Цукер кивнул.

— Хойт как раз может исполнить одну из главных ролей в фантазиях Властелина. Роль зрителя.

— И это означает, что в следующий раз он может выбрать и не пару, — сказала Риццоли. — Он выберет... — Она запнулась, не решившись закончить мысль.

Но Цукер ждал, пока она договорит, сделает вывод, который фактически был уже известен. Он как будто находился и не сводил с нее своих водянистых глаз.

Вместо нее подал голос Дин:

— Они выберут женщину, которая живет одна.

Цукер согласно закивал.

— Легко подавить сопротивление, легко контролировать. И не надо

отвлекаться на мужа, можно целиком сосредоточиться на женщине.

* * *

Моя машина. Мой дом. Я.

Риццоли въехала на подземную стоянку больницы Пилгрим и заглушила двигатель. Какое-то время она сидела в машине, не открывая дверь, осматриваясь в гараже. Будучи полицейским, она всегда считала себя охотником. И никогда не думала, что может стать добычей. Но сейчас она ловила себя на том, что ведет себя как добыча, как кролик, который готовится выйти наружу из своего безопасного закутка. Она, всегда такая бесстрашная, теперь вынуждена нервно озираться по сторонам. Она, которая всегда первой бросалась на штурм, выбивала двери. В зеркале заднего вида она поймала собственное отражение — измученное лицо, затравленный взгляд, женщина, которая ей едва знакома. Не победительница, а жертва. Женщина, которую она презирала.

Риццоли решительно распахнула дверцу машины и вышла. Выпрямила спину, уверенно ощущая на бедре тяжесть пистолета в кобуре. Пусть только сунутся, она готова встретить их.

Она одна поднималась из гаража в лифте, расправив плечи, чувствуя, как гордость побеждает страх. Выйдя из лифта, она увидела других людей, и теперь оружие было лишним. Она прикрыла кобуру пиджаком и перешла в другой лифт, оказавшись в компании с тремя юными студентами-медиками, у которых из карманов халатов торчали трубки стетоскопов. В разговоре они вовсю сыпали словечками из медицинского жаргона, и им это явно нравилось. На усталую женщину, стоявшую рядом, они не обращали никакого внимания. Вот именно, на усталую женщину, прятавшую под пиджаком пистолет.

В отделении интенсивной терапии она прошла мимо столика дежурной медсестры и направилась прямиком в палату номер пять. Там она остановилась и, заглянув сквозь стеклянную перегородку, нахмурилась.

На месте Корсака лежала женщина.

— Прошу прощения, мэм! — раздался голос медсестры. — Посетителям нужно сначала зарегистрироваться.

Риццоли обернулась.

— Где он?

— Кто?

— Винс Корсак. Он должен быть в этой палате.

— Извините, я заступила на дежурство только в три...

— Вы должны были мне позвонить, если что-то случится!

Ее возбужденное поведение привлекло внимание другой медсестры, которая тут же вмешалась в разговор и, видимо, имея опыт общения с обеспокоенными родственниками, попыталась снять напряжение.

— Мистеру Корсаку сегодня утром провели экстубацию, мэм.

— Что это значит?

— Трубка в его горле — ну, которая помогала ему дышать, — мы ее удалили. Он уже пошел на поправку, и его перевели в обычную палату. — И, словно оправдываясь, добавила: — Знаете, мы звонили супруге мистера Корсака.

Риццоли вспомнила Диану Корсак, ее отсутствующий взгляд и усомнилась в том, что телефонный звонок отпечатался в ее сознании. Скорее, он все-таки ухнулся в пустоту словно монета в бездонный колодец.

К палате Корсака она подходила, уже вполне успокоившись и взяв себя в руки. Осторожно заглянула.

Он не спал, лежал, уставившись в потолок. Было заметно, как вздыхается под простыней его живот. Руки были вытянуты по бокам, словно он боялся пошевелить ими, чтобы не задеть многочисленные провода и трубки.

— Привет, — тихо произнесла Риццоли.

Корсак взглянул на нее.

— Привет, — прохрипел он в ответ.

— Гостей принимаете?

Вместо ответа он похлопал по кровати, приглашая ее устроиться рядом, оставаться.

Она пододвинула к кровати стул и села. Его взгляд опять переместился, но не на потолок, как ей вначале показалось, а на монитор, который висел на стене в углу. По экрану бежала змейка электрокардиограммы.

— Это мое сердце, — сказал он. Трубка заметно изменила его голос, и теперь он больше походил на шепот.

— Похоже, тикает нормально, — подбодрила она.

— Да. — Повисла пауза. Корсак следил за монитором.

На тумбочке она увидела букет цветов, который прислала ему сегодня утром. Он был единственный. Неужели больше никто не догадался прислать цветы? Даже жена?

— Я вчера встретила Диану, — сказала она.

Он посмотрел на нее и тут же отвел взгляд, но она успела заметить

смятение в его глазах.

— Похоже, она вам не сказала.

Он пожал плечами.

— Ее сегодня не было.

— Наверное, придет попозже.

— Черт ее знает.

Его ответ удивил ее. Возможно, ему самому стало неловко, и он покраснел.

— Мне не следовало так говорить, — произнес он.

— Вы можете говорить мне все что захотите.

Он вновь посмотрел на монитор и вздохнул.

— Ну, хорошо. Все хреново.

— Что именно?

— Да все. Живет парень вроде меня, делает свое дело. Обеспечивает семью. Дает ребенку все, что тот пожелает. Кстати, взяток не берет. И вот в пятьдесят четыре — бац, и сердце отказывает! Лежу вот теперь немощный и думаю: ну, и ради чего пупок надрывал? Я всю жизнь жил по правилам, а вырастил никчемную дочь, которая звонит папочке, лишь когда ей нужны деньги. А у жены башка занята только тем, чего бы еще наглотаться, чтобы словить кайф. Куда мне тягаться с его высочеством валиумом. Я всего лишь тип, который дает ей крышу над головой и оплачивает рецепты. — У него вырвался горький и усталый смешок.

— Почему же вы до сих пор женаты?

— А какая альтернатива?

— Быть холостым.

— Вы хотите сказать, одиноким? — Слово «одиноким» он произнес с такой интонацией, будто это был самый худший выбор. Некоторые делают выбор в надежде на лучшее; Корсак же сделал выбор, просто чтобы избежать худшего. Он лежал, вперив взгляд в зеленую линию на мониторе, которая показывала, что он еще жив. Хорош или плох был его выбор, но итогом оказалась эта больничная палата, где страх соседствовал с горечью сожаления.

«А где буду я в его возрасте?» — подумала Риццоли. Тоже на больничной койке, жалеть о сделанном выборе, мечтать о той дороге, которой так и не пошла? Она вспомнила свою унылую квартиру с голыми стенами, одинокую постель. Чем ее жизнь была лучше жизни Корсака?

— Я все боюсь, сердце остановится, — пожаловался он. — И на экране появится прямая линия. Ужасно боюсь.

— Перестаньте смотреть туда.

— Если я не буду смотреть, тогда кто будет?

— Медсестры постоянно следят, у них на рабочем месте тоже такие мониторы.

— Но разве на самом деле они следят? Да просто делают вид, а сами болтают о тряпках и мужчинах. Кому, кроме меня, нужно мое сердце?

— Но у них есть система оповещения. Если что-то не так, аппарат подает сигнал.

Он взглянул на нее недоверчиво.

— Вы не шутите?

— Вы что, не доверяете мне?

— Не знаю.

Какое-то мгновение они смотрели друг на друга, и ей вдруг стало стыдно. Она не имела права рассчитывать на его доверие, особенно после того, что случилось на кладбище. Воспоминания о той ночи до сих пор преследовали ее: перед глазами возникал Корсак, беспомощный, брошенный в темноте, и она — такая эгоистка, озабоченная лишь погоней. Она не могла смотреть ему в глаза и предпочла отвести взгляд, сосредоточившись на его мясистой руке, из которой торчала трубка капельницы.

— Мне так совестно, — сказала Риццоли. — Честное слово.

— За что?

— За то, что не сразу кинулась вас искать.

— О чем вы говорите?

— Вы что, ничего не помните?

Он покачал головой.

Она замолчала, вдруг осознав, что он действительно ничего не помнит. И она может не продолжать этот разговор, а он никогда не узнает, что она предала его. Возможно, молчание было бы самым легким выходом из положения, но она знала, что не сможет жить с такой ношей.

— А что вы помните о той ночи на кладбище? — спросила она. — Самое последнее?

— Последнее? Я бежал. Кажется, мы вместе бежали, верно? Преследовали преступника.

— Что еще?

— Помню, я страшно развелся.

— Отчего?

Он фыркнул.

— Оттого что не мог догнать какую-то девчонку.

— Ну, а потом?

Он пожал плечами.

— Пожалуй, все. Больше ничего не помню. Очнулся, только когда медсестры стали всовывать мне в рот эту трубку... — Он замолчал. — Со мной все в порядке. Можете так и передать всем.

Повисло молчание. Корсак упрямо смотрел на экран монитора. И вдруг произнес, с досадой в голосе:

— Боюсь, я испортил всю операцию.

Она удивилась.

— О чём вы...

— Вы только посмотрите. — Он ткнул себя в пухлый живот. — Как будто проглотил баскетбольный мяч. Вот на что он похож. Или будто я на пятнадцатом месяце беременности. Не могу даже угнаться за девчонкой. А когда-то, знаете, я отлично бегал. Как скаковая лошадь. Не то что сейчас. Вам бы тогда меня встретить, Риццоли. Вы бы меня не узнали. Что, не верите? Потому что видите меня такой развалиной. В самом деле рухлядь. Слишком много курил, слишком много ел... — «Слишком много пил», — добавила она про себя. — ...в общем, мешок жира. — Он со злостью хлопнул себя по животу.

— Корсак, послушайте меня. Это я все испортила, а не вы.

Судя по его взгляду, он был явно обескуражен.

— Там, на кладбище. Мы оба бежали. Гнались за мнимым преступником. Вы бежали сзади. Я слышала, как тяжело вы дышали, пытаясь не отстать.

— Да, как паровоз.

— А потом вы пропали. Вас просто не оказалось рядом. Но я продолжала бежать, и все это оказалось пустой тратой времени. Это был вовсе не преступник, а агент Дин, который осматривал территорию. Преступник давно сбежал. Мы гнались за тенью, Корсак. За тенями. Вот и все.

Он молчал, ожидая продолжения.

Усилием воли Риццоли заставила себя рассказывать дальше:

— Вот когда мне следовало начать искать вас. Я должна была понять, что вас нет рядом. Но все пошло кувырком. У меня просто не было времени думать. Мне бы сразу поинтересоваться, где вы... — Она вздохнула. — Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я спохватилась. Может, всего несколько минут. Но боюсь, что гораздо больше. И все это время вы лежали там, за надгробием.

Воцарилось молчание. Она засомневалась в том, что до него вообще дошел смысл сказанного, потому что он начал возиться с трубкой

капельницы. Как будто избегал смотреть на нее и пытался отвлечься на что-то другое.

— Корсак!

— Да.

— Вы ничего не хотите мне сказать?

— Да. Забудьте — вот что я хотел сказать.

— Я себя чувствую полной дурой.

— Почему? Потому что выполняли свою работу?

— Потому что я должна была побеспокоиться о своем партнере.

— Это обо мне, что ли?

— В ту ночь вы были моим партнером.

Он рассмеялся.

— В ту ночь я был обузой. Двухтонной гирей на ваших ногах. У вас было полно проблем, было не до меня. И вот я лежу тут и думаю, что завалил дело. Причем в буквальном смысле. — Он опять похлопал себя по животу. — Все думал, что когда-нибудь избавлюсь от него. Сяду на диету, приведу себя в форму. Но вместо этого каждый раз покупал брюки на размер больше. И оправдывался, ворча, что производители сошли с ума, стали шить зауженные вещи. Через пару лет я бы, наверное, вообще вырядился в клоунские штаны. Безразмерные. И никакие таблетки уже не помогли бы пройти медосмотр.

— Вы правда принимали таблетки? Чтобы пройти медосмотр?

— Да нет, это я так сказал. А вообще-то мои сердечные дела давно не в порядке. Я знал, что рано или поздно такое случится. Но теперь, когда это случилось, мне стало по-настоящему страшно. — Он помрачнел. И опять устремил взгляд на монитор, который показывал учащение ритма. — Ну, вот, началось.

Они помолчали, глядя на кардиограмму, ожидая, пока сердце успокоится. Риццоли никогда не обращала внимания на то, как бьется ее собственное сердце. Но, глядя на кардиограмму Корсака, невольно потянулась к своему пульсу. Она всегда воспринимала работу сердца как нечто само собой разумеющееся, и вдруг задалась вопросом, каково это — считать удары, опасаясь, что следующего может уже не быть, что жизнь остановится.

Она посмотрела на Корсака, который лежал, не отрывая взгляда от монитора, и подумала: он не просто злится, он напуган.

Корсак вдруг резко сел на кровати, прижав руку к груди, и в глазах его была паника.

— Позовите медсестру! Скорее!

— Что? В чем дело?

— Вы что, не слышите сигнала тревоги? Это мое сердце...

— Корсак, это мой пейджер.

— Что?

Она отстегнула с ремня пейджер и выключила сигнал. Приблизила к нему табло, чтобы он увидел телефонный номер.

— Видите? Это не ваше сердце.

Он откинулся на подушки.

— Слава Богу. Уберите эту штуку. Так и до инфаркта недалеко.

— Можно я воспользуюсь вашим телефоном?

Он все еще прижимал руку к груди, и от облегчения весь как-то обмяк.

— Да-да. Пожалуйста.

Она сняла трубку и набрала номер.

Ответил знакомый хрипловатый голос:

— Судмедэкспертиза, доктор Айлз.

— Это Риццоли.

— Мы тут с детективом Фростом сидим, изучаем рентгеновские снимки зубов. У нас был список пропавших женщин по региону Новая Англия, что прислали из Национального информационно-криминологического центра. А этот файл пришел по электронной почте из полиции штата Мэн.

— И что за дело?

— Убийство и похищение от второго июня этого года. Убитый — Кеннет Уэйт, тридцати шести лет. Похищенной была его жена Марла Джин, тридцати четырех лет. Вот снимки ее зубов мы сейчас и рассматриваем на компьютере.

— Выходит, мы обнаружили Леди Рахит?

— Да, все совпадает, — ответила Айлз. — Теперь у вашей жертвы есть имя: Марла Джин Уэйт. Сейчас нам по факсу передадут все ее данные.

— Подожди. Ты сказала, это убийство-похищение произошло в Мэне?

— Да, в городке Блу-Хилл. Фрост говорит, что бывал там. Часов пять езды на машине.

— Выходит, у нашего маньяка территории охоты больше, чем мы думали.

— Постой, тут Фрост хочет с тобой поговорить.

В трубке раздался бодрый голос Фроста:

— Привет, ты когда-нибудь пробовала ролл из лобстера?

— Что?

— Попробуем по пути. На Линкольн-Бич есть отличный ресторанчик,

где их подают. Если мы стартуем завтра в восемь утра, как раз успеем. На моей машине или на твоей?

— Можно на моей. — Она задумалась. И, не удержавшись, добавила:
— Наверное, и Дин захочет поехать с нами.

Фрост помолчал.

— Хорошо, — наконец произнес он, но без особого энтузиазма. — Если ты так хочешь.

— Я позвоню ему.

Повесив трубку, она почувствовала на себе взгляд Корсака.

— Мистер ФБР теперь в команде? — ухмыльнулся он.

Она проигнорировала его замечание и стала набирать номер сотового телефона Дина.

— Когда это случилось? — не унимался Корсак.

— Он просто помогает.

— Раньше вы о нем думали по-другому.

— С тех пор у нас была возможность поработать вместе.

— Не морочьте мне голову. Вы просто увидели его с другой стороны.

Она жестом попросила его замолчать, потому что в трубке уже звучали гудки. Но Дин не отвечал. Вскоре прозвучало привычное: «Абонент временно недоступен».

Риццоли отключила телефон и взглянула на Корсака:

— А что, какие-то проблемы?

— Это у вас, похоже, какие-то проблемы. Появился свежий след, и вам не терпится сообщить об этом своему новому приятелю. Что происходит?

— Ничего.

— Не смотрите на меня так.

Она почувствовала, как кровь хлынула к щекам. Да, она не была честна с ним, и они оба это знали. Даже набирая номер телефона Дина, она ощущала, как учащенно бьется пульс, и понимала, что это значит. Ей не терпелось услышать его голос, и она стала звонить в отель. Повернувшись к Корсаку спиной, Риццоли уставилась в окно, ожидая соединения.

— Отель «Колоннада».

— Я бы хотела поговорить с одним из ваших гостей. Его зовут Габриэль Дин.

— Минуточку.

Пока тянулось ожидание, она мысленно подбирала правильные слова, интонации. Она должна быть деловита, спокойна.

Полицейский. Ты — полицейский.

В трубке вновь раздался голос оператора гостиницы:

— Мне очень жаль, но мистер Дин у нас больше не проживает.
Риццоли нахмурилась, и рука крепче сжала трубку.

— Он оставил свой новый адрес?

— Нет.

Риццоли зажмурилась от лучей заходящего солнца.

— Когда он уехал? — спросила она.

— Час назад.

Риццоли закрыла папку с факсами, присланными из полиции штата Мэн, и уставилась в окно, за которым проплывали леса и мелькали белые загородные домики. Ей всегда было неуютно читать в машине, а подробности исчезновения Марлы Джин Уэйт лишь усугубляли дискомфорт. Роллы из лобстера, которые они отведали по дороге, настроения не улучшили. Хотя за столом все казалось очень вкусным и ела она с аппетитом, сейчас майонез все чаще напоминал о своем присутствии в желудке. Она сосредоточилась на дороге, ожидая, пока пройдет тошнота. Помогало то, что Фрост был спокойным и аккуратным водителем, избегал резких движений и не мучил педаль газа. Она всегда ценила его за предсказуемость, а сейчас, когда на душе было так муторно, — особенно.

Когда самочувствие улучшилось, она стала обращать внимание на красоту пейзажа. Ей еще не доводилось так глубоко забираться в штат Мэн. Самой дальней точкой был для нее пляж Оулд-Орчард, куда она десятилетней девочкой выезжала с родителями на лето. Она помнила прогулки по пляжу, леденцы и початки кукурузы. Помнила, как заходила в море, как ледяная вода обжигала кожу. Но она все равно лезла купаться, тем более что мама запрещала. «Вода слишком холодная, Джени! — кричала Анжела. — Посиди на теплом песочке». А потом хором вступали братья: «Да уж, не ходи в море, Джени, а то отморозишь свои уродливые цыплячьи лапы!» Разумеется, она поступала наперекор и, стиснув зубы, шла к воде, где набегающая волна обдавала ее таким холодом, что она едва не задыхалась. Но не ледяную стужу воды помнила она потом долгие годы — скорее, обжигающие взгляды братьев, которые следили за каждым ее шагом, подзадоривали, издевались, вынуждая нырять в ненавистные волны. Она шла вперед, чувствуя, как вода накрывает бедра, талию, потом плечи, но не отступала. И заставляла ее двигаться не боль, а страх унижения.

Сейчас пляж Оулд-Орчард остался далеко позади, и штат Мэн, проплывавший за окном, уже не вызывал неприятных воспоминаний. Здесь не было ни песчаных пляжей, ни курортных развлечений. Вместо этого она видела леса, зеленые поля и редкие деревушки, каждая непременно с белой церковью.

— Мы с Элис ездим по этому маршруту каждое лето, в июле, — сказал Фрост.

— А я в этих местах никогда не была.

— Никогда? — Он удивленно посмотрел на Риццоли, что вызвало у нее раздражение. В его взгляде явственно сквозило: «А где ты вообще была?»

— Просто не видела в этом необходимости, — ответила она.

— У стариков Элис есть охотничий домик на острове Литтл Дир Айл. Мы там останавливаемся.

— Забавно. Я почему-то не представляю себе Элис в качестве охотника.

— О, это они его так называют. На самом деле это обычный дом со всеми удобствами. С настоящей ванной и горячей водой. — Фрост засмеялся. — Элис умерла бы от страха, если бы ей пришлось ходить писать в лес.

— Только звери писают в лесу.

— А мне нравится лес. Я бы жил там, если б можно было.

— И не скучал бы по прелестям большого города?

Фрост покачал головой.

— Я скажу тебе, по чему я бы точно не скучал. По преступлениям. По всякой мерзости, которая заставляет задумываться, что стало с миром.

— Ты думаешь, здесь лучше?

Он замолчал, сосредоточившись на дороге, по обе стороны которой тянулись ровные заросли деревьев.

— Да нет, — наконец произнес он. — Судя по тому, что мы здесь...

Она посмотрела в окно и подумала: убийца тоже побывал здесь. Властелин в поисках добычи. Возможно, ехал этой же дорогой, смотрел на эти же деревья или так же, как они, останавливался в придорожном кафе поесть роллов с лобстерами. Не все хищники водятся в больших городах. Некоторые охотятся в маленьких — там, где все друг друга знают и друг другу доверяют, где двери держат открытыми. Может, он просто отдыхал здесь и не устоял перед соблазном подвернувшейся возможности? Хищники тоже ведь бывают в отпусках. Они любят колесить по стране, дышать морским воздухом — так же, как все. Они же рождены людьми.

За деревьями мелькнули море и гранитные скалы — вид, которым она вполне могла бы любоваться, если бы не сознание того, что здесь побывал убийца.

Фрост сбавил скорость и, вытянув шею, стал разглядывать дорогу.

— Мы что, пропустили поворот?

— Какой поворот?

— Мы должны были свернуть вправо на Крэнберри-Ридж-роуд.

— Я не видела поворота.

— Мы что-то долго едем. Наверное, проскочили.

— Мы уже опаздываем.

— Я знаю, знаю.

— Давай позвоним Горману на пейджер. Скажем, что городские сыщики заблудились в лесах. — Она раскрыла свой сотовый и нахмурилась, увидев, какой слабый сигнал у антенны. — Думаешь, его пейджер ловит на таком расстоянии?

— Постой-ка, — сказал Фрост. — Кажется, нам повезло.

Впереди у обочины стоял автомобиль с официальными номерами штата Мэн. Фрост подъехал ближе, и Риццоли опустила стекло, чтобы поговорить с водителем. Прежде чем она успела открыть рот, водитель крикнул:

— Вы из бостонского управления?

— Как вы догадались? — удивилась она.

— Массачусетские номера. Я так и понял, что вы заблудились. Я детектив Горман.

— Риццоли и Фрост. Мы как раз собирались звонить вам на пейджер, сообщить, что мы заблудились.

— Здесь, в низине, сотовый плохо принимает сигнал. Мертвая зона. Езжайте за мной. — Он завел двигатель.

Если бы не Горман, они бы никогда не нашли поворот на Крэнберри-Ридж. Это была грязная проселочная дорога, петляющая среди деревьев и обозначенная единственной табличкой: «Пожарная дорога 24». Они тряслись по кочкам, продираясь сквозь густые заросли, чувствуя, что дорога постепенно уходит в гору. Вскоре деревья расступились, уступив место солнечному свету, и они увидели сады и зеленые поля, а на вершине холма — чудный дом. Открывшийся вид настолько поразил Фроста, что он резко затормозил.

— Никогда бы не подумал, — сказал он. — Едешь по такой грязи, думаешь, что дорога выведет либо к свалке, либо к заброшенному трейлеру. Ничего подобного я даже и представить себе не мог.

— Может, в этом и состоит смысл разбитой дороги.

— Отвадить любопытных?

— Да. Только это не сработало, не так ли?

К тому времени, когда они догнали машину Гормана, тот уже стоял во дворе дома, ожидая приветствий. Как и Фрост, он был в костюме, только вот костюм сидел на нем неважно, как будто со временем его покупки хозяин здорово потерял в весе. Его лицо тоже несло отпечаток давней болезни — кожа обвисла и пожелтела.

Горман протянул Риццоли папку и видеопленку.

— Съемка с места происшествия, — пояснил он. — Мы сняли для вас копии со всех документов. Некоторые лежат у меня в багажнике — возьмете, когда будете уезжать.

— Доктор Айлз пришлет вам окончательный отчет по исследованию останков, — сказала Риццоли.

— Какова причина смерти?

Она покачала головой.

— Нам достался только скелет. Причину смерти определить невозможно.

Горман вздохнул и посмотрел в сторону дома.

— Ну, по крайней мере мы теперь знаем, где Марла Джин. А то неизвестность начинала сводить с ума. — Он жестом указал на дом. — Внутри смотреть практически нечего. Все уже убрано. Но вы просили показать...

— Кто здесь сейчас живет? — поинтересовался Фрост.

— Никто. После убийства здесь никого не было.

— Ужасно красивый дом. Такой не должен пустовать.

— По нему еще не вынесено судебного решения о наследстве. Но, даже если его выставят на рынок, продать будет нелегко.

Они поднялись по ступенькам к крыльцу, усыпанному опавшими листвами. С карнизов свисали горшки с геранью, которую явно давно не поливали. Запустение уже оплетало дом пыльной паутиной.

— Я здесь не был с июля, — сказал Горман, доставая кольцо с ключами и выискивая нужный. — Только на прошлой неделе вернулся на работу, вхожу в ритм. Я вам скажу, гепатит здорово выбивает из колеи. Еще хорошо, у меня была легкая форма, тип А. По крайней мере не загнулся... — Он покосился на гостей. — Дам вам совет: не ешьте моллюсков в Мексике.

Наконец он отыскал ключ от дома и открыл дверь. Войдя внутрь, Риццоли сразу уловила запахи свежей краски и паркетной мастики; дом был тщательно вымыт и выскошен. И покинут всеми, подумала она, глядя на зачехленную мебель в гостиной. Светлые дубовые полы блестели словно полированное стекло. Солнечный свет струился в высокие окна. Отсюда, с вершины холма, открывался потрясающий вид на леса и поля, которые тянулись до самого залива. Реактивный самолет прочертил в голубом небе белую линию, а внизу, на воде, тянулись борозды от моторной лодки. Она постояла у окна, любуясь теми же красотами, что и Марла Джин Уэйт когда-то.

— Расскажите нам об этих людях, — попросила Риццоли.

— Вы читали досье, которое я прислал вам по факсу?

— Да. Но я не поняла, кто они такие, чем жили.

— Да разве мы когда-нибудь узнаем?

Она обернулась и заметила в его глазах еле уловимую желтизну. Последнее солнце, казалось, подчеркивало этот болезненный цвет.

— Давайте начнем с Кеннета. Деньги ведь были его, не так ли?

Горман кивнул.

— Он был тот еще говнюк.

— Этого я в отчете не нашла.

— Не все можно отразить в отчете. Но в городе о нем сложилось именно такое мнение. Знаете, у нас тут полно таких учредителей фондов вроде Кенни. Блу-Хилл стал теперь прибежищем богатеев из Бостона. Большинство из них нормальные ребята. Но попадаются и кенни уэйты, которые любят лишний раз напомнить, кто они такие. Да все и так знали, кто он. Мешок с деньгами.

— Откуда они у него?

— Наследство. Дед, кажется, был крупным судовладельцем. Но точно, что Кенни не сам их заработал. А вот тратить любил. У него там, в гавани, шикарная яхта «Хинкли». И еще он любил гонять на своем красном «Феррари» до Бостона и обратно. Пока у него не отобрали права и не конфисковали машину. Слишком много нарушений. — Горман хмыкнул. — Думаю, это во многом характеризует Кеннета Уэйта-третьего. Денег полно, а мозгов маловато.

— Печальная история, — сказал Фрост.

— У вас есть дети?

Фрост покачал головой.

— Пока нет.

— Вы можете хоть как воспитывать своих детей, — сказал Горман, — главное — оставить им денег.

— Ну, а что насчет Марлы Джин? — спросила Риццоли. Она вспомнила останки Леди Рахит на столе для вскрытия. Кривые ноги и впалая грудь — наследие тяжелого детства. — Она ведь наверняка была не из богатых? Не так ли?

Горман кивнул.

— Она выросла в шахтерском городке, где-то в Западной Вирджинии. Приехала сюда на лето, подработать официанткой. Так и познакомилась с Кенни. Думаю, он женился на ней только потому, что больше никто не хотел терпеть его дурь. Но их брак нельзя было назвать счастливым.

Особенно после аварии.

— Аварии?

— Да, это случилось несколько лет тому назад. Кенни был за рулем, как всегда, пьяный. Врезался в дерево. У него самого ни царапины — повезло, правда? А вот Марла Джин провалаилась в больнице три месяца.

— Вот откуда сломанное бедро.

— Что?

— В бедренной кости мы обнаружили хирургический стержень. И артродез двух позвонков.

Горман кивнул.

— Я слышал, что она прихрамывала. Обидно, конечно, ведь она была такой симпатичной женщиной.

А некрасивые пусть хромают, подумала Риццоли, но придержала язык. Она подошла к стеллажу из книжных полок и взгляделась в фотографию супругов в купальных костюмах. Они стояли на пляже, и изумрудная вода плескалась у их ног. Женщина была совсем маленького роста, словно девочка, с темными волосами до плеч. Теперь это волосы трупа, мелькнуло у нее в голове. Мужчина был блондином, с заметно оплывшей талией и жирком на мышцах. От природы привлекательное лицо было искажено презрительной гримасой.

— Значит, брак был несчастливым? — уточнила Риццоли.

— Так мне сказала экономка. После аварии Марла Джин избегала путешествий. Кенни удавалось вытащить ее не дальше Бостона. А сам он, привыкший каждый январь ездить в Сен-Барт, теперь просто оставлял ее дома.

— Одну?

Горман кивнул.

— Отличный парень, верно? Они держали экономку, которая выполняла ее поручения, убиралась в доме, возила ее по магазинам, поскольку Марла Джин не любила водить машину. Хотя здесь место уединенное, Марла, по словам экономки, чувствовала себя гораздо счастливее в отсутствие Кенни. — Горман выдержал паузу. — Должен признаться, когда мы обнаружили труп Кенни, у меня в голове мелькнула мысль...

— ...что это сделала Марла Джин, — подсказала Риццоли.

— Ну, эта версия всегда рассматривается в первую очередь. — Он полез в карман за носовым платком и вытер лицо. — Вам не кажется, что здесь жарковато?

— Да, тепло.

— Я теперь что-то плохо переношу жару. Организм еще не акклиматизировался. Вот так я поел ракушек в Мексике.

* * *

Они прошли через гостиную, мимо зачехленной мебели и массивного каменного камина с приготовленной поленницей. Чтобы греться прохладными вечерами. Горман провел их в дальний угол комнаты, где был только голый деревянный пол и белоснежная стена. Риццоли уставилась на свежий слой краски и почувствовала, как холодок пробежал по коже. Посмотрев на пол, она заметила, что дуб здесь заметно светлее — его явно оттирали и циклевали заново. Но кровь не так легко смыть и, даже если перекрасить всю комнату, пол все равно будет хранить ее следы, которые выявит любой химический анализ.

— Кенни сидел здесь, — сказал Горман, указывая на свежевыкрашенную стену. — Ноги были вытянуты вперед, руки связаны сзади. Щиколотки и запястья замотаны скотчем. Ему перерезали горло одним взмахом охотничьего ножа.

— Других ран не было? — спросила Риццоли.

— Только на шее. Словно это была казнь.

— А были отметины от электрошокера?

Горман задумался.

— Знаете, он пролежал здесь два дня, прежде чем его обнаружила экономка. Два жарких дня. К тому времени кожа пошла пятнами. Не говоря уж о запахе. Так что след от шокера вполне могли пропустить.

— Вы не рассматривали пол под другим источником света?

— Здесь все было залито кровью. Сомневаюсь, что можно было что-то увидеть в инфракрасных лучах. Впрочем, все записано на пленку. — Он огляделся по сторонам и заметил телевизор с видеомагнитофоном. — Может, посмотрим? Это ответит на многие ваши вопросы.

Риццоли подошла к телевизору, включила его и видеомагнитофон и вставила пленку. Экран телевизора вспыхнул рекламой Интернет-магазина, предлагавшего всего за 99,95 доллара цепочку с кулоном из циркония, которая сверкала на лебединой шее топ-модели.

— Меня эта техника бесит, — сказала Риццоли, тыча в кнопки. — Я так и не научилась программировать свой магнитофон. — Она взглянула на Фроста.

— Ой, это не ко мне.

Горман вздохнул и взял пульт в свои руки. Модель в ожерелье тут же исчезла, уступив место картинке с видом на дом Уэйтос. Свист ветра заглушал голос за кадром, который представился детективом Парди, сообщил время, дату и место съемки. Было пять часов вечера, второго июня, день был ветреный. Парди направил камеру на дом и начал подниматься по ступенькам. Риццоли заметила цветущую герань в горшках — ту самую, которая теперь погибала в забвении. Кто-то окликнул Парди, и на несколько секунд экран погас.

— Входная дверь оказалась незапертой, — произнес Горман. — Экономка сказала, что в этом нет ничего необычного. В здешних местах многие держат двери открытыми. Она предположила, что дома кто-то есть, поскольку Марла Джин никуда не выходит. Она постучала, но никто не ответил.

Экран вновь засветился — камера скользнула в открытую дверь и выхватила кусок гостиной. Кадр, видимо, запечатлел то, что бросилось в глаза экономке, когда она открыла дверь. Зрелище привело ее в дикий ужас.

— Она лишь только шагнула в дом, — сказал Горман, — увидела вдалеке Кенни, который сидел у стены, и море крови. Она не помнит, видела ли что-то еще. Ей хотелось поскорее выбраться из дома. Она впрыгнула в свою машину и с такой силой рванула с места, что шины оставили глубокий след в гравии.

Камера двинулась дальше, в комнату, неумолимо приближаясь к главному объекту — Кеннету Уэйту-третьему, который сидел у стены в одних трусах, и голова его болтала на груди. Следы трупного разложения уже исказили черты его лица. Вздутый живот выкатился вперед, а лицо распухло. Но не его лицо занимало сейчас Риццоли, а изысканный предмет, который онаглядела на бедре жертвы.

— Мы никак не могли найти объяснение этому, — продолжал Горман. — Лично мне это показалось каким-то культовым символом. Может быть, убийца хотел лишний раз посмеяться над жертвой. Мол, смотрите, связан по рукам и ногам, с нелепой чашкой на коленях. Собственно, такое могла проделать с мужем жена, чтобы продемонстрировать свое презрение. — Он вздохнул. — Вот тогда я и подумал, что это могла быть Марла Джин.

Камера уже отвернулась от трупа и опять двинулась по коридору. Словно воспроизводя маршрут убийцы, она возвращалась в супружескую спальню. Кадры проплывали, как будто съемка велась через иллюминатор затонувшего корабля. Промелькнули ванная, потом гостевая спальня. По мере того как камера продвигалась дальше, Риццоли чувствовала, как у нее

учащается пульс. Она даже шагнула к экрану, словно по коридору брела она сама, а не детектив Парди.

И вот на экране появилось изображение хозяйской спальни. Темно-зеленые шторы на окнах. Белые комод и платяной шкаф, дверь в гардеробную. Королевских размеров кровать, откинутые покрывала, разбросанные подушки.

— Они спали в момент нападения, — сказал Горман. — У Кенни был почти пустой желудок. В последний раз он ел часов за восемь до убийства.

Риццоли подошла еще ближе к экрану, напряженно глядываясь в картинку. Парди опять направился в коридор.

— Перемотайте назад, — попросила она Гормана.

— Зачем?

— Просто вернитесь к тому моменту, когда впервые появляется спальня.

Горман протянул ей пульт.

— Давайте вы сами.

Риццоли нажала на кнопку перемотки, и лента побежала назад. Парди опять был в коридоре, направляясь к спальне. И опять камера заскользила по комнате, медленно проплывая мимо комода, шкафа, дверей в гардеробную, и замерла на кровати. Фрост стоял рядом, выискивая глазами то же самое.

Она нажала на кнопку паузы.

— Ее здесь нет.

— Чего нет? — удивился Горман.

— Сложенной ночной сорочки. — Она обернулась к нему. — Вы не находили?

— Я и не знал, что ее нужно найти.

— Это почерк Властелина. Он обычно складывает женские сорочки. Кладет их на видное место в спальне, демонстрируя свою власть над происходящим.

— Если это он, то в данном случае он изменил привычке.

— Все остальные признаки указывают на то, что убил он. Скотч, чашка на колене, расположение жертвы.

— На пленке запечатлено то, что мы обнаружили.

— Вы уверены, что ничего не трогали, прежде чем была начата съемка?

Вопрос был нетактичным, и Горман заметно напрягся.

— Ну, я думаю, всегда существует вероятность того, что офицер, первым прибывший на место происшествия, решит что-то подправить,

чтобы сделать съемку более интересной.

Фрост, будучи дипломатом, вмешался в разговор, видя, что Риццоли медленно закипает:

— Нельзя сказать, что убийца всегда действует четко по схеме. Похоже, на этот раз он чуть изменил тактику.

— Если это тот же убийца, — заметил Горман.

Риццоли отвернулась от телевизора и опять посмотрела на стену, возле которой умер, а потом медленно пух на жаре Кении Уэйт. Она вспомнила Йигеров и Гентов, скотч и спящих жертв — весь клубок нитей, которыми были крепко связаны эти преступления.

Но здесь, в этом доме, Властелин изменил себе. Он не стал складывать ночную сорочку. Потому что еще не работал в паре с Хойтом.

Она вспомнила тот день в доме Йигеров, когда, увидев ночную сорочку Гейл Йигер, она испытала ощущение дежа-вю.

Именно с Йигеров начался союз Хирурга и Властелина. В тот день они втянули меня в свою игру, началом которой стала сложенная ночная сорочка. Даже из тюрьмы Уоррен Хойт сумел послать мне привет.

Она взглянула на Гормана, который устроился в одном из зачехленных кресел и отирал пот со лба. Сегодняшнее мероприятие уже утомило его, и он буквально таял на глазах.

— Вам так и не удалось установить круг подозреваемых? — спросила она.

— Мы допросили человек четыреста, а то и пятьсот, но никого нельзя было притянуть к этому делу.

— И Уэйты, как вы считаете, не были знакомы ни с Йигерами, ни с Тентами?

— Эти имена не всплывали в ходе следствия. Через день-два у вас будут все материалы по этому делу. Можете перепроверить. — Горман сложил платок и убрал его в карман пиджака. — Возможно, вам захочется свериться и с данными ФБР, — добавил он. — Посмотреть, нет ли у них чего.

Риццоли задумалась.

— А при чем здесь ФБР?

— Мы посыпали туда отчет. От них приезжал агент. Несколько недель контролировал наше расследование, потом вернулся в Вашингтон. С тех пор от него ни слуху ни духу.

Риццоли и Фрост переглянулись. В глазах коллеги она увидела отражение своего изумленного взгляда.

Горман медленно поднялся с кресла и загремел связкой ключей, явно

намекая на то, что пора закругляться. Он уже направился к выходу, когда Риццоли наконец удалось справиться с волнением и задать очевидный вопрос. Хотя ей совсем не хотелось услышать ответ.

— Агент ФБР, который сюда приезжал... — произнесла она. — Вы помните, как его звали?

Горман остановился и, казалось, еще больше ссутулился.

— Да. Его звали Габриэль Дин.

21

В сгущающихся сумерках она гнала машину, сосредоточившись взглядом на автостраде, а мыслями — на Габриэле Дине. Фрост дремал на пассажирском сиденье, и она была наедине с собой, со своей яростью. Что еще утаил от нее Дин? — злилась она. Какую информацию припрятывал, наблюдая за тем, как она роет землю в поисках разгадок? С самого начала он опережал ее на несколько шагов. Первым обнаружил мертвого охранника на кладбище. Первым заметил труп Каренны Гент на могиле. Первым предложил сделать влажный анализ во время вскрытия Гейл Йигер. Он уже знал, раньше всех знал, что будет обнаружена подвижная сперма.

Потому что был знаком с почерком Властелина.

Но чего Дин никак не ожидал — так это того, что Властелин найдет сообщника.

Вот тогда он и явился ко мне домой. Вот когда у него проснулся реальный интерес ко мне. Потому что у меня была так необходимая ему информация. Я была его проводником в мир Уоррена Хойта.

Фрост всхрапнул во сне. Она взглянула на него — по-детски раскрывший во сне рот, он был сама невинность и незащищенность. Ни разу за все время их совместной работы Барри Фрост не проявлял себя с плохой стороны. Но предательство Дина настолько ее потрясло, что сейчас, глядя на Фроста, она задавалась вопросом, не утаивает ли и он что-то. И не вынашивает ли коварные планы.

Было около девяти, когда она наконец переступила порог своей квартиры. Как всегда, тщательно заперла все замки, сегодня повинувшись, скорее, не страху, а злости. Последнюю задвижку она вогнала с такой силой, что сама ужаснулась. Потом направилась в спальню, привычно окинула взглядом комнату и проверила шкафы. Жульничество Дина на время вытеснило мысли об Уоррене Хойте. Она расстегнула кобуру, достала пистолет и сунула его в ящик прикроватной тумбочки, с треском захлопнув его. Обернувшись к зеркалу, она увидела отражение, которое повергло ее в отчаяние. Копна непослушных волос, затравленный взгляд — лицо женщины, ослепленной чувствами, которая махнула на себя рукой.

Телефонный звонок оказался полной неожиданностью. Она бросила взгляд на высыпавшийся номер абонента и удивилась еще больше: Вашингтон, округ Колумбия.

Телефон продолжал звонить, пока Риццоли боролась с эмоциями. Наконец подняв трубку, она холодно ответила:

— Риццоли.

— Кажется, вы пытались дозвониться мне, — сказал Дин.

Она закрыла глаза.

— Вы в Вашингтоне, — произнесла она, и, хотя старалась погасить враждебные нотки, слова прозвучали словно упрек.

— Вчера меня срочно отзвали. Мне очень жаль, что нам не удалось поговорить до моего отъезда.

— И что бы вы мне сказали? Может, правду для разнообразия?

— Вы должны понять, это в высшей степени деликатное дело.

— И поэтому вы не сочли нужным рассказать мне про Марлу Джин Уэйт?

— Это не самое важное для вашего расследования.

— Кто вы такой, чтобы решать? Ах да, я совсем забыла! Вы же из всемогущего ФБР.

— Джейн, — тихо произнес он. — Я хочу, чтобы вы приехали в Вашингтон.

Она опешила от такого неожиданного поворота.

— Зачем?

— Потому что мы не можем говорить об этом по телефону.

— Вы рассчитываете, что я тут же вскочу в самолет, даже не зная, зачем?

— Я бы не стал вас просить, если бы не считал это необходимым. С лейтенантом Маркеттом вопрос уже согласован. Вам позвонят насчет билетов и прочего.

— Постойте. Я все-таки не понимаю...

— Вы все поймете, когда приедете. — На линии воцарилась тишина.

Она медленно положила трубку и какое-то время стояла, уставившись на телефон, отказываясь верить тому, что услышала. Когда снова раздался звонок, она сразу же схватила трубку.

— Детектив Джейн Риццоли? — спросил женский голос.

— Да.

— Я по поводу вашей завтрашней поездки в Вашингтон. Я могла бы заказать вам билет на рейс 6521, вылет из Бостона в полдень, прибытие в Вашингтон в тринадцать тридцать шесть. Вас устраивает?

— Секунду. — Риццоли схватила ручку и блокнот и записала информацию о полете. — Да, отлично.

— И возвращение в Бостон в четверг, рейсом 6406, вылет в девять-

тридцать утра, прибытие в десять-пятьдесят три.

— Я что, остаюсь ночевать?

— Так просил агент Дин. Мы заказали вам номер в отеле «Уотергейт». Но если вы предпочитаете другой...

— Нет. Мм, «Уотергейт» меня вполне устраивает.

— Завтра в десять утра за вами заедет лимузин и отвезет вас в аэропорт. В Вашингтоне тоже встретит лимузин. Могу я узнать номер вашего факса?

Через минуту затрещал телефон. Риццоли сидела на кровати, уставившись в аккуратно распечатанное расписание, ошарашенная скоростью, с которой разворачивались события. Сейчас ей как никогда хотелось поговорить с Томасом Муром, спросить его совета. Она потянулась к трубке, но передумала. Загадочные фразы Дина порядком ее насторожили, и она уже не была уверена в безопасности своей телефонной линии.

Она вдруг вспомнила, что забыла совершить традиционный обход квартиры перед сном. Сейчас она остро ощутила необходимость убедиться в надежности своей крепости. Она потянулась к тумбочке и достала пистолет. Потом, как и каждую ночь на протяжении последнего года, побрела по комнатам в поисках монстров.

* * *

Дорогая доктор О'Доннелл!

В своем прошлом письме вы просили рассказать, в какой момент я догадался, что я не такой, как все. Честно говоря, я не уверен в том, что отличаюсь от других. Просто я честнее и больше знаю о себе. И еще я прислушиваюсь к тем примитивным желаниям, что свойственны всем нам. Я уверен, что вы тоже слышите их шепот, и запретные образы вспышкой проносятся в вашем сознании, выныривая из мрачных глубин подсознания. Ведь бывает так, что вы идете по лесу и видите яркую необычную птичку, и ваше первое естественное желание — прежде чем подаст голос высокая мораль — поохотиться за ней. Подстрелить.

Это инстинкт, заложенный в ДНК. Все мы охотники, закаленные в суровых испытаниях, дарованных природой. В этом смысле я ничем не отличаюсь ни от вас, ни от других, и меня забавляют потуги многочисленных психологов и психиатров, которые все пытаются понять меня, покопаться в моем детстве, как будто в далеком прошлом кроется

разгадка моей исключительности. Боюсь, я разочаровал их, потому что такого поворотного момента в моей жизни не было. Более того, я обратил их вопросы к ним самим. Почему они считают, что они другие? Ведь их тоже посещают мысли, которых они стыдятся, желания, которые приводят их в ужас, но подавить которые они не в силах.

Я наблюдаю за тем, как они отрицают это, и внутренне усмехаюсь. Они лгут мне, так же как лгут самим себе, но я-то вижу неуверенность в их глазах. Мне нравится подталкивать их к краю пропасти, заставлять заглядывать в мрачный мир их фантазий.

Единственная разница между мной и ими в том, что я никогда не стыжусь и не боюсь своих фантазий.

Но меня классифицируют как душевнобольного. Меня подвергают унизительному психоанализу. Вот почему я рассказываю вещи, которые им втайне хочется слышать, и я знаю, что мои рассказы их завораживают. В течение часа, что длится наше общение, я удовлетворяю их любопытство. Собственно, за этим они и приходят ко мне. Никто, кроме меня, не сможет подбросить дров в топку их фантазий. Никто другой не составит им компанию в прогулке по этой запретной территории. Пока они рисуют мой психологический портрет, я делаю то же самое с ними, мысленно измеряя их кровожадность. Во время наших бесед я неотрывно наблюдаю за их лицами, улавливая малейшие признаки возбуждения. Расширенные зрачки. Изгиб шеи. Румянец на щеках, сбивчивое дыхание.

Я рассказываю им про свою поездку в Сан-Джиминьяно, городок, затерявшийся среди холмов Тосканы. Бродя по его улочкам, мимо сувенирных лавок и кафешек, я наткнулся на музей пыток. Если вы там были, то должны знать. Внутри царит полумрак, и это точно передает атмосферу средневековой тюрьмы. Темнота скрывает лица туристов, и им не приходится стыдиться того, что они с таким восторгом пялятся на экспонаты.

Один из экспонатов привлекает наибольшее внимание: венецианское устройство, датированное 1600 годом, предназначеннное для наказания женщин, согрешивших с сатаной. Сделанное из железа, в форме груши, оно вставляется в вагину несчастной. С каждым поворотом рукоятки груша проникает все глубже, пока не разрывает шейку матки, приводя к фатальному исходу. Вагинальная груша — лишь один из многих древних инструментов, среди которых были и те, что предназначались для раздирания грудей и гениталий во имя праведной церкви, не способной примириться с сексуальной властью женщин. Я, как бы между прочим, описываю эти устройства моим докторам, большинство из которых не

бывали в этом музее и стыдливо умалчивают о своем желании там побывать. Но, рассказывая им про зубчатые приспособления для раздирания грудей и калечащие пояса верности, я смотрю им в глаза. Чтобы видеть не только отвращение и ужас, но и скрытое возбуждение, экстаз.

О, да, им интересны подробности.

* * *

Как только самолет коснулся земли, Риццоли закрыла папку с подшитыми в ней письмами Уоррена Хойта и выглянула в иллюминатор. Она увидела низкое серое небо, угрожавшее разлиться дождем, мокрые от пота лица рабочих, столпившихся на терракадаме. Похоже, на выходе из самолета ее ожидала парилка, но она не возражала против жары, поскольку откровения Хойта обожгли ее ледяным холодом.

В лимузине, который вез ее в отель, она смотрела в тонированные стекла окон, разглядывая город, в котором бывала всего дважды, и в последний раз — на межведомственной конференции в штаб-квартире ФБР. Тогда она прилетела ночью, и ей представилась возможность полюбоваться многими памятниками и сооружениями в свете иллюминации. Она помнила ту жесткую неделю, когда каждый день устраивались вечеринки, и ей приходилось на равных с мужчинами пить пиво и травить анекдоты. Помнила, как алкоголь, гормоны и чужой город вылились в ночь безудержногоекса с коллегой по конференции, полицейским из Провиденса, разумеется, женатым. Таким Вашингтон и остался в ее памяти: городом раскаяния и испачканных простыней. Городом, который лишний раз доказал, что у нее нет иммунитета к соблазнам порока. И можно было сколько угодно твердить, что она не уступит мужчинам, но утром после бессонной ночи любви именно она чувствовала себя слабой и незащищенной.

В очереди у стойки администратора в отеле «Уотергейт» она обратила внимание на стильную блондинку, которая стояла впереди. Безупречная прическа, красные туфли на высоченных шпильках. Женщина, внешность которой вполне соответствовала достойному интерьеру отеля. Риццоли вдруг стало стыдно за свои голубые лодочки со сбитыми каблуками. Настоящие туфли полицейского, предназначенные для ходьбы и работы. Впрочем, не стоит обращать внимания на такие мелочи. Это я, и я такая, какая есть. Девчонка из полиции, которая зарабатывает на жизнь, охотясь за

преступниками. А высокие каблуки — помеха для охотников.

— Чем могу вам помочь, мэм? — обратился к ней клерк.

Риццоли подкатила чемодан к стойке.

— Должен быть заказан номер на мое имя. Риццоли.

— Да, есть такое имя. И вам сообщение от мистера Дина. Ваше совещание назначено на три-тридцать.

— Совещание?

Клерк оторвал взгляд от экрана компьютера.

— Вы о нем не знали?

— Теперь знаю. А адрес указан?

— Нет, мэм. Но в три за вами заедет машина. — Он вручил ей ключ от номера и улыбнулся. — Похоже, для вас все предусмотрено.

* * *

Небо почернело, и все явственнее ощущалось приближение грозы. Она стояла у входа в отель, ожидая лимузина. Но подъехал темно-синий «Вольво».

Она нагнулась к окошку и увидела, что за рулем сидит Габриэль Дин.

Щелкнул центральный замок, и она проскользнула на пассажирское сиденье. Она не ожидала, что увидит его так скоро, и была совершенно не готова к этой встрече. Тем более что он выглядел таким спокойным и уверенным в себе, в то время как она пребывала в некоторой прострации после утреннего перелета.

— Добро пожаловать в Вашингтон, Джейн, — сказал он. — Как добрались?

— Хорошо. Мне начинают нравиться лимузины.

— А номер в гостинице?

— Лучше, чем те, к которым я привыкла.

Тень улыбки тронула его губы, и он перевел взгляд на дорогу.

— Выходит, все это не слишком мучительно для вас.

— А я разве жаловалась?

— Судя по вашему виду, вы не особенно счастливы от того, что оказались здесь.

— Я была бы вполне счастлива, если бы знала причину, почему я здесь.

— Все станет ясно, когда мы доберемся до места.

Она посмотрела на названия улиц и догадалась, что они едут на

северо-запад, в направлении, прямо противоположном штаб-квартире ФБР.

— Разве нам не в гуверовское здание?

— Нет. В Джорджтаун. Он хочет встретиться с вами у себя дома.

— Кто он?

— Сенатор Конвей. — Дин взглянул на нее. — Вы, надеюсь, без оружия?

— Мой пистолет до сих пор в чемодане.

— Хорошо. Сенатор Конвей не приветствует вооруженных гостей.

— Беспокоится за свою безопасность?

— Нет, скорее, за душевный покой. Он служил во Вьетнаме. Больше не хочет видеть оружие.

Первые капли дождя упали на ветровое стекло.

Она вздохнула.

— В этом я с ним солидарна.

* * *

Кабинет сенатора Конвея был обставлен мебелью из темного дерева и кожи. Типично мужской кабинет, с типично мужской коллекцией культовых предметов, отметила Риццоли, глядя на развешанные по стенам мечи самураев. Седовласый владелец коллекции приветствовал ее теплым рукопожатием и тихим голосом, но его угольно-черные глаза прожигали насквозь, и она почти физически ощущала, что сенатор оценивает ее. Она выдержала его взгляд, понимая, что разговор не состоится, если сенатор не будет удовлетворен тем, что увидит. А видел он перед собой женщину, которая прямо смотрела ему в глаза. Женщину, которую мало волновали политические интриги, зато очень волновала правда.

— Прошу вас, присаживайтесь, детектив, — сказал он. — Я знаю, вы только что прилетели из Бостона. Вероятно, вам нужна небольшая передышка.

Секретарь внесла поднос с кофе и печеньем. Риццоли едва сдерживала нетерпение, дожидаясь, пока на столе расставят чашки с кофе, сливки, сахар. Наконец секретарь вышла, закрыв за собой дверь.

Конвей отставил свою чашку, так и не притронувшись к кофе. Теперь, когда с церемониями было покончено, он сосредоточил все свое внимание на гостью.

— Я рад, что вы согласились приехать.

— Боюсь, у меня не было выбора.

Ее прямолинейность вызвала у него улыбку. Хотя Конвей соблюдал все правила хорошего тона в виде рукопожатий и обмена любезностями, она предполагала, что он, как большинство уроженцев Новой Англии, предпочитает прямой разговор — собственно, как и она.

— Тогда перейдем сразу к делу?

Риццоли тоже отставила свою чашку.

— С удовольствием.

Дин встал и подошел к письменному столу. Он взял пухлую кожаную папку, вернулся с ней к кофейному столику и, достав фотографию, положил перед ней.

— Двадцать пятое июня девяносто девятого года, — произнес он.

Она уставилась на бородатого мужчину, который сидел, привалившись к забрызганной кровью стене. Он был босой, в темных брюках и рваной белой рубашке. На колене примостились фарфоровая чашка и соусник.

Она почувствовала, как начинает кружиться голова, когда Дин выложил вторую фотографию.

— Пятнадцатое июля девяносто девятого года.

И опять жертвой был мужчина, на этот раз чисто выбритый. Но он тоже умер возле стены, залитой кровью.

Между тем Дин положил третий снимок, тоже мужчины. Труп был уже распухший, со вздутым животом и следами разложения.

— Двенадцатое сентября, — сказал он. — Того же года.

Она изумленно смотрела на эту галерею трупов, вот так запросто выложенную на столике вишневого дерева. Документальные кадры зверств на фоне изысканного кофейного сервиса. Дин и Конвей молча наблюдали за ней, пока она брала по очереди снимки и вглядывалась в них, пытаясь рассмотреть детали, уникальные для каждого преступления. Но все фотографии были вариациями на одну тему, которую она уже видела разыгранной в домах Йигеров и Гентов. Покорный зритель. Побежденный, униженный, вынужденный молча наблюдать за происходящим.

— А что с женщинами? — спросила Риццоли. — Должны ведь быть женщины.

Дин кивнул.

— Только одну удалось опознать. Жену убитого номер три. Ее труп обнаружили частично зарытым в лесу через неделю после того, как был сделан этот снимок.

— Причина смерти?

— Удушение.

— Посмертное изнасилование?

— Из останков была извлечена свежая сперма.

Риццоли глубоко вздохнула и тихо спросила:

— А две другие женщины?

— В связи с сильным разложением точно идентифицировать трупы не удалось.

— Но останки у вас были?

— Да.

— Почему же вы не могли их идентифицировать?

— Потому что мы имели дело не с двумя трупами. Их было гораздо больше. Очень много.

Она подняла глаза и поймала на себе пристальный взгляд Дина. Наблюдал ли он за ней все это время, следил ли за ее реакцией? Словно отвечая на ее немой вопрос, он протянул ей три папки.

Она раскрыла первую и наткнулась на отчет о результатах вскрытия мужских трупов. Машинально перелистала страницы и остановилась на последней, с заключениями:

Причина смерти: обширная кровопотеря в результате резаной раны с полным иссечением левой сонной артерии и левой яремной вены.

Властелин, подумала она. Это его почерк.

Уже закрывая папку, она пробежала глазами первую страницу и отыскала деталь, которую пропустила, торопясь прочитать заключение.

Это было во втором параграфе:

вскрытие произведено 16 июля 1999 года, в 22:15, в передвижном госпитале в городе Гъякова, Косово.

Она потянулась к двум другим папкам с отчетами, выискивая названия мест проведения вскрытий.

Печ, Косово.

Джяковица, Косово.

— Вскрытия проводились в полевых условиях, — сказал Дин. — Иногда в самых примитивных. В палатках и при свете фонаря. Без водопровода. И столько трупов, что мы не успевали их обрабатывать.

— Это было расследование военных преступлений? — спросила она.

Он кивнул.

— Я был в первой команде ФБР, оказавшейся на месте в июне девяносто девятого года. Мы прибыли по просьбе Международного военного трибунала по бывшей Югославии. В той первой миссии нас было шестьдесят пять человек. Нашей задачей было найти и представить доказательства с мест самых масштабных в истории преступлений. В районах массовых погромов мы собирали баллистические улики, эксгумировали и провели вскрытие сотен албанских жертв, а еще несколько сотен трупов просто не смогли обнаружить. И все то время, что мы там находились, убийства продолжались.

— Кровная месть, — сказал Конвей. — Что вполне предсказуемо, учитывая специфику этой войны. Да, в принципе, любой войны. Мы оба, — и я, и агент Дин — бывшие морские пехотинцы. Я служил во Вьетнаме, агент Дин участвовал в операции «Буря в пустыне». Мы видели такое, о чем говорить язык не поворачивается, что всякий раз заставляет задаваться вопросом, чем же мы, люди, отличаемся от животных. Во время войны сербы убивали албанцев, а после войны бойцы албанской народной армии стали убивать мирных сербов. И у тех, и у других руки по локоть в крови.

— Мы поначалу так и думали, что убийства совершены на этнической почве, — пояснил Дин, указывая на снимки. — Возмездие после войны. Но в нашу миссию не входило разбираться с послевоенным беззаконием. Мы находились там исключительно по просьбе трибунала, чтобы заниматься сбором доказательств военных преступлений. А не этих.

— И все же вы занялись этими убийствами, — заметила Риццоли, глядя на фирменный бланк ФБР, на котором были отпечатаны протоколы вскрытий. — Почему?

— Потому что я распознал их характер, — ответил Дин. — Это не были убийства на этнической почве. Двое мужчин были албанцами, один — серб. Но у всех было одно общее: они были женаты на молодых женщинах. Красивых женщинах, которые потом оказались похищенными. К тому моменту, когда было совершено третье преступление, я уже знал почерк убийцы и понимал, с кем мы имеем дело. Но эти преступления подпадали под юрисдикцию местных правоохранительных органов, а не трибунала, который пригласил нас туда.

— Ну и что было сделано? — спросила она.

— Одним словом? Ничего. Никаких арестов, потому что не было ни одного подозреваемого.

— Разумеется, какое-то следствие было, — сказал Конвей. — Но вы

сами подумайте, детектив, какова была ситуация. Тысячи погибших в результате военных действий, захороненных в более чем ста пятидесяти братских могилах. Иностранные миротворческие войска пытаются навести порядок в стране. Вооруженные бандиты, которые рыщут по разрушенным деревням, просто чтобы убивать. И сами гражданские, вынашивающие планы кровной мести. Там был просто Дикий Запад, где с оружием в руках выясняли отношения, будь то семейные ссоры, наркотики или вендетта. И любое преступление автоматически квалифицировали как этнический конфликт. Да и как можно было отличить одно убийство от другого? Их было так много.

— Для серийного убийцы это был просто рай на земле, — подвел итог Дин.

Она смотрела на Дина. Ее не удивило его военное прошлое, которое угадывалось и в его выпрявке, и в командном голосе. Он знал военную тактику, был знаком с поведением воинов-победителей, знал, как унизить врага, как завладеть трофеем.

— Стало быть, наш убийца был в Косове, — сказала Риццоли.

— Там для него было раздолье, — сказал Конвой. — Смерть была там привычным делом. Убийца мог спокойно ходить по домам, совершать свои зверства и уходить, никем не замеченный. Кто знает, сколько подобных преступлений списано на военные действия.

— Возможно, мы имеем дело с недавним иммигрантом, — предположила Риццоли. — С беженцем из Косова.

— Это одна версия, — сказал Дин.

— Версия, которую, как я понимаю, вы уже отработали.

— Да, — не колеблясь, ответил он.

— Вы скрывали важнейшую информацию. Вы просто сидели и наблюдали, как тупые копы бегают по замкнутому кругу.

— Я дал вам возможность прийти к собственным выводам.

— Да, но мы не видели полной картины. — Она ткнула пальцем в фотографии. — Это же во многом меняет дело.

Дин и Конвой посмотрели друг на друга. Потом Конвой произнес:

— Боюсь, мы еще не все вам рассказали.

— Не все?

Дин полез в пухлую папку и достал еще один снимок с места происшествия. Хотя Риццоли думала, что готова ко всему, четвертая фотография потрясла ее. На снимке — молодой светловолосый мужчина с тонкими усиками. Он был скорее жилистым, нежели мускулистым, грудная клетка походила на костлявую решетку, а худые плечи выпирали вперед. Она отчетливо видела выражение его лица в момент смерти — лицевые мышцы застыли в гримасе дикого ужаса.

— Эта жертва была обнаружена двадцать девятого октября прошлого года, — сказал Дин. — Тело жены так и не было найдено.

Она с трудом сглотнула слюну и отвернулась от снимка.

— Опять Косово?

— Нет. Файетвилл, Северная Каролина.

Риццоли в изумлении уставилась на него. И не отпускала его взгляд,

чувствуя, как от злости пылает лицо.

— И сколько же еще вы утаили? Сколько таких эпизодов было, черт возьми?

— Это все, что нам известно.

— Вы хотите сказать, что могли быть и другие?

— Возможно. Но у нас нет доступа к этой информации.

В ее взгляде отразилось недоумение.

— У ФБР нет доступа?

— Агент Дин имеет в виду, — вмешался Конвей, — что, возможно, были эпизоды вне сферы нашей юрисдикции. Скажем, в странах, где у нас нет доступа к криминологической базе данных. Помните, мы говорили о зонах боевых действий, о регионах с нестабильной политической обстановкой. Именно такие места привлекают нашего убийцу. Он чувствует себя там как рыба в воде.

Убийца, который свободно передвигается по странам и континентам. Ареал его охоты не имеет национальных границ. Она стала вспоминать все, что ей было известно о Властелине. Скорость, с которой он парализовал свои жертвы. Страстное желание контакта с мертвый плотью. Нож Рембо как орудие убийства. И волокна парашютной ткани тускло-зеленого цвета. Риццоли чувствовала, что они оба наблюдают за ней, пока она переваривает информацию Конвея. Они словно испытывали ее, прикидывали, оправдывает ли она их ожидания.

Она посмотрела на последнюю фотографию из тех, что лежали на столике.

— Вы сказали, что это нападение было в Файетвилле.

— Да, — подтвердил Дин.

— В этом районе есть военная база. Так ведь?

— Форт-Брэгг. Это примерно в десяти милях к северо-западу от Файетвилла.

— Какова численность контингента?

— Примерно сорок одна тысяча военнослужащих. Там базируется восемнадцатый авиационный корпус восемьдесят второй военно-воздушной дивизии и командование армейскими спецоперациями. — Судя по тому, что Дин без заминки ответил на ее вопрос, он считал эту информацию важной для расследования и заранее ее подготовил.

— Поэтому вы держали меня в неведении, заставляя блуждать в потемках? Мы имеем дело с человеком, обладающим военными навыками. С профессиональным убийцей.

— Мы так же, как и вы, блуждали в потемках. — Дин подался вперед,

и его лицо оказалось так близко, что она уже не видела ничего, кроме него. — Прочитав отчет, присланный полицией Файетвилла, я подумал, что опять начинается Косово. Убийца мог даже оставить свой автограф, настолько все было одинаково в картине преступления. Расположение мужского тела. Тип лезвия, которым был нанесен смертельный удар. Фарфоровая или стеклянная посуда на коленях жертвы. Похищение жены... Я тут же вылетел в Файетвилл и провел там две недели, помогая местной полиции в расследовании. Но ни одного подозреваемого так и не выявили.

— Почему вы не могли сразу рассказать мне об этом? — спросила она.

— По причине военной принадлежности нашего убийцы.

— Да будь он хоть четырежды генерал, я имела право знать про дело в Файетвилле.

— Если бы эта информация была критической для идентификации бостонского подозреваемого, я бы обязательно вам сказал.

— Вы говорили, воинский контингент Форт-Брэгга сорок одна тысяча солдат.

— Да.

— И сколько из них служили в Косове? Думаю, вы выясняли этот вопрос.

Дин кивнул.

— Я запросил в Пентагоне список всех солдат, которые бывали в местах совершенных убийств в интересующие нас даты. Властелина среди них нет. Только несколько человек в настоящее время проживают в Новой Англии, и ни один из них нам не подходит.

— Полагаю, этому можно верить?

— Да.

Она рассмеялась:

— Это предполагает высокую степень доверия.

— Мы оба в равном положении, Джейн. Я не сомневаюсь в том, что вам можно доверять.

— Доверять в чем? До сих пор вы не сообщили мне ничего секретного.

В воцарившейся тишине Дин бросил взгляд на Конвея, и тот еле заметно кивнул. Этот молчаливый обмен мнениями означал, что они согласны посвятить ее в ключевой аспект головоломки.

Конвой спросил:

— Вы когда-нибудь слышали о «купании овец», детектив?

— Я так понимаю, этот термин не имеет никакого отношения к настоящим овцам.

Он улыбнулся.

— Конечно. Это военный сленг. Речь идет о практикуемом ЦРУ привлечении военного спецконтингента для выполнения особых задач. Так было в Никарагуа и Афганистане, когда спецназу ЦРУ требовался дополнительный человеческий ресурс. В Никарагуа морские пехотинцы привлекались в качестве этих самых овец для минирования гаваней. В Афганистане «зеленые береты» обучали моджахедов. В процессе работы на ЦРУ эти солдаты соответственно становились штатными офицерами ЦРУ. Поэтому их имена и не фигурируют в списках Пентагона. Военные не суют нос в дела ЦРУ.

Она перевела взгляд на Дина.

— Тогда тот список, который вам предоставил Пентагон... С именами солдат из Файетвилла, которые служили в Косове...

— Список был неполным, — ответил он.

— Насколько неполным? Сколько имен осталось за кадром?

— Этого я не знаю.

— А вы не запрашивали ЦРУ?

— Вот именно там я и наткнулся на глухую стену молчания.

— Они не называют имен?

— Они и не обязаны, — сказал Конвой. — Если ваш убийца был вовлечен в спецоперации за границей, этого никто никогда не подтвердит.

— Даже если этот человек продолжает убивать на родной земле?

— Тем более, если на родной земле, — ответил Дин. — Это же грандиозный публичный скандал. Что, если он захочет дать свидетельские показания? Какая информация просочится в прессу? Думаете, ЦРУ очень хочет, чтобы мы узнали, что их человек врывается в чужие дома и режет глотки законопослушным гражданам? Надругается над женскими трупами? Еще не хватало, чтобы это вышло на первые полосы.

— Так что сказали вам в ЦРУ?

— Что у них нет никакой информации, имеющей отношение к убийству в Файетвилле.

— Типичная отговорка.

— Куда как хуже, — сказал Конвой. — На следующий день после того, как агент Дин сделал запрос в ЦРУ, его отстранили от расследования в Файетвилле и приказали вернуться в Вашингтон. Приказ пришел из офиса заместителя директора ФБР.

Она уставилась на него, потрясенная тем, насколько засекреченной оказалась личность Властелина.

— Вот тогда агент Дин и обратился ко мне, — добавил Конвой.

— Потому что вы член сенатского комитета по обороне?

— Потому что мы давно знакомы. Морские пехотинцы связаны особыми узами. Мы доверяем друг другу. Он попросил меня сделать запрос. Но боюсь, и моего авторитета недостаточно.

— Что, даже сенатор бессилен?

Конвей иронично улыбнулся.

— Сенатор-демократ от либерального штата, следует добавить. Я служил своей стране, был ее солдатом. Но тем не менее некоторые чины в оборонных структурах никогда не примут меня. Я вызываю у них аллергию.

Ее взгляд опять переместился на фотографии. На галерею убитых мужчин, которые были выбраны на роль жертв не из соображений политики, национальности или убеждений, но только потому, что у них были красивые жены.

— Вы могли бы рассказать мне все это несколько недель назад, — упрекнула она.

— В полицейских расследованиях всегда много утечки, — возразил Дин.

— Только не в моих.

— В любых. Если бы я поделился этой информацией с вашей командой, что-то непременно просочилось бы в прессу. И ваша работа тут же оказалась бы в зоне внимания не тех, кого нужно. Людей, которые помешали бы вам произвести арест.

— Вы действительно считаете, что они оберегают его? После всего, что он натворил?

— Нет, я думаю, они так же, как и мы, стремятся изолировать его. Но хотят сделать это тихо, не привлекая внимания общественности. Совершенно очевидно, что они потеряли его след. Он вышел из-под их контроля, стал убивать мирных граждан. Он превратился в ходячую бомбу, и они не могут себе позволить закрыть на это глаза.

— А если они поймают его раньше, чем это сделаем мы?

— Мы об этом никогда не узнаем. Убийства прекратятся, вот и все. А мы останемся в неведении.

— Я не люблю закрывать дела таким способом, — сказала Риццоли.

— Конечно, вы хотите справедливости. Аrestа, суда, приговора. Все, как положено по закону.

— Вы так говорите, будто я прошу достать луну с неба.

— В данном случае так оно и есть.

— Так вы для этого привезли меня сюда? Сказать, что я никогда его не поймаю?

Он наклонился и пристально посмотрел ей в глаза.

— Мы хотим того же, чего хотите и вы, Джейн. Свершения правосудия. Я преследую этого человека с Косова. Думаете, меня устроит какой-то иной вариант, кроме справедливого?

Конвей тихо сказал:

— Теперь вы понимаете, детектив, почему мы пригласили вас сюда? Понимаете всю важность соблюдения секретности?

— Мне кажется, ее чересчур много в этом деле.

— Но только так мы можем довести расследование до конца. Думаю, мы все этого хотим.

Какое-то мгновение она смотрела в глаза сенатору.

— Мою поездку оплатили лично вы, не так ли? Авиабилеты, лимузины, роскошный отель. Надеюсь, это не ФБР потратилось?

Конвей кивнул. И устало усмехнулся:

— Расходы на стоящее дело лучше не отражать в балансе.

23

Небеса все-таки разверзлись, и капли дождя тысячей молоточков застучали по крыше автомобиля Дина. Щетки на ветровом стекле еле справлялись с потоком воды, позволяя разглядеть безнадежно застрявший в пробке транспорт и залитые улицы.

— Хорошо, что вы не улетаете сегодня вечером, — сказал он. — В аэропорту, наверное, сейчас полная неразбериха.

— В такую погоду лучше находиться на земле, вы правы.

Он метнул в ее сторону насмешливый взгляд.

— А я думал, вы бесстрашная.

— С чего вы взяли?

— Да глядя на вас. Вы так старательно работаете над этим имиджем. Всегда начеку.

— Вы опять пытаетесь влезть ко мне в душу. Это ваше любимое занятие?

— Просто привычка. Я занимался этим в Заливе. Психологическая обработка противника.

— Но я ведь не враг, кажется?

— Я никогда не считал вас врагом, Джейн.

Она посмотрела на него и в очередной раз залюбовалась идеальными линиями его профиля.

— Но вы мне не доверяли.

— Я вас плохо знал.

— Выходит, вы изменили свое мнение?

— А почему, как вы думаете, я пригласил вас в Вашингтон?

— О, я не знаю, — усмехнулась Риццоли. — Может, соскучились по мне и захотели увидеть?

Его молчание повергло ее в смятение. Она пришла в ужас от своей тупости и наивности — качеств, которые она презирала в других женщинах. Она уставилась в окно, словно стараясь укрыться от его взгляда, его голоса, собственных глупых слов, до сих пор звучавших в ушах.

Впереди наконец наметилось подобие движения, и автомобили зашуршали по лужам.

— Если честно, — произнес Дин, — мне действительно хотелось вас увидеть.

— Неужели? — небрежно бросила она. Уже однажды выставив себя на

посмешище, она не собиралась повторять ошибку.

— Я хотел принести свои извинения. За то, что сказал Маркетту о вашем служебном несоответствии. Я был неправ.

— И когда же вы это поняли?

— Не могу сказать, что это случилось в какой-то определенный момент. Я просто... наблюдал за вашей работой день за днем. Видел, как вы сконцентрированы. Как нацелены на результат. — Он добавил, уже тихо: — А потом я понял, что вам приходилось преодолевать с прошлого лета. Раньше я даже не догадывался.

— И наверняка подумали: «Тем не менее ей удаетсяправляться с работой».

— Вам кажется, что я вас жалею, — сказал он.

— Знаете, не очень-то приятно слышать о себе: «Посмотрите, как многое ей удалось добиться, учитывая ее состояние». Что ж, тогда вручите мне олимпийскую медаль. Как самому психологически устойчивому копу.

Дин тяжело вздохнул.

— Вы что, всегда ищете подтекст в каждом комплименте, в каждой похвале? Джейн, иногда люди говорят то, что думают.

— Уж вы-то можете понять, почему я скептически отношусь к вашим словам.

— Вы до сих пор считаете, что я что-то недоговариваю?

— Честно говоря, не знаю, что и думать.

— Конечно, ведь вы ни в коем случае не заслуживаете искреннего комплимента от меня.

— Я понимаю, о чем вы.

— Может, и понимаете. Но все равно не верите. — Он затормозил на красный сигнал светофора и посмотрел на нее. — Откуда этот скепсис? Неужели так тяжело быть просто Джейн Риццоли?

Она устало усмехнулась.

— Давайте не будем углубляться в эту тему, Дин.

— Это что, проблема женщины-полицейского?

— Вот видите, сами все знаете.

— Но ваши коллеги, кажется, уважают вас.

— Есть весьма заметные исключения.

— Ну, это как всегда.

Светофор зажегся зеленым, и он опять сосредоточился на дороге.

— Работа полицейского, — начала она, — все-таки требует большого количества тестостерона.

— Тогда почему вы выбрали ее?

— Потому что плохо училась.

Они оба рассмеялись. Это был их первый общий искренний смех.

— По правде говоря, — сказала она, — я хотела быть полицейским уже с двенадцати лет.

— Почему?

— Полицейских все уважают. По крайней мере мне, ребенку, так казалось. Мне хотелось иметь нагрудную бирку, оружие — все то, что заставляло бы окружающих вставать при моем появлении. Я не хотела прозябать в каком-нибудь офисе, где стала бы невидимкой. Мне не хотелось быть похороненной заживо, быть пустым местом. — Она облокотилась на дверцу и устроилась поудобней. — Но теперь мне кажется, что анонимность — это не так уж плохо. По крайней мере Хирург никогда бы не узнал моего имени.

— Вы так говорите, словно жалеете, что выбрали работу в полиции.

Она вспомнила долгие ночи, проведенные на ногах, с подкреплением в виде кофеина и адреналина. Ужас, который охватывал ее при виде самых низменных человеческих деяний. Вспомнила она и о погившем из самолета, дело которого до сих пор лежало у нее на столе как напоминание о ее никчемности. И о никчемности самой жертвы. Она подумала о том, что мечты иногда уводят в совершенно непредсказуемые сферы. В подвал сельского дома, где воздух пропитан запахом крови. Или в свободное падение из самолета. Но это наши мечты, и мы слепо идем за ними.

Наконец она произнесла:

— Нет, я не жалею. Это моя работа. Это то, что меня волнует, что вызывает во мне злость. Знаете, я очень часто испытываю злость. Просто не могу спокойно смотреть на трупы невинных людей. В эти минуты я становлюсь их адвокатом, воспринимаю их смерть как вызов, брошенный лично мне. Наверное, когда я перестану злиться, пора будет уходить.

— Не у каждого полицейского такой огонек в душе. — Он посмотрел на нее. — Мне кажется, вы самый увлеченный человек из всех, кого я знаю.

— Не так уж это хорошо, быть увлеченным.

— Вы неправы.

— А вы считаете, что это нормально, когда из-за собственной увлеченности ты готов сгореть на работе?

— Вы это чувствуете?

— Иногда. — Она уставилась на струи дождя, которые заливали ветровое стекло. — Наверное, лучше быть похожей на вас.

Он не ответил, и Риццоли подумала, не обидела ли она его, намекнув на холодность и бесстрастность. Но ведь и на самом деле он всегда

производил на нее впечатление человека в сером. Он так долго оставался для нее загадкой, что сейчас ей захотелось спровоцировать его, заставить раскрыться, проявить хотя бы какие-то эмоции, пусть даже и не слишком приятные. Победить его неприступность.

Но, именно штурмую такие цели, женщины и выглядят полными дурами.

Когда Дин наконец подъехал к отелю «Уотергейт», она приготовилась сухо проститься с ним.

— Спасибо за поездку, — сказала Риццоли. — И за откровения. — Она открыла дверцу, впуская в салон теплый влажный воздух. — До встречи в Бостоне.

— Джейн!

— Да?

— Между нами больше нет недомолвок, договорились? Я говорю только то, что думаю.

— Если вы так настаиваете...

— Вы все-таки мне не верите?

— А это имеет какое-то значение?

— Да, — тихо произнес он. — Для меня это очень важно.

Она сделала паузу, чувствуя, как сильно забилось сердце. И повернувшись, посмотрела ему в глаза. Они так привыкли не доверять друг другу, что попросту не умели читать правду по глазам. Сейчас был такой момент, когда важно было первое слово, первое движение. Но никто не осмеливался сделать его. Сoverшить первую ошибку.

Над открытой дверью нависла чья-то тень.

— Добро пожаловать в «Уотергейт», мэм! Вам помочь с багажом?

Риццоли встрепенулась и удивилась, увидев улыбающееся лицо швейцара. Он заметил, что дверь машины открыта, и поспешил встретить гостью.

— Спасибо, я уже зарегистрировалась, — сказала она и повернулась к Дину. Но момент был упущен. Швейцар как будто застыл возле машины, ожидая, пока она выйдет. Что она и сделала.

Обмен взглядами через окно, взмах руки — таково было их прощание. Она направилась в вестибюль, остановившись лишь на мгновение, чтобы увидеть, как его машина отъехала от отеля и растворилась в дожде.

В лифте она прижалась спиной к стене, закрыла глаза и мысленно отругала себя за каждую неутаенную эмоцию, за каждую произнесенную в машине глупость. К тому времени, когда она подошла к двери своего номера, ей больше всего хотелось собрать вещи и уехать в Бостон.

Наверняка был вечерний рейс, на который она могла бы успеть. Или поезд. Она всегда любила ездить в поезде.

Одержанная идеей сбежать, оставить позади Вашингтон и связанные с ним переживания, Риццоли открыла чемодан и начала собираться. Вещей было мало, и в считанные минуты она сняла с вешалки блузку и брюки, кинула их поверх кобуры с пистолетом, упаковала в косметичку зубную щетку и туалетные принадлежности. Она застегнула чемодан и повезла его к выходу, когда в дверь постучали.

В коридоре стоял Дин, в забрызганном дождем костюме, с мокрыми и блестящими волосами.

— Мне кажется, мы не договорили, — сказал он.

— Вам есть что еще сказать мне?

— Да, между прочим. — Он зашел в комнату и закрыл за собой дверь. Нахмурился, увидев ее упакованный чемодан.

Господи, подумала она. Кто-то же должен проявить смелость. Схватить этого быка за рога.

И, прежде чем было произнесено хотя бы одно слово, она притянула его к себе. И сразу же почувствовала, как его руки обвились вокруг ее талии. Когда их губы встретились, ни у кого из них уже не оставалось сомнений в том, что поцелуй был взаимным, что, если это и было ошибкой, то ошибкой общей. Она не знала о нем практически ничего, только то, что безумно хотела его, а со всем остальным она решила разобраться потом.

Его лицо было мокрым от дождя, и одежда, сброшенная на пол, оставила на коже аромат влажной шерсти, который она тут же уловила, когда губы заскользили по его телу, опережая его попытки сделать то же самое. Она сгорала от желания, а потому не хотела тратить время на нежные ласки. Ей хотелось безумного и страстного секса. Она чувствовала, что он пытается придержать ее, восстановить контроль над ней. Но она не сдавалась, и ее тело дразнило его, увлекая вперед. В день их первой близости она была победительницей, а он побежденным.

* * *

Они дремали, пока послеполуденное солнце медленно покидало комнату. Когда она проснулась, лишь тонкая полоска лунного света освещала мужчину, лежавшего рядом. Мужчину, который даже сейчас оставался для нее загадкой. Она овладела его телом, так же как и он овладел ею, и, понимая, что должна испытывать чувство вины за

полученное удовольствие, поймала себя на том, что испытывает лишь удовлетворение и приятную усталость. Да еще изумление.

— Ты упаковала чемодан, — сказал он.

— Я собиралась уехать домой сегодня вечером.

— Почему?

— Не видела смысла оставаться. — Она коснулась его лица, провела пальцами по грубоватой щетине. — Пока ты не возник на пороге.

— Я колесил по округе. Решался.

Она рассмеялась.

— Ты как будто боишься меня.

— Сказать тебе правду? Ты — особенная женщина.

— В самом деле?

— Ты сильная, страстная. Меня поражает, сколько в тебе огня. — Он погладил ее бедро, и прикосновение его пальцев отзвалось сладкой дрожью в ее теле. — В машине ты сказала, что хотела бы стать похожей на меня. Честно говоря, Джейн, я бы предпочел быть таким, как ты. Мне не хватает твоей пылкости.

Она положила руку ему на грудь.

— Ты так говоришь, будто здесь не бьется сердце.

— Разве не об этом ты думала, когда смотрела на меня?

Она помолчала.

Мужчина в сером костюме.

— Я угадал? — спросил он.

— Я не знала, как к тебе подступиться, — призналась она. — Ты всегда казался таким высокомерным. Словно небожитель.

— Просто оцепенел. — Он так тихо произнес эти слова, что она подумала, будто они не были предназначены для того, чтобы быть услышанными. Мысль, которую он прошептал себе под нос. — Мы реагируем по-разному. Я имею в виду, на то, с чем нам приходится иметь дело. Вот ты сказала, что испытываешь злость.

— Чаще всего да.

— И сразу бросаешься в бой. Ты играешь на всю катушку. Горишь на работе. — Он добавил с тихим смешком: — Отсюда дурной характер и все прочее.

— Но как ты можешь не злиться?

— Я просто себе этого не позволяю, вот и все. Делаю шаг назад, перевожу дыхание. Рассматриваю каждое дело как очередную головоломку. — Он посмотрел на нее. — Вот почему ты меня так заинтриговала. Твой темперамент, эмоции, которые ты вкладываешь во все,

что делаешь. Но это... опасно.

— Почему?

— Я совсем не такой.

— Ты боишься, что я приkleюсь к тебе.

— Это все равно что приближаться к огню. Он влечет нас, хотя мы и знаем, что в нем можно сгореть.

Риццоли прижалась губами к его губам.

— Немного опасности, — прошептала она, — очень возбуждает.

Вечер плавно перешел в ночь. Они смыли с себя под душем следы любовной страсти, а потом стояли перед зеркалом и смеялись, разглядывая себя в одинаковых гостиничных халатах. Они заказали ужин в номер и пили вино в постели, перед телевизором, настроенным на комедийный канал. Сегодня, решили они, не будет ни CNN, ни тревожных новостей. Сегодня ей хотелось быть как можно дальше от Уоррена Хойта.

Но даже расстояние и тепло мужских объятий не могли стереть Хойта из ее снов. Она лежала в испарине, но от страха, а не от страсти. Вслушиваясь в биение своего сердца, она различила звонок сотового телефона. Всего несколько секунд ей понадобилось, чтобы выпутаться из объятий Дина и дотянуться до тумбочки, где лежал мобильник.

— Риццоли.

Ее приветствовал голос Фроста:

— Наверное, я разбудил тебя.

Она покосилась на часы.

— Пять утра? Да, ты прав.

— Ты в порядке?

— Да, все отлично. А почему ты спрашиваешь?

— Слушай, я знаю, что ты прилетаешь сегодня. Но я подумал, что тебе захочется узнать это до того, как ты приедешь.

— Что?

Он ответил не сразу. В трубку она расслышала, что его отвлекли вопросом о том, куда складывать вещи, и поняла, что он звонит ей с места происшествия.

Рядом зашевелился Дин, проснувшись от ее телодвижений. Он сел на кровати и включил свет.

— В чем дело?

— Риццоли! — снова послышался голос Фроста.

— Где ты? — спросила она.

— Меня вызвали на десять-шестьдесят четыре. Вот где я сейчас нахожусь...

— Почему ты ездишь на вызовы по кражам?

— Потому что это кража в твоей квартире.

Она оцепенела. Прижав трубку к уху, она слышала только биение своего пульса.

— Поскольку ты уехала из города, мы временно сняли наблюдение за твоим домом, — сказал Фрост. — Твоя соседка по этажу, из квартиры двести три, вызвала полицию. Мисс... как ее там...

— Шпигель, — тихо произнесла она. — Джинджер.

— Да. Девчонка шустрая. Говорит, что работает барменшей у Макгинти. Возвращалась с работы домой и заметила осколки стекла у пожарного выхода. Посмотрела наверх и увидела, что твое окно разбито. Она сразу же позвонила девять-один-один. Офицер, первым прибывший на место происшествия, понял, что это твоя квартира. И позвонил мне.

Дин коснулся ее руки, задавая молчаливый вопрос. Риццоли проигнорировала его. Прокашлявшись, она все-таки сумела выдавить из себя:

— Он что-нибудь взял? — Она уже употребляла слово «он». Не называя имени, они оба знали, чьих это рук дело.

— А это ты нам скажешь, когда вернешься, — сказал Фрост.

— Ты сейчас там?

— Стою в твоей гостиной.

Она закрыла глаза, закипая от ярости. Чужие люди вторглись в ее жилище. Открывали ее шкафы, касались ее одежды, шарили в нижнем белье.

— Похоже, ничего не тронуто, — сообщил Фрост. — Телевизор и проигрыватель на месте. Большая банка с мелочью так и стоит на кухне. Есть еще что-то, что могло бы их заинтересовать?

Мое душевное равновесие. Мой рассудок.

— Риццоли!

— Я не могу сообразить.

Последовала пауза. Потом он произнес, осторожно:

— Я вместе с тобой обследую каждый сантиметр квартиры. Когда ты вернешься, мы это сделаем. Хозяин дома уже забил окно фанерой, чтобы дождь не замочил. Если тебе захочется пожить пока у меня, ты знаешь, Элис будет только рада. У нас есть свободная комната...

— Я в порядке, — сказала она.

— Да нет проблем...

— Я в порядке.

В ее голосе были и злость, и гордость. Прежде всего гордость.

Фрост знал, когда следует отступить. Невозмутимым голосом он произнес:

— Позвони мне, как только приедешь.

Дин все это время наблюдал за ней. Ей вдруг стало невмоготу, что он смотрит на нее, голую и испуганную. Что она перед ним такая слабая и беззащитная. Она выбралась из постели, прошла в ванную и закрыла за собой дверь.

Через мгновение он постучал.

— Джейн!

— Я хочу принять душ.

— Не закрывайся от меня. — Он снова постучал. — Выйди, поговори со мной.

— Когда закончу. — Она повернула кран, зашла в душ, но не потому, что нужно было помыться; просто вода была шумовой завесой, и можно было укрыться. Она стояла, склонив голову, упервшись руками в кафельную стену, пытаясь побороть страх. Она представляла себе, что вода смывает его словно грязь, слой за слоем. Когда она наконец выключила воду, ей стало легче. Как будто она очистилась. Она вытерлась полотенцем, и в затуманенном зеркале увидела свое лицо, но уже не бледное, а порозовевшее от жары. С таким лицом можно было вновь играть роль Джейн Риццоли.

Она вышла из ванной. Дин сидел в кресле у окна. Он ничего не сказал, просто смотрел, как она одевается, подбирая с пола одежду, смятые простыни, которые только что были доказательством их страсти. Один телефонный звонок разом покончил с чувствами, и теперь она двигалась по комнате с выражением твердой решимости на лице, застегивая пуговицы на кофте, молнию на брюках. За окном было еще темно, но для нее ночь уже закончилась.

— Ты мне так ничего и не скажешь? — спросил Дин.

— Хойт побывал в моей квартире.

— Они уверены, что это был он?

Она повернулась к нему.

— А кто же еще?

Слова прозвучали резче, чем она рассчитывала. Вспыхнув, Риццоли полезла под кровать за туфлями.

— Я должна ехать домой.

— Сейчас пять утра. Твой самолет в половине десятого.

— Ты всерьез полагаешь, что я могу лечь и заснуть? После всего этого?

— Ты приедешь в Бостон измученной.

— Я не устала.

— Сейчас ты держишься на адреналине.

Она втиснула ноги в туфли.

— Прекрати, Дин.

— Прекратить что?

— Попытки заботиться обо мне.

Воцарилось молчание. Потом он произнес с оттенком сарказма:

— Извини. Я все время забываю, что ты сама можешь прекрасно о себе позаботиться.

Она замерла, стоя к нему спиной и уже жалея о том, что сказала. Впервые испытывая желание, чтобы он позаботился о ней, чтобы обнял ее и уговорил лечь обратно в постель, чтобы они спали, держа друг друга в объятиях, пока не придет бы время отъезда.

Но когда она повернулась, то увидела, что он уже встал с кресла и начал одеваться.

В самолете она уснула. Когда начали снижаться, она проснулась, чувствуя себя совершенно разбитой и испытывая острую жажду. Плохая погода сопровождала самолет всю дорогу из округа Колумбия, и турбулентность измучила всех пассажиров. За серой пеленой не видно было даже крыльев самолета, но она слишком устала, чтобы волноваться за свою безопасность. К тому же мысли были по-прежнему заняты Дином, и ни на что другое она не отвлекалась. Уставившись в иллюминатор, она вспоминала прикосновение его рук, его теплое дыхание на своей коже.

Вспоминались последние слова, которыми они обменялись в аэропорту, холодное и торопливое прощание под дождем. Не нежное расставание влюбленных, а дежурная любезность деловых партнеров, спешащих по своим делам. Она ругала себя за новую преграду, которую возвела своими руками, ругала и его — за то, что позволил ей уйти. В очередной раз Вашингтон оказался городом раскаяния и испачканных простыней.

Самолет коснулся земли под проливным дождем. Она видела, как суетятся на летном поле рабочие в брезентовых куртках с натянутыми капюшонами, и мысленно готовила себя к тому, что ее ждет впереди. Поездка домой, в квартиру, где она уже никогда не будет чувствовать себя в безопасности, потому что там побывал он.

Взяв багаж, она вышла из здания аэропорта и еле удержалась на ногах под порывом мощного ветра с дождем. Длинная очередь утомленных ожиданием пассажиров выстроилась на стоянке такси. Оглядел ряд лимузинов, припаркованных на другой стороне улицы, она с облегчением увидела табличку с фамилией РИЦЦОЛИ в окне одного из них.

Она постучала в окошко водителя, и стекло опустилось. Это был другой шофер, не тот пожилой негр, что вез ее вчера из дома в аэропорт.

— Да, мэм?

— Я Джейн Риццоли.

— Едете на Клермон-стрит, верно?

— Да.

Шофер вышел из машины и открыл для нее заднюю дверь.

— Прошу, садитесь. Я положу ваш чемодан в багажник.

— Спасибо.

Она проскользнула в салон и устало вздохнула, уютно устроившись на

мягком кожаном сиденье. Там, на улице, под проливным дождем визжали сирены и скрипели тормоза, а мир внутри лимузина был исполнен благословенной тишины. Она закрыла глаза, когда автомобиль вырулил с территории аэропорта и покатил в сторону Бостона.

Зазвонил ее сотовый телефон. Встрепенувшись, она пошарила в сумочке, роняя на пол ручки и мелочь, пока не нашупала телефон. Ответить ей удалось лишь на четвертый звонок.

— Риццоли.

— Говорит Маргарет из офиса сенатора Конвея. Я занималась организацией вашей поездки. Я просто хотела проверить, как вы добрались из аэропорта домой.

— Спасибо. Я уже в лимузине.

— О! — Последовала пауза. — Что ж, я рада, что все прояснилось.

— Что именно?

— Звонили из службы заказов, подтвердили, что вы отменили встречу в аэропорту.

— Нет, водитель ждал меня. Спасибо.

Она нажала отбой и нагнулась, чтобы поднять с пола все, что упало из сумки. Шариковая ручка закатилась под водительское сиденье. Потянувшись за ней, она вдруг обратила внимание на цвет коврика: темно-синий.

Она медленно выпрямилась.

Они как раз въехали в туннель Каллахан, который тянулся под Чарльз-ривер. Движение здесь было медленным, и они еле тащились по бесконечной бетонной трубе, тускло освещенной фонарями.

Темно-синий нейлон, шесть и шесть, марки «Дюпон Анtron». Стандартное ковровое покрытие в «Кадиллаках» и «Линкольнах».

Риццоли сидела, не двигаясь, устремив взгляд в стену туннеля. Она думала о Гейл Йигер и похоронной процессии, о лимузинах, медленно тянувшихся к кладбищенским воротам.

Она вспомнила об Александре и Каренне Рентах, которые прибыли в аэропорт Логан всего за неделю до своей гибели.

И еще вспомнился Кеннет Уэйт, у которого отобрали водительские права. Человек, которому не разрешалось управлять автомобилем, тем не менее возил свою жену в Бостон.

Может, он так их находит?

Супружеская пара садится в машину. Хорошенько женское лицо отражается в зеркале заднего вида. Она откидывается на спинку кожаного сиденья, расслабляется, едет домой, не подозревая, что за ней наблюдают,

что мужчина, чье лицо она даже не запомнила, в этот момент решает, что она — именно то, что нужно.

Туннель все тянулся, пока Риццоли по кирпичику выстраивала свою теорию. Комфортабельная машина, плавный ход, кожаные сиденья, мягкие, словно человеческая кожа. Безымянный человек за рулем. Все располагает к тому, чтобы пассажир чувствовал себя уютно, расслабленно. Он ничего не знает о своем водителе. Но водитель знает имя пассажира. Номер рейса. Улицу, где тот живет.

Движение остановилось. Далеко впереди замаячил выезд из туннеля, серое пятно света. Она смотрела в окно, не решаясь взглянуть на водителя, опасаясь, что он заметит ее напряжение. Ладони вспотели, когда она потянулась в сумочку за телефоном. Она не достала его — просто сидела, ощущая его в руках и решая, что делать дальше. До сих пор водитель ничем себя не выдал, не дал повода для подозрений.

Риццоли медленно вытащила телефон из сумки. Раскрыла его. В тусклом освещении туннеля она с трудом разбирала цифры. Держись непринужденно, уговаривала она себя. Как будто просто болтаешь с Фростом, а не зовешь на помощь. Но что сказать? «Мне кажется, я попала в беду, но не уверена»? Она нажала кнопку быстрого набора, вызывая Фроста. Услышала гудки, а потом слабое: «Алло» — сменилось полной тишиной.

Туннель. Я в этом чертовом туннеле.

Она закрыла крышку телефона. Посмотрела вперед, далеко ли до выезда. В это мгновение взгляд ее непроизвольно скользнул в зеркало заднего вида. Она допустила ошибку, встретившись с ним взглядом. Именно в это мгновение им обоим все стало ясно.

Выходи. Выбирайся из машины!

Риццоли потянулась к ручке двери, но он уже успел заблокировать ее. В панике она стала искать кнопку разблокировки.

Этого времени ему хватило, чтобы перегнуться назад, направить на нее электрошокер и выстрелить.

Электрический разряд ударил ей в плечо. Пятьдесят тысяч вольт молнией пропороли ее тело, парализовав нервную систему. В глазах почернело. Она рухнула на сиденье, руки безжизненно повисли, мышцы свело судорогой, и тело ей больше не подчинялось.

* * *

Звук, похожий на барабанную дробь, раздававшийся откуда-то сверху, вывел ее из забытья. Темнота в глазах постепенно сменилась серым туманом. Она ощутила привкус крови, теплый и металлический, и язык пульсировал в том месте, где она его прикусила. Туман медленно таял, и вот уже она видела дневной свет. Они выбрались из туннеля, направляясь... но куда? Зрение еще не восстановилось, но в окне она все-таки различала контуры высоких зданий на фоне серого неба. Она попыталась пошевелить рукой, но рука была тяжелой и распухшей, а мышцы обмякли после конвульсий. Мелькающие за окном здания и деревья вызывали тошноту, и ей пришлось закрыть глаза. Она сосредоточила все свои силы на том, чтобы заставить мышцы повиноваться. Вскоре ей это удалось: мышцы напряглись, а пальцы сомкнулись в кулак. Сильнее. Еще сильнее.

Открой дверь. Отопри замок.

Она открыла глаза, с трудом сдерживая тошноту. Заставила руку выпрямиться — уже победа. Рука дотянулась до кнопки разблокировки замков. Она нажала ее и услышала знакомый щелчок.

И вдруг почувствовала сильный удар в бедро. Она увидела лицо водителя, когда тот, повернувшись, выстрелил электрошокером ей в ногу. Еще один разряд распорол тело.

Ноги онемели. Темнота накрыла ее словно саваном.

* * *

Капля холодной воды на щеке. Визг клейкой ленты, сдираемой с бобины. Она очнулась, когда он стал заматывать ей скотчем руки, заломив их за спину. Потом он снял с нее туфли, и они с грохотом упали на пол. Содрал носки, чтобы скотч приkleился к голой коже.

Постепенно к ней возвращалось зрение, и теперь она видела его макушку, когда он нагнулся в машину, чтобы связать ей щиколотки. У него за спиной, в открытой двери машины, маячило зеленое пространство. Болото и деревья. Никаких зданий. Может, он затащил ее в болота Бэк-Бэй?

Опять визг скотча и вкус клея на губах.

Он смотрел на нее сверху вниз, и теперь она видела его лицо в деталях, которые не удосужилась отметить, когда он только опустил стекло. Детали, которые тогда ей казались совершенно не важными. Темные глаза, лицо, состоящее из острых углов, с выражением мрачной настороженности. И возбуждение от предстоящего зрелица. Лицо, которое совершенно не запоминалось с заднего сиденья. Таких безликих, одетых в форму

людей полно вокруг, подумала Риццоли. Они убирают наши комнаты в гостиницах, относят багаж и управляют лимузинами, в которых мы ездим. Они живут в параллельном мире, и их редко замечают, разве что когда они требуются.

Пока они не врываются в наш мир.

Он поднял с пола ее сотовый телефон. Бросил его на дорогу и придавил каблуком, превратив в груду пластика и проводов, после чего отпихнул в кусты. Так что надеяться на спасительный номер 911 уже не приходилось.

Теперь он был сама деловитость. Профессионал, занимающийся своим любимым делом. Он нагнулся и подтащил ее к открытой двери, потом без всяких видимых усилий подхватил под мышки и выволок наружу. Солдату спецназа, готовому к длительным марш-броскам со стофунтовым мешком за плечами, ничего не стоило переместить хрупкую женщину. Дождь хлестал ее по лицу, пока он тащил ее к багажнику. Она заметила деревья, казавшиеся серебристыми в пелене дождя, но других машин вокруг не было, хотя и слышался отдаленный шум транспорта. Так бывает, когда, прикладывая раковину к уху, слышишь море. Этот гул был так близко, что у нее невольно вырвался хрип отчаяния.

Багажник был уже открыт, тускло-зеленый парашют разложен в ожидании очередной жертвы. Он бросил ее внутрь, вернулся за туфлями, которые тоже закинул в багажник. Потом захлопнул крышку, и она услышала, как повернулся ключ в замке. Даже если бы у нее не были связаны руки, она бы не смогла вылезти из этого черного гроба.

Было слышно, как хлопнула дверь, и машина опять тронулась с места. Направляясь к месту встречи с человеком, который, она знала, с нетерпением ждет ее.

Она подумала об Уоррене Хойте. Вспомнила его ласковую улыбку, его длинные пальцы в латексных перчатках. Подумала о том, что будут держать его пальцы, и ее охватил ужас. Дыхание участилось, она почувствовала, что задыхается. Она дернулась в панике, изогнулась словно безумное животное, отчаянно хватающееся за жизнь. Лицом она ударила о свой чемодан, и искры посыпались из глаз. Она лежала, ощущая, как бьется пульс и горит щека.

Машина замедлила ход и остановилась.

Она напряглась, сердце готово было выпрыгнуть из груди в ожидании самого страшного. Она расслышала мужской голос, который произнес: «Всего доброго». Автомобиль покатил дальше, постепенно набирая скорость.

По-видимому, они проехали пост на платной автостраде.

Она подумала о маленьких городках, лежавших к западу от Бостона, о пустынных полях и лесах, где никто и не подумает остановиться. Места, где так легко спрятать тело. Она вспомнила труп Гейл Йигер, распухший и почерневший, разбросанные кости Марлы Джин Уэйт, найденные в лесной глуши.

Она закрыла глаза, прислушиваясь к шуршанию шин и пытаясь определить характер дороги. Они ехали очень быстро. Наверное, уже выехали за пределы Бостона. Что сейчас думает Фрост, не дождавшись ее звонка? Сколько времени пройдет, прежде чем он догадается, что случилась беда?

Какая разница. Он все равно не узнает, где меня искать. Никто не знает.

Левая рука уже затекла под тяжестью тела, и покалывание становилось невыносимым. Она перекатилась на живот, прижавшись лицом к шелковистой парашютной ткани. Той самой ткани, в которую были завернуты трупы Гейл Йигер и Каренны Гент. Ей показалось, что она вдыхает запах смерти. Мерзкий запах разложения. Испытав отвращение, она попыталась встать на колени и ударила головой о крышку багажника. Боль пронзила голову. Ее чемодан, хотя и маленький, практически не оставлял ей пространства для маневра, и клаустрофobia вновь вселила в нее панику.

Спокойно. Черт побери, Риццоли, возьми себя в руки.

Но избавиться от мыслей о Хирурге не удавалось. Она опять видела склоненное над ней лицо, когда она лежала на холодном каменном полу подвала. Помнила тягостные минуты ожидания смертельного удара скальпелем, от которого не было спасения. И тогда она мечтала только о быстрой смерти.

Но альтернатива оказалась куда хуже.

Она заставила себя дышать медленно, глубоко. Что-то теплое поползло по щеке, и защипало кожу на затылке. Она явно поранила голову, и теперь ручеек крови медленно, но уверенно стекал на ткань парашюта. Вещественное доказательство, подумала она. Кровавый след моего присутствия.

Я истекаю кровью. Обо что я могла поранить голову?

Она подняла руки над спиной, и пальцы заскользили по крышке багажника. Она ощупала пластиковую поверхность с гладкими вставками из металла. И вдруг что-то острое впилось в кожу.

Она сделала передышку, чтобы размять затекшие мышцы, сморгнуть

кровь с век. И вновь прислушалась к шуму колес.
Они ехали быстро, оставляя Бостон далеко позади.

* * *

Как здесь здорово, в этом лесу. Я стою среди деревьев, и их верхушки пронзают небо словно шпили собора. Все утро лил дождь, но сейчас солнце пробивается сквозь облака и освещает лужайку, на которой я вбил четыре железных кола, прикрепив к каждому веревочные петли. Если не считать шелеста листьев, в лесу стоит мертвая тишина.

Вдруг я слышу шорох крыльев и, поднимая глаза, вижу трех ворон, усевшихся высоко на ветках. Они наблюдают за происходящим со странным интересом. Они уже знают, что это за место, и теперь просто ждут, сложив черные крылья, когда можно будет поживиться.

Солнечные лучи согревают землю, и от мокрых листьев поднимается пар. Я повесил свой рюкзак на ветку, чтобы не намочить, и он висит там, словно тяжелый фрукт. Инструменты, сложенные в нем, оттягивают ветку вниз. Мне не нужно проверять содержимое рюкзака, я собирал его аккуратно, любовно оглаживая холодную сталь. Даже после года тюрьмы я не утратил навыков, и, смыкая пальцы вокруг скальпеля, испытываю радость и трепет, как от теплого рукопожатия со старым другом.

И я готов встретиться с другим старым другом.

Я выхожу на дорогу и жду.

Облака уже рассеялись, и день становится все более теплым. Дорога — это всего лишь две грязные колеи, и в них кое-где торчат высокие сорняки, чахлые головки которых поднимаются всякий раз, после того как здесь проходит машина. Я слышу карканье и вижу, как три вороны вспархивают с веток и следуют за мной в ожидании шоу.

Все любят быть зрителями.

Тонкая полоска пыли появляется за деревьями. Приближается автомобиль. Я жду, и мое сердце бьется все чаще, а ладони потеют в предвкушении. Наконец я его вижу — блестящее черное чудище медленно ползет по грязи, сохраняя достоинство. Он везет ко мне на встречу старого друга.

Это будет долгая встреча, так мне кажется. Поднимая взгляд, я вижу, что солнце еще высоко, оно дарит нам часы дневного света. Часы для летних забав.

Я выхожу на дорогу, и лимузин останавливается прямо передо мной.

Водитель выходит. Нам не нужно слов; мы просто обмениваемся взглядами и улыбаемся. Это улыбка двух братьев, связанных не семейными узами, но общими желаниями, мечтами. Слова, написанные на бумаге, соединили нас. В своих длинных письмах мы делились друг с другом фантазиями, и слова, которые ложились на лист, скрепляли наш союз. Это они привели нас в лес, где за нами наблюдают вороны.

Мы вместе идем к багажнику машины. Мой партнер возбужден от мысли, что скоро трахнет ее. Я вижу, как напряжен его член, и слышу, как позвякивают в его руке ключи от машины. Его зрачки расширены, а над верхней губой блестят капельки пота. Мы стоим возле багажника и, как голодные, ожидаем первого взгляда на нашу гостью. Ждем, когда сможем насладиться ее ужасом.

Он вставляет ключ в багажник и поворачивает его. Крышка багажника поднимается.

Она лежит, свернувшись на боку, и, глядя на нас, щурится от яркого солнца. Я сосредоточен только на ней и не придаю значения торчащему из уголка чемодана белому бюстгальтеру. Только когда мой партнер наклоняется, чтобы достать ее из багажника, до меня доходит смысл увиденного.

Я кричу: «Нет!»

Но она уже выставила вперед обе руки. И уже спускает курок пистолета.

Его голова взрывается в кровавом облаке.

Странно, но меня завораживает изящный пирамидальный пируэт, который проделывает его тело, выгибаясь и падая назад. И мне нравится, как ее руки вспархивают, целясь в меня. Мне хватает времени только на то, чтобы отскочить в сторону, и в этот момент вторая пуля вылетает из ее пистолета.

Я чувствую, как пуля впивается мне в шею.

Странный балет продолжается, только теперь на сцене я исполняю свой танец, взмахивая руками словно умирающий лебедь. Потом падаю на бок, но не чувствую боли — слышу только, как хлюпает подо мной грязь. Я лежу в ожидании конвульсий, но ничего нет. Только удивление.

Я слышу, как она пытается выбраться из багажника. Она лежала там, скрючившись, больше часа, и ей требуется несколько минут, чтобы размять затекшие ноги.

Она приближается ко мне, толкает меня ногой в плечо, переворачивая на спину. Я в полном сознании и смотрю на нее, догадываясь о том, что сейчас произойдет. Она направляет дуло пистолета мне в лицо, ее руки

дрожат, дыхание хриплое, прерывистое. Засохшая кровь на ее левой щеке выглядит словно боевая раскраска. Каждый мускул ее тела нацелен на убийство. Каждый инстинкт призывает спустить курок. Я смотрю на нее, мне не страшно, я с удовольствием наблюдаю за той битвой, что отражается в ее глазах. Мне интересно, какой способ защиты она выберет. В своих руках она держит оружие собственного уничтожения, а я всего лишь катализатор.

Убей меня, и этим ты уничтожишь себя.

Оставь мне жизнь, и я навеки послюсь в твоихочных кошмарах.

Она тихо всхлипывает. Медленно опускает пистолет. «Нет», — шепчет она. И уже громче, с вызовом, повторяет: «Нет». Потом расправляет плечи и делает глубокий вдох.

И возвращается к машине.

Риццоли стояла на лужайке, глядя на четыре железных кола, вогнанных в землю. Два для рук, два для ног. Шнуры, уже в форме петли, должны были затянуться на запястьях и щиколотках. Она старалась не думать о предназначении этих кольев. Вместо этого она двинулась вдоль леса — деловито, как настоящий полицейский, осматривающий место происшествия. Она гнала прочь мысли о том, что это ее конечности должны были быть привязаны к кольям, и ее плоть должны были кромсать инструменты, припасенные в рюкзаке Хойта. Она чувствовала на себе взгляды своих коллег, слышала, как их голоса понизились до шепота, когда она приблизилась. Повязка на голове однозначно выдавала в ней раненую, и они обращались с ней как с хрупкой и бесценной вазой. Это было лишнее, ей совсем не хотелось ощущать себя жертвой. Она должна была доказать прежде всего себе самой, что полностью контролирует свои эмоции.

Поэтому она обошла лужайку так, как если бы это было обычное место происшествия. Еще вчера криминалисты из полицейского управления штата все сфотографировали, обработали на предмет улик, и оцепление было снято, но сегодня утром Риццоли и ее команда захотели осмотреть все своими глазами. Она забрела с Фростом в лес, измерив рулеткой расстояние от дороги до лужайки, где полиция обнаружила рюкзак Хойта. Не отвлекаясь на любование красотами этого участка леса, Риццоли осмотрела место. В ее блокноте был полный список того, что хранилось в рюкзаке: скальпели и клещи, щипцы и перчатки. Она изучила фотографии отпечатков подошв Хойта, теперь закатанных в пластик, рассмотрела запечатанные в пакеты шнуры с петлями, не позволяя себе думать о том, для кого они предназначались. Она посмотрела на небо, не смея признаться себе в том, что этот вид — верхушки деревьев на фоне неба — мог стать последним в ее жизни. Джейн Риццоли — жертвы сегодня здесь не было. Может, коллеги и наблюдали за ней, ожидая, когда она сорвется, но напрасно. Они этого не дождутся. Никто не дождется.

Она закрыла свой блокнот и, подняв глаза, увидела за деревьями Габриэля Дина, который направлялся к ней. Хотя ее сердце и забилось сильнее, она встретила его сухим кивком, и в ее взгляде явственно читалось: «Давайте не отвлекаться от дела».

Он понял, и они встали рядом как два профессионала, стараясь не

выдать и намека на интимную близость, которую им довелось пережить всего пару дней назад.

— Шофер был нанят полгода назад службой заказа VIP-лимузинов, — сказала она. — Йигеры, Генты, Уэйты — все они были в числе клиентов, которых он подвозил. У него был доступ к расписанию подачи машин для VIP-клиентов. Должно быть, он увидел в этом списке и мое имя; отменил мой заказ, чтобы занять место водителя, который должен был приехать за мной в аэропорт.

— А в этой фирме проверяли его служебной список?

— Его рекомендации были отличными, хотя и датированы несколькими годами ранее. — Она сделала паузу. — Кстати, в его резюме не было упоминания о военной службе.

— Это потому, что Джон Старк — его ненастоящее имя.

Риццоли нахмурилась.

— Так он еще и имя украл?

Дин жестом пригласил ее зайти в лес. Они ушли с лужайки и оказались в гуще деревьев, где могли говорить, не опасаясь быть услышанными.

— Настоящий Джон Старк погиб в сентябре девяносто девятого года в Косове, — сказал Дин. — Он был строительным рабочим, прибыл туда по линии ООН. Погиб, когда его джип подорвался на мине. Он похоронен в Корпус-Кристи, в Техасе.

— Выходит, мы даже не знаем настоящего имени нашего убийцы.

Дин покачал головой.

— Отпечатки пальцев, рентгеновские снимки зубов, образцы тканей будут направлены и в Пентагон, и в ЦРУ.

— Мы ведь не получим ответов ни от тех, ни от других. Верно?

— Нет, если окажется, что Властелин — их человек. Ты просто решила за них их проблему. Больше их ничего не волнует.

— Может, я и решила их проблему, — горько произнесла она. — Но только не свою.

— Хойт? Он больше никогда не причинит тебе вреда.

— Господи, мне требовалось лишь сделать еще один выстрел...

— Он, вероятно, парализован до конца своих дней, Джейн. Я не могу представить себе более тяжкого наказания.

Они вышли из леса на грязную дорогу. Лимузин успели увезти, но на дороге еще остались следы, напоминавшие о том, что здесь произошло. Она посмотрела на засохшую лужицу крови, в которой умер человек, называвший себя Джоном Старком. Чуть дальше виднелось пятно

поменьше — там упал Хойт, с онемевшими ногами, с поврежденным позвоночником.

Я могла бы покончить с ним, но позволила ему остаться в живых. И я до сих пор не знаю, правильно ли я поступила.

— Как ты, Джейн?

Риццоли услышала интимные нотки в его вопросе, молчаливое признание того, что отныне они не просто коллеги. Она взглянула на него и вдруг вспомнила о своем расцарапанном лице и перевязанной голове. Ей вовсе не хотелось, чтобы он видел ее такой, но вот она стояла перед ним, и не было смысла скрывать синяки. Оставалось только стоять и просто смотреть ему в глаза.

— Все в порядке, — сказала она. — Несколько швов на голове, несколько порваных мышц. И уродливая физиономия. — Она махнула на свое покалеченное лицо и рассмеялась. — Но ты бы видел голову того парня.

— Мне кажется, тебе не следует здесь находиться, — сказал Дин.

— Что ты имеешь в виду?

— Прошло слишком мало времени.

— Мне как раз необходимо быть здесь.

— Ты никогда не даешь себе поблажки?

— А зачем?

— Затем, что ты не машина. Ты все равно переживаешь. Хотя и притворяешься, будто здесь для тебя рядовое место происшествия.

— Так оно и есть.

— Даже после того, что едва не случилось?

Едва не случилось.

Она посмотрела на пятна крови, засохшие в грязи, и на мгновение дорога как будто покачнулась, и стены, которые она с таким трудом возвела, треснули, угрожая разрушением самому фундаменту, на котором она сейчас стояла.

Дин поддержал ее под руку, и это вызвало у нее слезы. Его уверенное прикосновение как будто говорило: «Хотя бы раз позовь себе быть обычным человеком. Быть слабой».

— Прости меня за Вашингтон, — тихо произнесла она.

Она увидела боль в его глазах и догадалась, что он неправильно понял смысл ее слов.

— Выходит, ты жалеешь о том, что было, — хрипло произнес он.

— Нет, я совсем не об этом...

— Тогда за что ты просишь прощения?

Она вздохнула.

— За то, что уехала, не сказав тебе, как много для меня значила та ночь. Мне жаль, что я даже толком не попрощалась с тобой. И что... — Она запнулась. — И что не позволила тебе позаботиться обо мне, хотя бы раз. Потому что, по правде говоря, мне была очень нужна твоя забота. Я не такая уж сильная, какой хочу казаться.

Он улыбнулся и сжал ее руку.

— Никто из нас не может этим похвастать, Джейн.

— Эй, Риццоли! — Это был Барри Фрост, который искал ее в лесу.

Она смахнула набежавшие слезы и обернулась на его крик.

— Да?

— У нас только что прошел вызов двадцать-пятьдесят четыре. Бакалейный магазин, Джамайка-Плейн. Убиты продавец и покупатель. Место происшествия уже оцеплено.

— Боже! В такую рань...

— Наша очередь ехать на вызов. Ты с нами?

Она глубоко вздохнула и повернулась к Дину. Он уже отпустил ее руку, и, хотя ей так не хватало его прикосновения, она почувствовала себя сильной, дрожь ушла, и земля под ногами вновь стала твердой. Но она еще не была готова оборвать этот миг. Их расставание в Вашингтоне оказалось смазанным; она не собиралась допустить такое еще раз. Она не позволит, чтобы ее жизнь стала похожей на жизнь Корсака — печальную хронику сожалений и разочарований.

— Фрост! — крикнула она, не отрывая взгляда от Дина.

— Да?

— Я не еду.

— Что?!

— Пусть съездит другая группа. Я что-то не в форме.

Ответа не последовало. Она посмотрела на Фроста и увидела его застывшее от изумления лицо.

— Ты хочешь сказать... ты берешь выходной? — вымолвил Фрост.

— Да. Это мой первый пропуск по болезни. Ты видишь в этом какую-то проблему?

Фрост покачал головой и рассмеялся.

— Давно пора. Это все, что я могу сказать.

Риццоли смотрела вслед Фросту. Его смех все еще разносился по лесу. Она дождалась, пока он скрылся за деревьями, и повернулась к Дину.

Он раскрыл объятия, и она бросилась в них.

Каждые два часа они приходят осматривать меня — нет ли пролежней. Это трио сменщиц: Армина в дневную смену, Белла по вечерам, а ночью — тихая и застенчивая Корасон. Мои девочки, так я их называю. Для человека непосвященного они все одинаковые, с гладкими смуглыми личиками и мелодичными голосами. Хор филиппинок в белых халатах. Но я вижу, какие они разные. По тому, как они подходят к моей кровати, как перекатывают меня с боку на бок, чтобы поменять положение тела. Так надо, иначе под тяжестью тела испортится кожа. Разрушатся капилляры, прекратится доступ крови к тканям, они станут бледными, тонкими и очень ранеными. Одна маленькая ссадина может быстро превратиться в очаг гниения.

Благодаря моим девочкам у меня нет пролежней — во всяком случае они так говорят. Я не могу проверить, потому что не вижу своей спины или ягодиц и не чувствую тела ниже уровня плеч. Я полностью зависим от Армины, Беллы и Корасон, которые поддерживают во мне жизнь, и, как маленький ребенок, обращаю особое внимание на тех, кто заботится обо мне. Я изучаю их лица, вдыхаю их запахи, запоминаю их интонации. Я знаю, что у Армины нос с горбинкой, от Беллы часто пахнет чесноком, а Корасон слегка заикается.

И я знаю, что все они боятся меня.

Конечно, им известно, почему я здесь. Каждый, кто работает в неврологии, знает, что я такой, и, хотя ко мне относятся так же вежливо, как к другим пациентам, я замечаю, что они не смотрят мне в глаза, с опаской касаются меня, как будто перед ними раскаленный утюг. Я ловлю взгляды медсестер в холле, которые косятся на меня, переглядываются и шепчутся. Они болтают с другими пациентами, спрашивают их про семьи и друзей, но мне такие вопросы никогда не задают. Меня спрашивают только о том, как я себя чувствую и хорошо ли я спал.

Но я-то знаю, что их распирает от любопытства. Всем интересно, всем хочется заглянуть в душу к Хирургу, но они боятся даже приблизиться, как будто я вдруг вскочу и наброшусь на них. Поэтому они бросают на меня взгляды из-за дверей и заходят только по необходимости. Мои девочки занимаются моей кожей, моим мочевым пузырем, моим кишечником, но потом улетают, оставляя чудовище в его логове,

прикованным к кровати собственным изуродованным телом.

Неудивительно, что я с таким нетерпением ожидаю визитов доктора О'Доннелл.

Она приходит раз в неделю. Приносит магнитофон, блокнот и несколько ручек, чтобы делать записи. И еще она приносит свое любопытство, демонстрирует его бесстрашно и бесстыдно. Ее любопытство чисто профессиональное — во всяком случае она так считает. Она придвигает свой стул поближе к моей кровати и устанавливает микрофон на тумбочку, так чтобы он ловил каждое мое слово. Потом наклоняется ко мне, выгибая шею, как будто предлагает мне свое горло. Какое у нее чудное горло! Она натуральная блондинка, с бледной кожей, и ее вены выделяются изящными голубыми линиями под прозрачной кожей. Она смотрит на меня без всякой боязни и задает свои вопросы.

— Ты скучаешь по Джону Старку?

— Вы знаете, что да. Я потерял брата.

— Брата? Но ведь ты даже не знаешь его настоящего имени.

— Да, меня и полиция постоянно об этом спрашивает. Но я не могу помочь им, он никогда не говорил мне, кто он на самом деле.

— Между тем ты переписывался с ним все то время, что находился в тюрьме.

— Имена были для нас не важны.

— Вы достаточно хорошо знали друг друга, раз убивали вместе.

— Это было лишь раз, на Бикон-Хилл. Мне кажется, это все равно что заниматься любовью первый раз, когда партнеры только учатся доверять друг другу.

— Выходит, убивая вместе, вы узнавали друг друга?

— А разве есть лучший способ?

Она вскидывает брови, как будто не уверена в том, что я говорю серьезно. Но это так. Я не шучу.

— Ты называешь его братом, — говорит она. — Какой смысл ты в это вкладываешь?

— Мы были связаны. Это были священные узы. Так трудно найти человека, который бы полностью понимал тебя.

— Могу себе представить.

Я очень чутко улавливаю сарказм, но сейчас я его не слышу в ее голосе, не вижу в ее глазах.

— Я знаю, на свете есть и другие такие же, как мы, — говорю я.

— Главное — найти их, наладить контакт. Мы ведь все хотим найти себе

подобных.

— Ты так говоришь, будто вы принадлежите к какому-то особому подвиду.

— Homo sapiens reptiles, — отвечаю я.

— Не поняла.

— Я читал, что в нашем мозге есть участок, который достался нам от рептилий. Он контролирует самые примитивные функции организма. Скажем, драку и полет. Совокупление. Агрессию.

— О, ты имеешь в виду Archipallium.

— Да. Мозг, который мы имели до того, как стали людьми и приобщились к цивилизации. В нем нет ни эмоций, ни сознания, ни морали. В общем, то же самое, что вы видите, глядя в глаза кобры. Эта же часть мозга отвечает за стимуляцию обоняния. Вот почему рептилии так чутки к запахам.

— Совершенно верно. С точки зрения неврологии, наша обонятельная система тесно связана с Archipallium.

— Вы знали, что у меня всегда было сверхъестественное обоняние?

Какое-то мгновение она просто таращится на меня. Она опять не знает, говорю ли я серьезно или просто придумал эту теорию, поскольку знал, что она заинтересуется ею как нейропсихиатр.

Ее следующий вопрос убеждает меня в том, что она решила отнестись ко мне серьезно.

— А у Джона Старка тоже было обостренное обоняние?

— Не знаю. — Я пристально смотрю на нее. — Теперь, когда его нет в живых, мы уже этого не узнаем.

Она изучает меня словно кошка, готовая к прыжку.

— По-моему, ты злишься, Уоррен.

— А разве у меня для этого нет причины? — Мой взгляд падает на мое никчемное тело, неподвижно распластанное на кровати. Я даже больше не думаю о нем как о своем теле. Да и с чего бы я стал так думать? Это просто куча чужой плоти.

— Ты злишься на ту женщину-полицейского, — говорит она.

Столь очевидный вывод даже не заслуживает ответа, поэтому я молчу.

Но доктор О'Доннелл любит копаться в чувствах, срывать кожу с ран, обнажая сырое кровавое месиво. Она уже учудила, что здесь пахнет чувствами, и теперь ей хочется поковыряться в этой тонкой материи.

— Ты все еще думаешь о детективе Риццоли? — спрашивает она.

— Каждый день.

— И каковы твои мысли?

— Что именно вы хотите знать?

— Я пытаюсь понять тебя, Уоррен. Что ты думаешь, что чувствуешь. Что заставляет тебя убивать.

— Выходит, я по-прежнему ваш подопытный кролик. А не друг.

Пауза.

— Да, я могу быть твоим другом...

— Но вы ведь не поэтому приходите сюда.

— Честно говоря, я прихожу сюда, чтобы поучиться у тебя. Чтобы ты научил всех нас понимать природу убийства. — Она придвигается ближе и говорит совсем тихо: — Так расскажи мне. Все свои мысли, пусть даже они слишком откровенные.

Следует долгое молчание. Потом я говорю тихим голосом:

— У меня рождаются фантазии...

— Какие фантазии?

— О Джейн Риццоли. О том, что бы я сделал с ней.

— Расскажи мне.

— Они слишком извращенные. Я уверен, вам они покажутся отвратительными.

— Тем не менее я бы хотела послушать.

В ее глазах появляется какой-то странный блеск, они как будто светятся изнутри. Лицо ее напряжено в предвкушении. Она задерживает дыхание.

Я смотрю на нее и думаю. О, да, она бы с удовольствием послушала их. Как и все другие, мечтающие услышать самые мрачные подробности. Она уверяет, что ее интерес чисто научный, что мои рассказы нужны ей исключительно для исследований. Но я вижу искру желания в ее глазах. Я улавливаю запах возбуждения.

Я вижу перед собой рептилию, которая томится в клетке.

Она хочет знать то, что знаю я. Она жаждет окунуться в мой мир. Она наконец готова к этому путешествию.

Пришло время пригласить ее с собой.